

Ликвидация

АЛЕКСАНДР
СЕВЕР

КГБ ПРОТИВ ОУН
УБИЙСТВО
БАНДЕРЫ

Annotation

Степан Бандера, один из главных идеологов и теоретиков украинского национализма, с 1940 года был руководителем Организации украинских националистов (ОУН), которая боролась за создание независимой Украины. Особенно яростной эта борьба стала в послевоенные годы, когда ОУН угрожала единству Украины и России в составе СССР. Неудивительно, что советские спецслужбы устроили настоящую охоту на Бандеру, и в конце концов он был убит агентом КГБ Богданом Сташинским.

В книге А. Севера, авторитетного историка спецслужб, показаны все обстоятельства ликвидации Бандеры, для чего автор использует уникальные материалы из архивов КГБ. Но книга не только об этом — она дает широкую картину бандеровского движения на Украине: его причин, характера, методов действий.

- [Александр Север](#)
 - [Предисловие](#)
 - [За что сражался Степан Бандера](#)
 - [Украинцы — кто они](#)
 - [Украинская мова](#)
 - [Украинские националисты](#)
 - [Все придумано до него](#)
 - [Когда зародился украинский национализм](#)
 - [Кобзарь украинского национализма](#)
 - [Развивая идеи Кирилло-Мефодиевского братства](#)
 - [Революционная украинская партия — РУП](#)
 - [Михаил Грушевский](#)

- [«Заграница нам поможет»](#)
- [Начало политической карьеры](#)
- [Западноукраинские начинают...](#)
- [«Союз освобождения Украины»](#)
- [«Всеобщая Украинская Рада» \(ВУР\)](#)
- [Легион украинских сечевых стрельцов \(УСС\)](#)
- [Когда российский царь отрекся от престола](#)
- [Украинская Народная Республика](#)
- [Западно-Украинская Народная Республика](#)
- [Кто воевал на украинском фронте Гражданской войны?](#)
- [Украинские националисты в эмиграции](#)
- [Кто привел его к власти?](#)
 -
 - [Лебедь-Хомяк](#)
 - [Раскол среди западноукраинских националистов](#)
 - [Война продолжается](#)
 - [Взрыв в Роттердаме](#)
- [Новый главный противник](#)
 -
 - [Раскол в ОУН: что сообщали чекисты](#)
 - [Активизация борьбы против СССР](#)
 - [Личный «крот» Павла Судоплатова](#)
- [На службе у оккупантов](#)
 -
 - [Сотрудничая с германской разведкой](#)
 - [Дивизия СС «Галичина»](#)
 - [Диверсанты, ставшие карателями](#)
 - [Полицейские подразделения](#)
- [Из карателей в повстанцы](#)
 -
 - [Рождение Украинской повстанческой армии](#)
 - [Резня на Волыни](#)
 - [Когда вернулась советская власть](#)
- [Противники мирной жизни](#)

-
- [Живя за «железным» занавесом](#)
- [Что происходило за «железным занавесом»](#)
- [Кто истреблял граждан Украины](#)
- [Первый выигранный раунд](#)
- [Смена тактики борьбы](#)
- [Рейдирующие группы](#)
- [Кругом одни чекисты](#)
- [Приступить к ликвидации](#)
- [Подводя итоги](#)
- [Ликвидирован по приказу Москвы](#)
 -
 - [Шесть неудачных и одна удачная](#)
 - [Партия приказала, КГБ выполнил](#)
 - [Выполняя приказ Москвы](#)
 - [Охота на Льва Ребета](#)
 - [Охота на Степана Бандеру — 2](#)
 - [Долгий путь на Запад](#)
- [От агента «Олега» до внештатного киллера Тараса»](#)
 -
 - [Свой среди чужих](#)
 - [В составе агентурно-боевой группы «Тайфун»](#)
 - [Готовясь к работе за рубежом](#)
 - [На закордонной работе](#)
 - [«А у вас ус отклеился»](#)
- [О чем сообщили западные СМИ](#)
 -
 - [Убийца на тайной службе Москвы](#)
 - [Жертва коварных чекистов](#)
- [Вместо заключения](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
-

**Александр Север
КГБ против ОУН. Убийство
Бандеры**

Предисловие

19 августа 1961 года председатель КГБ Украинской ССР Виталий Никитченко получил адресованную ему лично шифротелеграмму за подписью первого заместителя начальника ПГУ (Первое главное управление — внешняя разведка) КГБ СССР Федора Мортина. Сама шифротелеграмма была уничтожена, зато сохранилась справка, где было пересказано содержание данного документа:

«Сообщено, что 12.8.1961 года из демократического сектора города Берлин исчез агент “ТАРАС”.

Предложено в связи с этим обеспечить агентурным наблюдением его родственников, проживающих в республике и поставить на “ПК” всю их переписку...».

Справедливости ради отметим, что и до этого распоряжения московского начальства украинские чекисты присматривали за родителями и сестрами «Тараса», да мероприятия «ПК» (перлюстрация корреспонденции) так же регулярно проводили. Одна из причин резко возросшего интереса сотрудников центрального аппарата к родственникам пропавшего агента — предположение о том, что он может там объявиться. Возможно, что кому-то такая мысль покажется страной (высока вероятность, что он сбежал на Запад), но в Москве так не считали.

Сам «Тарас» во время нахождения на территории ГДР находился под наблюдением чекистов. На конспиративной квартире, где он проживал, была организована прослушка. Более того, «слухачи» зафиксировали намерение агента уйти на Запад, как полагается, запротоколировали это и доложили начальству. Правда, руководство замешкалось с реакцией на это сообщение. В результате карьеры

многих сотрудников разведки были погублены. А вот «слухачам» повезло — продолжили службу в КГБ, они все сделали правильно.

«Наряду с этим предложено на основании имеющихся в делах материалов на агента подготовить хорошо аргументированный материал, который мог бы его компрометировать как оуновского бандита бежавшего от советского правосудия и используемого иноразведкой в своих подрывных целях. Предполагается использовать этот документ в том случае, если “ТАРАС” начнет выступать с какими-нибудь антисоветскими заявлениями.

Указано на необходимость проведения всех мероприятий по делу “ТАРАСА” с соблюдением самой строгой конспирации».

Реализовать это указание Москвы украинским чекистам было относительно легко. Ведь еще в 1948 году студент первого курса физико-математического факультета Львовского педагогического института Богдан Сташинский начал активно участвовать в деятельности молодежной организации западноукраинских националистов, да и обе его сестры были связаны с местным бандподпольем (а по-другому нельзя называть то, чем занимались борцы «За незалежність України»). И до момента его вербовки чекистами в апреле 1950 года на «Тараса» было накоплено достаточно компромата. А после вербовки он еще до лета 1952 года участвовал в различных операциях, направленных против бандеровцев. И по этому периоду жизни перебежчика можно было что-то подобрать, характеризующего его «как оуновского бандита, сбежавшего от советского правосудия».

Вот только на Лубянке в Москве и на Владимирской улице в Киеве (место нахождения штаб-квартиры КГБ УССР) еще не знали, что все попытки КГБ скомпрометировать ушедшего на Запад агента органов

советской госбезопасности будут обречены на провал. Ведь Богдан Сташинский («Олег», «Тарас») сообщил полиции ФРГ о том, что именно он в Мюнхене по приказу Москвы ликвидировал двух лидеров ОУН — Льва Ребета (октябрь 1957 года) и Степана Бандеру (октябрь 1959 года). Тем самым опровергнув официальную версию местной полиции о том, что причина обеих смертей была некриминального характера.

«Хорошо аргументированный материал» на агента «Тараса» сотрудники КГБ СССР подготовили только к 9 сентября 1961 года. Правда, этот документ оказался невостребованным. Противник нанес упреждающий удар. По действующему тогда уголовному законодательству ФРГ «Тарасу» грозило пожизненное заключение. Но судья признал убийцу всего лишь «сообщником или исполнителем чужой воли», а главными виновными были объявлены председатели КГБ Иван Серов (занимал этот пост с марта 1954 года по декабрь 1958 года) и Александр Шелепин (с декабря 1958 года по ноябрь 1961 года). Благодаря чему Богдан Сташинский в 1962 году был приговорен лишь к 8 годам тюремного заключения. Для судопроизводства ФРГ такое решение было необычным. Несмотря на это, Верховный суд страны оставил приговор в силе.

Согласно распространенной на Западе версии, такая мягкость судьи объяснялась желанием последнего дать «сигнал» другим агентам и кадровым сотрудникам иностранных разведок (в первую очередь Восточной Европы): даже если вы совершили тяжкое преступление, то чистосердечное признание и активное сотрудничество с правоохранительными органами будет учтено судом. В мире шла холодная война. В середине августа 1960 года была возведена Берлинская стена. Любопытный факт. «Тарас» вместе с женой сумел перебраться из Восточного Берлина в Западный 12

августа 1961 года. Напомним, что Берлинская стена была возведена в ночь с 12 на 13 августа 1961 года.

Была и другая причина, о которой на Западе стараются не говорить. Для ФРГ, как и для ее политического «наследника» — современной Германии, так и предшественников — Третьего рейха и Германской империи западноукраинские националисты — всего лишь инструмент для борьбы с Россией и не более того. Поэтому жители ФРГ относительно спокойно восприняли тот факт, что коварные чекисты в Мюнхене организовали двойное политическое убийство. Поэтому и приговор «ликвидатору с Лубянки» был относительно мягок. Да и в западногерманские СМИ сообщали об этом деле достаточно лаконично. Статьи и радиопередачи были, но их количество было минимальным. Хотя западногерманские и американские спецслужбы попытались провести, выражаясь современным языком, PR-компанию с целью дискредитации Москвы, но полностью достичь требуемых результатов не получилось. И основная причина — большинство жителей ФРГ, за исключением украинских эмигрантов, просто не знали, кто же такой Степан Бандера и почему именно его решили убить «коварные чекисты». Зато о жертве Лубянки, а точнее — о совершенных по его приказу деяниях прекрасно знали проживавшие на территории Западной Украины советские граждане. Большинство из них, в т. ч. и националисты, отреагировали на известие о гибели Степана Бандеры положительно или нейтрально. Дело в том, что те, кого в СССР именовали бандеровцами, относились к жертве не очень уважительно. А как еще воспринимать политического лидера, который с 1945 года постоянно проживал в Западной Германии в комфортных условиях и мог не опасаться за свою жизнь, но при этом регулярно призывал своих сторонников к вооруженной борьбе с советской властью? А то, что последняя

боролась со своими противниками достаточно жестко — в этом западноукраинские националисты смогли убедиться еще до начала Великой Отечественной войны. Впрочем, были и другие причины, которые негативно влияли на имидж Степана Бандеры.

Хотя в Советском Союзе были и те, кто был сильно недоволен ликвидацией одного из главарей западноукраинских националистов. Парадоксально, но это были чекисты, в т. ч. и те, кто с тридцатых годов активно боролся с бандеровцами. У них было две претензии к руководству Лубянки и СССР.

Во-первых, звучит цинично, но смерть Степана Бандеры никак не повлияла на ситуацию с западноукраинским национализмом в Советском Союзе. Ведь жертва после 1945 года почти полностью утратила влияние на то, что происходило на территории СССР. Да и к моменту совершения убийства на территории Украины уже не было вооруженных формирований западноукраинских националистов.

Во-вторых, выбор исполнителя для ликвидации Степана Бандеры. А точнее — его дальнейшее использование. После выполнения задания Богдана Сташинского нужно было сделать «невыездным». Говоря другими словами, не выпускать за пределы СССР ни при каких условиях. К тому же не были полностью учтены его морально-психологические особенности. Фактически он был наемником и работал из интереса к тому, чем занимался и за что хорошо платили. Дело в том, что он как агент органов госбезопасности ежемесячно получал фиксированное вознаграждение за свою работу. Ну и премии за удачно проведенные операции. При этом он, вопреки утверждениям отдельных журналистов, никогда не был офицером госбезопасности.

В процессе его подготовки выяснилось, что он совершенно аполитичен. Разумеется, с ним проводили политзанятия, он регулярно конспектировал

«передовицы» из газеты «Правда», но все это было формальностью или неким ритуалом. Соответственно, он не был приверженцем советской власти. Да и в СССР его почти ничего не удерживало. Хотя в Западной Украине жили его родители и сестры, но взаимоотношения с ними были, мягко говоря, сложными. К тому же с 1952 года по 1960 год он фактически находился на нелегальном положении — жил на съемных квартирах в Киеве, Львове, Москве, а также в Польше и ГДР под чужим именем. В результате он привык к кочевому образу жизни. Поэтому перебраться на жительство в другую страну для него психологически было проще, чем для человека, у которого есть семья, дом, постоянная работа, друзья и т. п.

К этому следует добавить историю с немкой Ингой Польш, которая стала его женой. Они познакомились в 1958 году на танцплощадке казино в Западной Германии. Она — дочь владельца небольшой парикмахерской в ГДР. В отличие от СССР в Восточной Германии в отдельных отраслях был разрешен малый бизнес. В январе 1959 года они обвенчались. Руководство советской разведки не возражало против их брака. Планировалось, что их совместно можно будет использовать на нелегальной работе. Правда, потом выяснилось, что Инга была категорически против этого. Плюс к этому личная трагедия — смерть их сына в возрасте двух месяцев. Она уговорила мужа не просто сбежать на Запад, а прийти в полицию и признаться в совершении двух убийств. А это как минимум больше 10 лет тюремного заключения по законам ФРГ. И Богдан Сташинский согласился на это. Что, по мнению отдельных чекистов, характеризует его как не самую подходящую кандидатуру на «должность» ликвидатора. Поясним, что речь идет о том, что «Тарас» был неустойчив к чужому влиянию. А это в работе спецаргента недопустимо.

Хотя в истории ликвидации Степана Бандеры интересны и важны не описанные выше нюансы, а личности убийцы и его жертвы. А точнее — их деяния. Ведь фактически, если бы Степан Бандера, начиная с середины тридцатых годов, не стал реализовывать собственную стратегию и тактику деятельности западноукраинских националистов и придерживался пути, разработанного предшественниками, то Богдан Сташинский не был завербован чекистами и не стал бы спецагентом. Просто он бы не был интересен органам госбезопасности. А сам Степан Бандера умер бы естественной смертью и сейчас бы о нем мало кто помнил.

За что сражался Степан Бандера

Степан Бандера и его сторонники — бандеровцы — стали символами борьбы за «самостийность Украины» и радикального западноукраинского национализма, одно из проявлений которого — вооруженная борьба с советской властью и террор по отношению к мирному населению.

Согласно данным современных украинских историков: «ОУН и УПА провело 14424 акции, в т. ч. 4904 теракта, 195 диверсий, 645 нападений на представителей советской власти и председателей колхозов. Жертвами повстанцев стали 30 676 человек. Среди них: 687 военнослужащих и бойцов истребительных батальонов, оперработников МВД; 1864 оперработника НКВД — МГБ; 3199 военнослужащих пограничных и внутренних войск; два депутата Верховного Совета; один начальник облвоенкомата; 40 руководителей гор- и райвоенкоматов; 1454 руководителей сельсоветов; 1235 работников соввласти; пять секретарей горкомов и тридцать секретарей райкомов; 216 партсекретарей; 205 комсомольских активистов; 314 председателей колхозов; 676 рабочих; 1931 представителей интеллигенции (врачи, агрономы, учителя и т. п.); 15355 крестьян и колхозников; 860 детей, стариков и домохозяек»^[1].

Процесс мифологизации Степана Бандеры и бандеровцев начался на Западе (в антисоветских эмигрантских кругах) в начале шестидесятых годов. Аналогичный процесс начался и на Украине. Так, в 1972 году по данным УКГБ Украины на территории республики проживало 132 тысячи бывших участников ОУН-УПА, из них 40 % «занимали вражеские позиции,

установили связь с шестидесятниками». По состоянию на август 1981 года под наблюдением находилось 75 тысяч бывших повстанцев^[2]. Поясним, что под термином «шестидесятники» подразумевались диссиденты — те, кто находился в скрытой или явной оппозиции к советской власти.

Процесс мифологизации завершился через полвека, когда эти люди были объявлены определенной частью политической элиты современной Украины национальными героями и борцами за независимость. А главным врагом, который препятствовал обретению независимости Украины, была в очередной раз назначена Москва.

Странно, но ведь в 1939 году благодаря Иосифу Сталину, а не отбывающему пожизненный тюремный срок за организацию нескольких убийств Степану Бандере Украина стала единым этническим государством и получила современные границы (произошло объединение западных регионов с центральными и восточными). Добавим, что в 1946 году прекратила свое существование Подкарпатская автономия в составе Чехословакии, превратившись в Закарпатскую область Советской Украины. Произошло это тоже благодаря решению Иосифа Сталина, а не жившего в эмиграции Степану Бандере. Поясним, что до 1939 года Украина в ее современных границах (ситуацию с Крымом мы не рассматриваем, т. к. с 1921 года по 1994 год это была Автономная республика, которая только в 1948 году была включена в состав РСФСР, а с 1954 года — в состав УССР) была разделена на несколько регионов, которые были частью других государств. Но об этом ниже.

Когда в 1990 году Украина со второй попытки (первая была предпринята в 1918 году, когда украинские националисты объявили об объединении Украинской Народной Республики и Западноукраинской

Народной Республики — оба государства погибли в горниле Гражданской войны) обрела независимость, то произошло это с согласия Москвы. И об этом тоже сейчас не любит вспоминать прозападно настроенные украинские политики. Зато охотно и часто вспоминают Степана Бандеру, который сотрудничал сначала с германской, а затем с британской и американской разведкой, ну и был сторонником террористических методов борьбы за независимость.

Другой любопытный факт. Почти все политические деятели, ставшие символами борьбы за «самостийность Украины», начиная от Богдана Хмельницкого и заканчивая Степаном Бандерой, очень странно, если не предательски, вели себя по отношению к украинскому народу. Тот же Богдан Хмельницкий, спровоцировав крестьянско-казацкую войну против Речи Посполита, на самом деле добивался не отделения территорий, населенных православными казаками и крестьянами от католической Польши, как это утверждает официальная советская история и современные украинские националисты, а лишь для получения казачьей элитой тех же прав, что и у польских дворян. При этом союз Богдана Хмельницкого с Москвой был вынужденным — единственным способом удержаться у власти.

Историю борьбы за «самостийную Украину», которую вели те, кого сначала в советских, а затем в российских и современных украинских СМИ именуют бандеровцами», лучше вообще не трогать. Кроме сотрудничества с Третьим Рейхом и массового истребления мирных украинцев (а также евреев, поляков, русских и представителей других национальностей), в ней почти ничего нет. Разумеется, если мы хотим услышать подлинную, а не мифологизированную версию.

По этой причине многие представители ОУН, жившие и действовавшие в тридцатые-пятидесятые годы

прошлого века, если бы вы их называли бандеровцами, сильно бы обиделись и начали доказывать, что они не разделяют радикальных взглядов Степана Бандеры и его сторонников. Хотя при этом поддерживают идеологию ОУН. Более того, достаточно много западноукраинских националистов, которые придерживались более умеренных взглядов, было убито бандеровцами. Как говорится, «бей своих, чтобы чужие боялись».

Другой важный факт. Процесс зарождения украинского национализма — идеи о том, что украинцы — это отдельный этнос — начался только в XIX веке, и в этом процессе участвовало очень ограниченное число людей. Более того, в тридцатые-пятидесятые годы идеи западноукраинского национализма разделяло относительно немного жителей советской Украины. Если быть точными, то только проживавшие в западных областях республики. Сейчас наблюдается аналогичная картина. Поясним, что под термином «этнос» мы подразумеваем исторически образовавшуюся группу людей, объединенных общим происхождением, религией, языковыми и культурными признаками. Для своего устойчивого существования крупный этнос стремится создать свое независимое государство или автономию в составе другого государства. Фактически это означает, что Степан Бандера и бандеровцы выражали интересы лишь части украинского населения, которое проживало на территории УССР. Почему так произошло? Все дело в том, что на протяжении всей истории у украинцев не было своего государства, где компактно проживали представители этой национальности.

Украинцы — кто они

История России и Украины начинается одинаково с возникновения в VIII–IX веках Киевского государства. С возникновения Владимиро-Суздальского княжества и распада Киевского государства на Черниговское, Переяславское, Тмутараканское, Турово-Пинское, Волынское и Галицкое княжества в XII веке истории России и Украины расходятся и начинают писаться уже каждая по-своему. При этом во главе каждого из вышеперечисленных княжеств эпохи феодальной раздробленности находились правители из одного княжеского дома — Рюриковичей, а не различных по национальному происхождению династий, как это было в Европе.

В западной части бывшей Киевской Руси в результате многолетних междоусобных войн сформировалось Галицко-Волынское княжество, которое просуществовало с 1199 по 1349 год и было завоевано поляками. Это государство было одним из самых больших княжеств периода феодальной раздробленности Руси. В его состав входили Галицкие, Перемышльские, Звенигородские, Тереховляньские, Волынские, Луцкие, Белзские и Холмские земли, а также территории современного Подолья и Бессарабии.

Княжество проводило активную внешнюю политику в Восточной и Центральной Европе. Его главными врагами были Польское королевство, Венгерское королевство и половцы, а с середины XIII века — также Золотая Орда и Великое княжество Литовское. Для защиты от агрессивных соседей Галицко-Волынское княжество неоднократно подписывало соглашения с католическим Римом и Тевтонским орденом.

По мнению большинства современных историков Галицко-Волынское княжество пришло в упадок из-за отсутствия крепкой централизованной княжеской власти и слишком сильных позиций боярской аристократии в политике. В 1340 году, в связи со смертью последнего полноправного правителя княжества, начался длительный конфликт между соседними государствами за Галицко-Волынское наследие. В 1349 году Галицко-Волынское княжество было завоевано Польшей и потеряло территориальное единство. В 1392 году его территорию разделили между собой Польша и Литва.

В XIII-XIV веках на севере, на Балтике, начинается объединение литовских племен и возникает новое государство — Великое княжество Литовское, которое, воспользовавшись внутренней раздробленностью княжеств, ранее входивших в Киевскую Русь, из-за постоянных набегов татар и междоусобных войн увеличивает свои владения за счет северных и центральных украинских земель.

При литовском князе Ольгерде в состав литовского государства вошли Чернигов с Северской землей, а в 1362 году — Киев. В итоге в XIV веке территория Литвы на 90 % состояла из украинских и белорусских земель. Понятно, что когда большая часть населения страны — украинцы и белорусы, а политическая карта Литвы, как и большинства европейских государств той эпохи, напоминала лоскутное одеяло — множество удельных князей и феодалов, то украинцы не испытывали особого гнета со стороны Литвы. По утверждению современных киевских историков, украинцы «имели с литовцами равные права, князья входили в состав великокняжеского совета, занимали высокие посты в войске и администрации. Украинский язык был государственным языком, украинское образование, культура, право господствовали в литовском

государстве. Православная церковь была господствующей».

Справедливости ради отметим, что все же это было Великое княжество Литовское, а не Украина как суверенное государство. Да и такое относительно комфортное существование украинцев продлилось недолго. Пока не произошло усиление центральной власти.

В 1569 году на сейме в Люблине был оформлен союз Польши и Литвы, и в качестве союзного договора была подписана Люблинская уния, согласно которой создавалось объединенное государство — Речь Посполитая. Договор предусматривал передачу Польше большей части украинских земель, а именно — Подляшье, Волынь, Подолье, Брациславщину, Киевщину.

В составе польского государства украинцы были подвергнуты различным — как политическим, так и экономическим — притеснениям со стороны польской шляхты. Украинцы утратили свое право на землю, и их земля постепенно переходила во владения польской политической и военной элиты. Была введена панщина — все украинские крестьяне должны были работать бесплатно несколько дней в неделю на помещика — пана. Также существовал целый ряд других повинностей, которые очень сильно осложняли жизнь простых крестьян: например, украинцы были лишены права переходить от одного владельца к другому. Разумеется, права у украинских крестьян были минимальные, если не сказать больше — они отсутствовали.

Изменилась и административная система. На месте старых украинских княжеских «вотчин» появляются польские воеводства. Территория, на которой проживало православное население, южнее реки Припять было разделено между Черниговским, Киевским, Брацлавским, Подольским, Волынским, Русским и

Белзским воеводствами. Так, в 1456 году ликвидировано Волынское княжество, а в 1470 году — Киевское.

В жизни украинских городов тоже происходят кардинальные изменения. Теперь она протекала на основе Магдебургского права. Оно сформировалось в XIII веке в немецком городе Магдебург как феодальное городское право. Фактически оно регулировало все вопросы экономической деятельности городских ремесленников, имущественные права горожан и общественно-политическую жизнь города. В частности в нем были детально расписаны все правовые аспекты организации ремесленного производства, торговли, порядок избрания и деятельности городского самоуправления, цеховых объединений ремесленников и купечества.

В Великом княжестве Литовском Магдебургское право получили современные украинские города: Луцк (1432 год), Киев (1494–1497 годы), Станислав (1662 год) и др. Фактически эти населенные пункты стали самостоятельными центрами ремесленного производства и торговли, что было характерно для Европы, а не России того времени.

Можно сказать, что введения в украинских городах Магдебургского права — еще один шаг на пути европеизации Украины.

В 1596 году произошло объединение католической и православной церквей на территории Речи Посполитой, оно получило название Брестская уния. Началось вытеснение православия католичеством. Это важный момент, т. к. в Средневековье религия играла важную роль в жизни европейских государств и оказывала сильное влияние на проводимую светской властью внешнюю и внутреннюю политику.

Уния была принята на церковном соборе в Бресте. Согласно Брестской унии, православная церковь Украины и Белоруссии признавала своим главой

Римского Папу, но сохраняла богослужение на славянском языке и обряды православной церкви. Заключение Брестской унии вызвало протесты крестьян, казаков, мещан, части православной шляхты, низшего духовенства, а первоначально — и некоторых крупных украинских феодалов. Хотя их мнение не интересовало церковную и политическую элиту.

Целью Брестской унии являлось обеспечение на территории Речи Посполитой для высшего православного духовенства положения, равного положению католического духовенства, а также ослабление притязаний московских князей на земли Белоруссии и Украины.

Заключение Брестской унии привело впоследствии к созданию Украинской греко-католической церкви. Последователи унии, лица, придерживавшиеся греко-католического (униатского) исповедания, именовались униатами, словом, которое при употреблении иерархами Русской и Украинской православных церквей всегда несло в себе негативные коннотации.

Сейчас в западных регионах Украины традиционная религия — униатство, а в восточных регионах — православие. В этом нет ничего удивительного: до начала сороковых годов прошлого века западные регионы входили в состав католических государств: Речи Посполитой, Австро-Венгрии и Польши. А восточные регионы — православной России. Понятно, что такое территориальное разделение современной Украины по религиозному принципу не способствует объединению населения страны.

Не станем рассказывать о казацко-крестьянской войне под предводительством Богдана Хмельницкого на землях Речи Посполитой и о том, почему вместо того, чтобы в 1649 году создать украинское государство на всей территории, где большинство жителей — православные, ограничился лишь Киевским,

Черниговским и Брацлавским воеводствами. Отметим лишь, что в указанной зоне он создал политическую автономию в составе Речи Посполитой: ограничивалась власть польской знати — административные посты здесь могли занимать лишь представители православной шляхты, казацкие старшины и мещанство, обеспечивалось уважение православия со стороны Варшавы. Однако и эти привилегии для земель, где большинство жителей православные, через два года (в 1651 году) были значительно сокращены и распространялись только на одно Киевское воеводство.

Не будем рассматривать дальнейшее многолетнее противостояние Москвы и Варшавы, отметим лишь, что в 1667 году согласно Андрусовскому перемирию между Россией и Речью Посполитой к Москве переходила лишь часть бывшего Киевского воеводства на левом берегу Днепра и небольшой участок земли вокруг Киева на Правобережье.

К концу XVII века территория современной Украины оказалась разделенной на две части: российская с «малороссийским населением» (Слобожанщина, Гетманщина и Запорожье) и Речь Посполитая (Правобережье и Западные земли — Волынь и Галиция (Белзское и Русское воеводства). Кратко расскажем о каждой из названных территорий.

Слобожанщина (Слободская Украина) занимала территорию современной Харьковской, Сумской, север Донецкой и Луганской областей Украины, а также юго-восточную часть Воронежской, юг Курской и большую часть Белгородской областей Российской Федерации.

Слобожанщина начала активно заселяться только в XV веке выходцами с Левобережной и Правобережной Украины, которые сбегали от польского гнета. Тогда данная территория находилась, говоря современным языком, под юрисдикцией России.

С 1650-го по 1765 год Слобожанщина имела самоуправление и была организована в соответствии с казацкими военными традициями, т. е. имела полково-сотенное устройство. Слободская Украина была разделена на пять полков — Острогожский (иначе — Рыбинский), Харьковский, Сумской, Ахтырский и Изюмский.

Полк одновременно был и военной, и территориальной единицей. Вся военная, административная и судебная власть на территории полка принадлежала полковнику. Он имел при себе символы власти полка: печать, литавры, полковую хоругвь. В военную и гражданскую администрацию входили обозный, судья, есаул, хорунжий и два писаря.

В XVIII веке начался процесс ограничения Москвой автономии Слобожанщины, который закончился в 1765 году, когда была создана Слободско-Украинская губерния с административным центром в Харькове, в состав которой вошли Изюмская, Ахтырская, Острогожская, Харьковская и Сумская провинции. В 1780 году Слободско-Украинская губерния была ликвидирована и, за исключением Острогожского уезда, вошла в состав Харьковской губернии. В 1796 году вместо Харьковской губернии вновь создана Слободско-Украинская губерния, к которой присоединили также Купянский уезд Воронежской губернии.

В начале XIX века Слобожанщина стала центром украинского национально-культурного возрождения. И вот что интересно, произошло это на территории Российской империи, а не Польши. Хотя об этом современные украинские националисты не вспоминают.

В 1805 году в Харькове основан первый на украинских землях в составе Российской империи университет. За первые 50 лет своего существования высшее образование в университете получили 2800 человек. С 1816 по 1819 год в Харькове издавался

первый на Украине массовый популярный журнал «Украинский вестник» (основанный Евграфом Филомафитским), который положил начало практике печатания научных материалов на украинском языке. В 1834 году в Харькове изданы «Малорусские рассказы» Григория Квитки-Основьяненко, которого называли «отцом украинской прозы».

Не будем рассказывать о дальнейших административных преобразованиях Слободско-Украинской губернии. Отметим лишь, что в двадцатые годы прошлого века отдельные украинские политики просили часть земель, где компактно проживали украинцы, передать в состав УССР. Эти просьбы Москва вежливо проигнорировала. В конце тридцатых годов прошлого века большинство сторонников пересмотра административных границ двух союзных республик были репрессированы, и никто больше не выступал с такими идеями. Исключением стала лишь история с Крымом, но данная тема выходит за рамки нашей книги.

Гетманщина (Малороссия) — в качестве автономного административного на политической карте присутствовала с 1649 года по 1764 год и занимала территорию на левом берегу Днепра и город Киев. В состав России она вошла в результате кризиса Речи Посполитой и казацко-крестьянской войны под предводительством Богдана Хмельницкого.

Государственный строй Гетманщины совмещал в себе черты как республиканского, так и авторитарного строя. Высшую власть представляли три органа — Генеральный военный совет, гетман и Совет генеральной старшины. Несмотря на то, что высшим органом власти в Гетманщине был Генеральный военный совет, но гетман и генеральная старшина, как правило, умело манипулировали этим советом и значение последнего постепенно уменьшалось. Другим органом власти был Совет генеральной старшины.

Принцип выборности был свойствен всем формам центральной и местной администрации.

Гетманщина имела свой бюджет, свою финансовую систему и денежное обращение. Существовала система налогов. Одним из наибольших источников поступлений были налоги на мельницы. Их собирали специальные «дозорцы». Существовали откупы на водку, деготь и табак. Значительный сбор поступал в «Скарбницу» от пасек. Взымались проездные, транзитные и внутренние таможенные сборы. В Гетманщине существовала система прямого налогообложения населения.

В середине XVIII века начался процесс ликвидации автономии Гетманщины, который закончился в 1783 году, когда вместо казацких было создано 10 кавалерийских регулярных полков.

Запорожье — территория в низовье Днепра, южнее Гетманщины, между ней и Крымским ханством, заселенная запорожскими казаками. Согласно изданному в 1910 году в Санкт-Петербурге «Полному географическому описанию нашего отечества, Новороссии и Крыма»:

«...Казаки к середине XVI века присвоили себе обширную область в пределах от реки Орели и города Чигирина до татарских кочевьев с севера на юг и с запада на восток — от притока Буга Синюхи до реки Волчья и даже дальше, почти до Азовского моря. Вся эта область была поделена на паланки и застроена сторожевыми засадами от татарских наездов».

В конце XVII века они целиком перешли под контроль Москвы. Несмотря на то что левобережные гетманы считали Запорожскую Сечь зависимой территорией, вплоть до ликвидации запорожские атаманы старались проводить самостоятельную политику, враждебную не только гетманам, но и Варшаве и Москве. В конце XVIII века Запорожье как автономное образование прекратило свое существование.

Посмотрим, что происходило на территории Речи Посполитой. Начнем с Правобережья (Киевское и Брацлавское воеводства Речи Посполитой) и не будем углубляться в описание многочисленных войн с участием польских, русско — гетманских войск, татаро-турецких походов, а также восстаний, происходивших на этой территории, отметим лишь, что несколько раз эти земли почти полностью лишались своего населения.

Кратко расскажем историю присоединения этой территории к России. По Андрусовскому перемирию 1667 года Правобережная Украина была подчинена Польше, когда родился и сам термин «Правобережная Украина».

Бучачский мир 1672 года разделил Правобережную Украину на три части: Подолией (область по Бугу и Левобережью Днестра) овладела Турция; Брацлавщина (часть нынешней Винницкой и части Хмельницкой области) и Южная Киевщина попали под власть правобережного казацкого гетмана — вассала Турции Петра Дорошенко; остальная территория Правобережной Украины принадлежала Польше.

В 1683 турецкое господство над Правобережной Украиной было ликвидировано. В результате войны против Турции Польша по условиям Карловицкого конгресса 1698-1699 годов восстановила свое господство над частью Правобережной Украины, где насаждался тяжкий национальный, религиозный и социальный гнет.

В 1793 году в результате Второго раздела Польши Правобережная Украина воссоединилась с Левобережной Украиной и вошла в состав Российской империи.

Отметим, что сейчас термин «Правобережная Украина», «Правобережье» обозначает территорию, охватывающей современную Киевскую, Черкасскую, Кировоградскую, Житомирскую, Винницкую, Хмельницкую, Ровенскую и Волынскую области Украины.

Еще были и Западные земли — территория к западу от Правобережья — Волынь и Галиция (Белзское и Русское воеводства). На протяжении XVIII века здесь шел стремительный процесс полонизации населения и вытеснение православия униатством.

В 1772 году в результате Первого раздела Речи Посполитой Волынь и Галиция вошли в состав владений Габсбургов (впоследствии Австро-Венгрия) — под полным именем Королевство Галиции и Лодомерии с великим герцогством Краков и герцогствами Аушвиц и Цатор со столицей в Лемберге (Львове).

Не будем рассказывать о ходе боевых действий во время Первой мировой войны и о том, что к осени 1914 года в ходе битвы за Львов русскими войсками была занята практически вся восточная часть Галиции, образовано Галицкое генерал-губернаторство (с центром во Львове), которое управляло краем до лета 1915 года, когда край был оставлен в результате германского наступления.

1 ноября 1918 года на территории Восточной Галиции и Буковины местные украинские националисты создали Западно-Украинскую Народную Республику (ЗУНР). Просуществовала она недолго. К концу ноября 1918 года вся Восточная Галиция была захвачена поляками, а Буковина оккупирована Румынией. Правительство ЗУНР, которое уже ничего не контролировало, было вынуждено бежать в столицу Украинской народной республики (УНР) Киев, где подписало так называемый Акт злуки, который провозгласил объединение с Украинской народной республикой.

За этим последовали Советско-польская война 1919–1921 годов, в ходе которой на короткое время (с 15 июля по 23 сентября 1920 года) была провозглашена Галицийская Социалистическая Советская Республика в составе РСФСР.

По Рижскому договору 1921 года Западная Украина, в т. ч. Галиция, вошла в состав Польши. Политика полонизации, проводимая польским государством, вызвала резкий подъем украинского национально-освободительного движения между двумя мировыми войнами.

В сентябре 1939 года после нападения Германии на Польшу, ознаменовавшего начало Второй мировой войны, на территорию Западной Украины были введены советские войска. Восточная Галиция и Западная Воынь были присоединены к СССР и вошли в состав Украинской ССР.

Вот такая интересная история украинских земель. Сначала в составе Речи Посполитой, затем в Российской империи или в Австро-Венгрии. Понятно, что если Украина на протяжении нескольких веков была разделена между несколькими государствами, то и привычного для нас имени у нее не было.

Украинская мова

Нахождение украинских земель в различных государствах отразилось на языке. Существует три основные группы диалектов украинского языка:

Северо-западные (полесские), испытали сильное влияние белорусского языка;

юго-западные (галицкие, закарпатские, буковинские), испытали влияние польского и словацкого языков;

юго-восточные (приднепровские), испытали сильное влияние русского языка.

На формирование каждой из групп диалектов оказал влияние официальный государственный язык, существовавший в том или ином регионе. Выше мы писали о том, что до 1917 года Украина была «разделена», сначала между тремя позднесредневековыми империями — Речью Посполитой, Россией и Османской Турцией, а затем между двумя «модерными» империями — Российской и Австро-Венгерской^[3]. Понятно, что это повлияло на развитие украинского языка.

Влияние не ограничилось заимствованием отдельных слов из других языков. В силу проводимой в империях внутренней политики украинский язык оказался на уровне второсортного. Так, в XVIII–XIX веках существовали и конкурировали несколько систем украинского правописания (до 50 разной степени распространенности, включая и чисто индивидуальные) с разным составом алфавита и основанные на разных принципах. Представить себе, чтобы в Российской империи наблюдался аналогичный феномен? Разумеется, современный русский алфавит и правила правописания отличаются от тех, что существовали,

например, в XVII веке, но это результат реформ проводимых государств, а не «конкурентной борьбы» между различными системами алфавита и естественного отбора. Так, в результате реформ русского языка 1917–1918 годов были исключены все буквы, дублировавшие друг друга: «ять», «фита» «и десятеричное». Буква Ъ (ер) была сохранена только как разделительный знак и для обозначения мягкости предшествующего согласного. Если возьмем польский язык, то уже в XVI веке на нем писали и издавали книги. Понятно, что его нормы правописания и алфавит были унифицированы.

Кратко расскажем теперь историю украинского языка. В XI–XII веках, в период установления феодальных отношений и зарождения украинской народности, как и народностей русской и белорусской, в основу письменного языка Киевской Руси лег старославянский язык. Его связывают с именами Кирилла и Мефодия, которые взялись переводить литургические тексты и некоторые части Библии (Евангелие, Псалтирь, паремии) на язык славян. Дialectной основой старославянского языка стал один из говоров македонских славян болгарской группы — солунский диалект. В те времена различия между славянскими языками были еще невелики, поэтому старославянский язык мог претендовать на роль общеславянского литературного языка.

С XIV века, с присоединением Украины к Литве и с ростом элементов политической централизации, начинает развиваться особый тип письменного языка (так называемое койне) в разных официальных документах, юридических памятниках, — стиль, хотя и представляющий собою ту же церковнославянскую основу, но изменившуюся под влиянием украинских и белорусских говоров.

С развитием экономических связей между отдельными частями Украины и начавшимся на этой почве процессом создания национальных связей наступает новый этап в продвижении в литературу народных говоров. Правда, идея перевода книг церковных на народный язык далеко не всеми признавалась, и выдвигалась мысль о том, что народным языком можно писать только толкования к церковной литературе.

После присоединения в 1349 году Галиции («Русского королевства») к Польше и образования в 1569 году Речи Посполитой формирование украинского языка происходит под значительным влиянием польского.

С конца XVI века появляются различные варианты грамматики украинского языка. Их авторы старались учитывать грамматику западнорусского письменного языка — канцелярский язык Великого княжества Литовского. Последний был официальным государственным языком этого государства и Речи Посполитой до 1693 года. Представлял собой смешанный книжный язык: развился из местного варианта древнерусского языка, с постепенным проникновением местных черт (как украинских, так и белорусских), с сильным влиянием польского и меньшим (по сравнению со старорусским) церковнославянского. В отличие от разговорных украинского и белорусского языков, долгое время был единым для всех западнорусских земель, так что для некоторых текстов нельзя сказать, в какой области они написаны.

После объединения Великого княжества Литовского и Речи Посполитой западнорусский письменный язык утратил свое значение в качестве официального канцелярского и был заменен польским.

Западнорусский письменный язык использовался на территории Украины и Белоруссии до XVIII века в качестве языка официальных документов; в частности,

на нем написана личная корреспонденция многих украинских гетманов, в том числе Ивана Мазепы. В богослужениях и в церковной литературе использовался церковнославянский язык.

На рубеже между XVIII и XIX веками западнорусский письменный язык начал уступать место новому литературному языку, развивающемуся на народной языковой основе.

В первой половине XIX века сформировался современный литературный украинский язык. Творцом его считается великий украинский поэт Тарас Шевченко. Значение его творчества для развития языка огромно еще и потому, что он не замыкался в рамках исключительно разговорного языка, обогащая литературный украинский язык интернациональными словами, необходимыми заимствованиями из других языков, в первую очередь — из русского языка.

В XIX веке и начале XX века употребление украинского языка, помимо разговорной сферы, ограничивалось почти исключительно художественной литературой. Одна из причин — проводимая Российской империей политика. В качестве примера можно вспомнить о «Валуевском циркуляре» 1863 года. Министр внутренних дел Российской империи Петр Валуев 18 июля 1863 года подписал секретный «Циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам от 18 июля 1863 года», согласно которому:

«Давно уже идут споры в нашей печати о возможности существования самостоятельной малороссийской литературы. Поводом к этим спорам служили произведения некоторых писателей, отличавшихся более или менее замечательным талантом или своею оригинальностью. В последнее время вопрос о малороссийской литературе получил иной характер, вследствие обстоятельств чисто политических, не

имеющих никакого отношения к интересам собственно литературным. Прежние произведения на малороссийском языке имели в виду лишь образованные классы Южной России, ныне же приверженцы малороссийской народности обратили свои виды на массу непросвещенную, и те из них, которые стремятся к осуществлению своих политических замыслов, принялись, под предлогом распространения грамотности и просвещения, за издание книг для первоначального чтения, букварей, грамматик, географий и т. п. В числе подобных деятелей находилось множество лиц, о преступных действиях которых производилось следственное дело в особой комиссии.

В С.-Петербурге даже собираются пожертвования для издания дешевых книг на южнорусском наречии. Многие из этих книг поступили уже на рассмотрение в С.-Петербургский цензурный комитет. Не малое число таких же книг представляется и в киевский цензурный комитет. Сей последний в особенности затрудняется пропуском упомянутых изданий, имея в виду следующие обстоятельства: обучение во всех без изъятия училищах производится на общерусском языке и употребление в училищах малороссийского языка нигде не допущено; самый вопрос о пользе и возможности употребления в школах этого наречия не только не решен, но даже возбуждение этого вопроса принято большинством малороссиян с негодованием, часто высказывающимся в печати. Они весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же русский язык, только испорченный влиянием на него Польши; что общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами и

в особенности поляками, так называемый, украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии.

Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков. Наконец, и киевский генерал-губернатор находит опасным и вредным выпуск в свет рассматриваемого ныне духовною цензурою перевода на малороссийский язык Нового Завета.

Принимая во внимание, с одной стороны, настоящее тревожное положение общества, волнуемого политическими событиями, а с другой стороны имея в виду, что вопрос об обучении грамотности на местных наречиях не получил еще окончательного разрешения в законодательном порядке, министр внутренних дел признал необходимым, впредь до соглашения с министром народного просвещения, обер-прокурором св. синода и шефом жандармов относительно печатания книг на малороссийском языке, сделать по цензурному ведомству распоряжение, чтобы к печати дозволялись только такие произведения на этом языке, которые принадлежат к области изящной литературы; пропуском же книг на малороссийском языке как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения народа, приостановиться. О распоряжении этом было повергаемо на Высочайшее Государя Императора воззрение и Его Величеству благоугодно было удостоить оное монаршего одобрения».

В результате был наложен запрет на издание любой литературы (учебной, деловой и религиозной) на украинском языке, кроме художественной и исторической. В XIX веке в Российской империи считалось, что общерусский язык состоит из трех диалектов: великорусского (сейчас русский), малорусского (украинского) и белорусского. И поэтому украинский язык не может претендовать на статус языка, равного русскому.

На этом можно было бы поставить точку в истории развития украинского языка, если бы не подписанный 18 мая 1876 года так называемый «Эмский указ» российского императора Александра II. Этот документ был подписан царем, когда он отдыхал на германском курорте в Бад-Эмсе. Согласно версии официальной советской и украинской истории, данный документ значительно ограничил использование и преподавание украинского языка на территории Российской империи. Правда, никто из историков не потрудился объяснить, почему вдруг потребовалась такая спешка, и данный документ император не мог подписать после своего возвращения в Санкт-Петербург. Еще больше вопросов возникает, когда мы процитируем официальное название «Эмского указа»: «Выводы Особого Совещания для пресечения украинофильской пропаганды с поправками Александра II». Также следует добавить, что монарх оставил свой автограф на этом документе после внимательного ознакомления с меморандумом, который направил царю помощник попечителя Киевского учебного округа М. Юзефович. В своем послании чиновник обвинил украинских просветителей в том, что они хотят «вольной Украины в форме республики, с гетманом во главе». Говоря современным языком, выступают за отделение украинских земель от состава Российской империи. Ниже мы расскажем о том, как специфично трактовали гетманы понятие

«независимость». А историю Государства Российского Александр II знал прекрасно и помнил о коварстве гетманов и о том, как они трактовали независимость Украины.

Обвинение в желании отделиться от Российской империи серьезно и непосредственно связано с темой нашей книги. Так исторически сложилось, что Украина, получив независимость, сразу же, что поделаешь, такой менталитет у части местных политиков, стремится интегрироваться в качестве сырьевого придатка и младшего брата с Западом. Так произошло в 1918 году, так происходит и после 1991 года. А виновником всех своих проблем, под одобрение Запада, сразу же объявляет Россию. Беда еще и в том, что прозападные политики «страшно далеки» от примерно половины населения Украины. Если быть совсем точными — ее восточных регионов. Да, западные регионы, сначала выступающие за евроинтеграцию, через какое-то время начинают резко отрицательно относиться к проводимой «прозападной» политэлитой внешней и внутренней политике. Понимают, что Украина интересуется Запад лишь в качестве источника дешевых ресурсов и «пушечного мяса» в войне против России.

Вернемся к теме «Эмского указа» и процитируем этот документ:

«В видах пресечения опасной в государственном отношении деятельности украинофилов полагалось бы соответственным принять впредь до усмотрения, следующие меры:

а) ПО МИНИСТЕРСТВУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

1. Не допускать ввоза в пределы Империи, без особого на то разрешения Главного Управления по делам печати, каких бы то ни было книг, издаваемых за границею на малорусском наречии.

2. Воспретить в Империи печатание, на том же наречии каких бы то ни было оригинальных

произведений или переводов, за исключением исторических памятников, но с тем, чтобы и эти последние, если принадлежат к устной народной словесности (каковы песни, сказки, пословицы), издаваемы были без отступления от общерусской орфографии (т. е. не печатались так называемой “кулишовкою”).

Примечание I. Мера эта была бы не более, как расширение Высочайшего повеления от 8 июля 1863 года, коим разрешено было допускать к печати на малорусском наречии только произведения, принадлежащие к области изящной литературы, пропуски же книг на том же наречии, как духовного содержания, так учебных и вообще назначаемых для первоначального чтения, поведено было приостановить.

Примечание II. Сохраняя силу означенного выше Высочайшего повеления, можно было бы разрешить к печатанию на малорусском наречии, кроме исторических памятников, и произведений изящной словесности, но с тем, чтобы соблюдалась в них общерусская орфография, и чтобы разрешение давалось не иначе, как по рассмотрении рукописей Главным управлением по делам печати.

3. Воспретить равномерно всякие на том же наречии сценические представления, тексты к нотам и публичные чтения (как имеющие в настоящее время характер украинофильских манифестаций).

4. Поддержать издающуюся в Галичине, в направлении, враждебном украинофильскому, газету “Слово”, назначив ей хотя бы небольшую, но постоянную субсидию [С краю дописано: «1000 р. из сумм III жанд. в текст заключения не вводить, а только иметь в соображении»], без которой она не может продолжать существование и должна будет прекратиться, (украинофильский орган в Галиции, газета “Правда”,

враждебная вообще русским интересам, издается при значительном пособии от поляков).

5. Запретить газету "Киевский Телеграф" [С краю дописано: «В соображении вредное влияние газеты».] на том основании, что номинальный ее редактор Снежко-Блоцкий слеп на оба глаза и не может принимать никакого участия в редакции, которой заведуют постоянно и произвольно лица, приглашаемые к тому издательницею Гогоцкою из кружка людей, принадлежащих к самому неблагонамеренному направлению.

6) ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

6. Усилить надзор со стороны местного учебного начальства, чтобы не допускать в первоначальных училищах преподавания каких бы то ни было предметов на малорусском наречии.

7. Очистить библиотеки всех низких и средних училищ в малороссийских губерниях от книг и книжек, воспрещаемых 2-м параграфом настоящего проекта.

8. Обратить серьезное внимание на личный состав преподавателей в учебных округах Харьковском, Киевском и Одесском, потребовав от попечителей сих округов именного списка преподавателей с отметкою о благонадежности каждого по отношению к украинофильским тенденциям и отмеченных неблагонадежными или сомнительными перевести в великорусские губернии, заменив уроженцами этих последних.

9. На будущее время выбор лиц на преподавательские места в означенных округах возложить, по отношению к благонадежности сих лиц на строгую ответственность представляющих о их назначении, с тем, чтобы ответственность, о которой говорится, существовала не только на бумаге, но и на деле.

Примечание I. Существуют два Высочайшие повеления покойного Государя Николая Павловича, не отмененные Верховной Властью, а потом сохраняющие и в настоящее время силу закона, которыми возлагалось на строжайшую ответственность Попечителей Округов и вообще учебного начальства, не терпеть в учебных заведениях лиц с неблагонадежным образом мыслей, не только между преподавателями, но и между учащимися. Полезно было бы напомнить о них.

Примечание II. Признавалось бы полезным принять за общее правило, чтобы в учебные заведения округов: Харьковского. Киевского и Одесского назначить преподавателей преимущественно великоруссов, а малоруссов распределить по учебным заведениям С.-Петербургского, Казанского и Оренбургского округов.

10. Закрывать на неопределенный срок Киевский Отдел Императорского Географического Общества (подобно тому, как в 1860-х годах закрыт в этом последнем Политико-экономический комитет, возникший в среде Статистического отделения), и допустить затем открытие его вновь, с предоставлением местному Генерал-губернатору права ходатайствовать о его открытии, но с устранением навсегда тех лиц, которые сколько-нибудь сомнительны в своем чисто русском направлении [С краю дописано: «Предоставить МВД войти в надеж. сношения с кем следует относительно изыскания мер к дал. направлению этого дела»].

в) ПО ОТДЕЛЕНИЮ СОБСТВЕННОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КАНЦЕЛЯРИИ

11. Немедленно выслать из края Драгоманова и Чубинского, как неисправимых и положительно опасных в крае агитаторов [С краю дописано: «Выслать из края с запрещением въезда в Южн. Губ. и столицы, под секретное наблюдение»].

И снова неприятная «новость» для прозападно настроенных политиков, активно кричащих о том, что в

Советском Союзе украинская культура находилась под запретом. Именно при советской власти на Украине было официально разрешено преподавание на украинском языке.

Украинские националисты

Интересная получается картина. Как этническое государство Украина появилась лишь в начале XX века. До этого времени сначала была Киевская Русь, затем православное население Великого княжества Литвы и Речи Посполитой, которое постепенно переместилось, где вместе с землями, а где и без них, в Российскую империю. Кто-то укажет на Запорожье, Слободщину и другие казачьи государства, но это были не украинские, русские, татарские или какие-то еще государства или автономии, а воинские поселения, где национальность не играла существенной роли. Главное — воинские и административные таланты.

О возникновении письменного украинского языка мы тоже подробно рассказали. Правда, странно, что до середины XIX века у украинцев не было своей письменности. А как тогда велось официальное делопроизводство? Очень просто — на официальном языке той страны, в состав которой входили украинские земли. Да и литературный язык тоже появился в XIX веке.

Все придумано до него

«Степан Бандера родился 1 января 1909 года в селе Старый Угринов (сейчас — село Калушского района Ивано-Франковской области Украины), на территории королевства Галиции и Лодомерии, входившего в состав Австро-Венгерской империи, в семье греко-католического священнослужителя Андрея Бандеры». С этой фразы начинается большинство биографий этого человека. Не будем и мы нарушать данную традицию, пояснив, что «королевство», а точнее, «коронная земля» — всего лишь административно-территориальная единица в Австро-Венгрии со столицей в Львове. Была образованная после раздела Речи Посполитой в 1772 году. Включала в себя Галицию и Малую Польшу. Была преимущественно населена поляками, украинцами и евреями. А Украинская греко-католическая церковь — поместная католическая церковь восточного обряда, обладающая статусом верховного архиепископата, действующая на Украине и в большинстве стран украинской диаспоры.

Почему на это важно обратить внимание. Во-первых, Степан Бандера родился на территории Восточной Галиции, которую на рубеже XIX–XX веков сравнивали с «украинским Пьемонтом», намекая на то, что она должна сыграть ту же роль, что Сардинское королевство при объединении Италии. Именно в Галиции была сконцентрирована украинская интеллектуальная элита. Два университета, один в Кракове (основан в 1364 году), другой во Львове (основан в 1661 году). Академия наук в Кракове и богатый археологический музей в этом же городе. И с раннего детства начал впитывать идеи украинского национализма. К моменту его рождения они были уже сформированы. Но об этом ниже.

Во-вторых, в доме родителей была огромная библиотека книг на украинском языке, его отец был убежденным украинским националистом, а частыми гостями были различные общественные деятели. Сам Степан Бандера позднее вспоминал, что в большой и дружной семье царила «атмосфера украинского патриотизма и живых национально-культурных, политических и общественных интересов».

В-третьих, к моменту его рождения теоретическая база западноукраинского национализма уже была сформирована. Степану Бандере было нужно лишь изучить то, что придумали в конце XIX — начале XX века и то, что появилось во время Первой мировой и Гражданской войны. Ну и соблюдать некоторые традиции. Например, активно сотрудничать с иностранными спецслужбами или действовать максимально радикально с политическими противниками, не только внешними, но и внутренними. А еще быть готовым посылать на гарантированную смерть своих политических сторонников.

Когда зародился украинский национализм

Многие современные украинские националисты пытаются поставить знак равенства между «политической программой» казачьей элиты XVII века с ее идеями автономизма и зародившимися в начале XIX века украинским национализмом. На самом деле это самостоятельные явления, различные по своим целям и формам. Между ними, конечно, есть внешнее сходство, скажем, стремление к самостийности. Но при этом казачья элита и националисты трактовали ее по-своему, в своих политических и экономических интересах.

Для казачьей элиты одним из признаков самостийности было уравниваться в правах с российским дворянством, распространить свою господскую власть на крестьян и простых казаков и стать полновластной и единственной политической силой в Гетманщине. Звучит цинично, но если бы польские короли приняли в XVI веке требования казачьей элиты и дали бы ей все то, что она требовала, то, скорее всего, не было бы восстания Богдана Хмельницкого. Просто не возникло бы конфликта между ним и польским шляхтичем. А крестьяне — что они могли сделать без опытных военачальников и лидеров?

Одну из первых попыток «адаптировать» идеи самостийности под нужды украинского национализма предпринял депутат малороссийского шляхетства Григорий Полетика, который написал в 1760 году книгу «История Русов».

Впервые она была напечатана только в 1846 году, но уже за четверть века до этого события существовала, говоря современным языком, в форме «самиздата». Переписанная от руки, она получила широкое

распространение в Российской империи. Она известна была Александру Пушкину, Николаю Гоголю, Кондратию Рылееву (русский поэт и декабрист), а впоследствии — Тарасу Шевченко, историку Николаю Костомарову, украинскому поэту Пантелеймону Кулишу, многим другим и оказала влияние на их творчество.

В советское время оценки этого произведения были диаметрально противоположные.

Русский публицист — эмигрант Николай Ульянов в своей книге «Происхождение украинского сепаратизма» охарактеризовал ее так:

«Напрасно приписывают М.С. Грушевскому авторство самостийнической схемы украинской истории: главные ее положения — изначальная обособленность украинцев от великороссов, раздельность их государств — предвосхищены чуть не за сто лет до Грушевского. Киевская Русь объявлена Русью исключительно малороссийской».

«Советская энциклопедия истории Украины», напротив, пишет о ее авторе как о стороннике единства восточных славян:

«Киевскую Русь рассматривает он как общий период в истории русского, украинского и белорусского народов, уделяет большое внимание народно-освободительной войне 1648–1654 годов и воссоединению Украины с Россией. Он положительно оценивает акт воссоединения Украины с Россией и деятельность Богдана Хмельницкого, Полтавскую битву 1709 года».

Получается, что, по одной версии, автор загадочной книги — ярый националист, по другой же — не менее ярый панславист. Добавьте к тому же, что написана она на русском языке, приправленном колоритными украинизмами.

Странности с этой книгой на этом не заканчиваются. Сам текст этого произведения содержит множество

ляпов и ошибок. Отдельные факты звучат как анекдоты. Так, по версии автора, казаки произошли от «козар», то есть хазар, названных так якобы «по легкости коней, уподобляющихся козьему скоку». Точно так же «славянами» считает «летописец» и печенегов, «кои питались печеною пищею», и половцев, «живущих в полях», и даже волжских болгар.

Запорожцев автор описывает яркими красками, характеризуя как непобедимых воинов. Все неудачи их объясняет непременно «изменами». С негодованием отвергает известия о том, что юридически казачество оформилось достаточно поздно — в XVI веке. Для него оно существовало всегда и всегда пользовалось дворянско-рыцарскими правами. Гетманов же назначает века на два ранее, чем было на самом деле, излагая их фантастический, нигде более не значащийся перечень. Никакого покорения Литвой Украины по «Истории русов» не было, было добровольное соединение — «равное с равными».

Свою версию истории казачества автор подкрепляет «официальными» документами, которых никто больше ни до него, ни после не встречал. Так, 16 сентября 1665 года царь Алексей Михайлович, по версии автора, выдал «грамоту», где шла речь о наделении их старшины правами благородного сословия:

«Жалуем отныне на будущие времена одного военного малороссийского народа от высшей до низшей старшины с их потомством, которые были только в сем с нами походе под Смоленском, честью и достоинством наших российских дворян. И по сей жалованной грамоте никто не должен из наших российских дворян во всяких случаях против себя их понижать».

Среди грамот царя Алексея Михайловича такой нет. Зато понятна причина появления этого эпизода в книге. В 1760 году между казачьими старшинами (а сам автор происходил из их числа) и российскими дворянами было

противостояние. Последние отказывались признавать равный себе социальный статус казачьих старшин. Конфликт был исчерпан только в 1785 году, когда казачью элиту уравнили в правах с дворянами^[4].

Можно было бы отнести к этому произведению как к забавной исторической фальсификации, если бы... оно не оказало сильнейшее влияние на общественное мнение Малороссии (и России в целом) первой половины — середины XIX века. Долгое время ее содержание принималось на веру и не подвергалось ни малейшему сомнению или критическому анализу. Под ее идейным влиянием формировались умонастроения высших слоев Малороссии, их отношение к прошлому и настоящему. Между тем уже во второй половине XIX столетия было доказано, что «История Русов» — это сознательно сфальсифицированная история казацкой Украины, написанная на основе поддельных летописей и документов, и преследующая цели вовсе не исторические.

Фактически данная книга стала одним программных документов не только казачьей самостийности, но и зарождавшегося в XIX веке украинского национализма. К ним относятся утверждения об изначальной обособленности Великой и Малой Руси; о непрерывности государственности в Малой Руси, начиная с княжеских времен и до XVII века. Казачество преподносится как благородное сословие, издревле правившее в Южной Руси и сохранявшее государственную традицию, и потому имеющее «законное» право управлять ею и дальше. Его история и представители идеализируются; казачьи фронтеры и особенно Мазепа возвеличиваются; Петр I и его политика изображаются в черном цвете и т. д. При этом внимание читателя постоянно акцентируется на «антиказачьих» акциях московских и петербургских властей, изображаемых как череда гонений и поборов.

Кобзарь украинского национализма

Одно из центральных мест идеологии украинского национализма занимало отношение к Переяславской Раде. Для националистов это событие было ключевым событием в жизни Украины. Выступая за эмансипацию населения Малороссии в особую украинскую нацию и создание «Украины» как национально-государственного организма, они не могли обойти это событие вниманием и не высказать своего отношения к вхождению украинских земель в состав России. Естественно, оценки давались с точки зрения тех идеалов, которых придерживались сторонники движения.

Одним из основателей этого движения, его духовным отцом был Тарас Шевченко. Его вклад в разработку образа «Украины» и придания ему романтического ореола трудно переоценить. При этом мы бы не спешили объявлять великого поэта идеологом движения. Фактически он формулировал национальные идеалы не в четком политическом виде, а в литературных образах. Любой сюжет и мотив в его литературных произведениях получает украинскую национальную окраску. К этому следует добавить активное использование украинского фольклора.

Так, не следует забывать, что в своих произведениях Тарас Шевченко определил ценностные ориентации и пути воплощения национальных идеалов. Поэтому заложенные поэтом эмоциональные оценки Переяславской Рады, деятельности Богдана Хмельницкого, вхождения Украины в состав России оказали на мировоззрение последующих поколений адептов украинского национализма сильнейшее влияние.

В свою очередь мировоззрение Тараса Шевченко и его отношение к Переяславской Раде формировались под влиянием «Истории Русов», все идейные положения которой он отразил в своем творчестве. Поэт не жалел черных красок и нелицеприятных эпитетов в отношении тех, кто, по его мнению, «запродал» Украину. В поэтической форме он озвучил важнейший идейный постулат движения, который в дальнейшем будет повторяться постоянно: о союзе Украины с Россией как равного с равным и «обманувшей» Украину Москве.

На зарождение и формирование украинского национализма оказал сильное влияние не только Тарас Шевченко, но и Кирилло-Мефодиевское общество. Оно считается первой тайной организацией украинских националистов.

В 1845 году известный русский и украинский историк Николай Костомаров организовал Кирилло-Мефодиевское общество. В том, что преподаватель Киевского университета решил создать научный кружок, члены которого занимались историей Украины, не было ничего удивительного. В начале сороковых годов XIX века, говоря современным языком, он увлекся этнографическими исследованиями жизни украинских крестьян, а также идеями народности. Он считал, что народ — главное действующее лицо в истории, главный двигатель исторических процессов. История есть прежде всего история народа, а не государства. «Народная духовная жизнь... есть объяснение всякого политического события, проверка и суд всякого учреждения и закона». Потом всерьез занялся написанием истории деятельности Богдана Хмельницкого.

Позже историк Николай Костомаров так напишет об этом кружке:

«Взаимность славянских народов в нашем воображении не ограничивалась уже сферой науки и

поэзии, но стала представляться в образах, в которых, как нам казалось, она должна была воплотиться для будущей истории. Помимо нашей воли стал нам представляться федеративный строй, как самое счастливое течение общественной жизни славянских наций...

Во всех частях федерации предполагались одинаковые основные законы и права, равенство веса, мер и монеты, отсутствие таможен и свобода торговли, всеобщее уничтожение крепостного права и рабства в каком бы то ни было виде, единая центральная власть, заведующая сношениями вне союза, войском и флотом, но полная автономия каждой части по отношению к внутренним учреждениям, внутреннему управлению, судопроизводству и народному образованию».

Через какое-то время общество трансформировалось в Кирилло-Мефодиевское братство. Оно основывалось на христианских и славянофильских идеях и ставило задачей либерализацию политической и культурной жизни на Украине в рамках панславянского союза народов.

В состав братства входили молодые интеллигенты Киевского и Харьковского университетов: преподаватель русской истории Киевского университета Николай Костомаров, Пантелеймон Кулиш, поэт Тарас Шевченко, писатель Александр Навроцкий, В. Белозерский и другие.

Среди членов братства следует отметить Пантелеймона Кулиша — украинского писателя, поэта, фольклориста, этнографа, переводчика, критика, редактора, историка и издателя. К перечню его занятий следует добавить, что он был создателем «кулишовки» — одной из ранних версий украинского алфавита.

Кирилло-Мефодиевское братство впервые внесло политические мотивы в доселе чисто культурную и сугубо регионально-патриотическую деятельность

представителей малороссийской общественности. Члены Братства уже не мечтали о восстановлении прежней гетманской автономии, о которой некоторые представители малороссийской общественности сожалели и раньше, не подвергая, однако, сомнению целесообразность нахождения Малороссии в составе России. Они поставили своей целью добиваться создания «Украины», причем именно как национально-государственного целого.

Кирилло-Мефодиевское братство просуществовало недолго. Некий студент по фамилии Петров подслушал, о чем говорят на собраниях общества, и сообщил куда следует. В марте-апреле 1847 года братство было разгромлено жандармами, а большинство членов заключено в тюрьму или сослано.

Развивая идеи Кирилло-Мефодиевского братства

В конце XIX века начался стремительный процесс радикализации движения, политизации его требований, разрыв с прежним украинофильством (которое еще подразумевало сохранение двойной идентичности: хоть уже и не малорусской, а новой, украинской, но все же наряду с общероссийской).

Новое поколение окончательно сформулировало свою украинскую идентичность, превратило украинство из культурной и культурно-этнической категории в категорию национальную. Оно устанавливало связь между нацией и отдельным «украинцем» — членом нации. Те, кто был украинцем не просто по происхождению и по языку, а по убеждению, стали именоваться «национально сознательными».

Члены возникшего в 1892 году тайного «Братства тарасовцев» в основу своего мировоззрения положили постулат:

«Украина была, есть и всегда будет отдельной нацией, и как каждая нация, потребует своей национальной воли для своей работы и прогресса».

Интересна история возникновения этой организации. В 1892 году студенты высших учебных заведений Харькова Иван Липа, Николай Байздренко, Михаил Базкевич и студент Киевского университета Виталий Боровик совершили путешествие в Канев и на могиле Тараса Шевченко провозгласили себя «Братством тарасовцев — организацией борьбы за утверждение шевченковских общественно — политических идеалов».

В Харькове основатели этой организации сблизилась с супругами Александром и Софьей Русовыми — активными участниками украинского национального

движения еще с семидесятых годов XIX века. Вместе они образовали Молодую громаду в составе свыше 20 студентов, которые собирали библиотеку нелегальных изданий, готовили эти издания в печать, на тайных сходках выступали с политическими докладами, состояли в переписке с единомышленниками в Галиции. Были выработаны устав и программа организации.

Кружки «тарасовцев» создавались также в Киеве, Полтаве, Чернигове, Одессе, Херсоне, Александрии.

Касаясь в программе организации сугубо украинских дел, «тарасовцы» провозглашали прежде всего единство, соборность всей Украины:

«Украина Австрийская и Украина Российская одинаково нам родные, и никакие географические пределы не могут разъединить одного народа», обязывались «...отдать все свои силы на то, чтобы освободить свою нацию от того гнета, в котором она сейчас находится», «...разбить российские кандалы и высвободить все российские народы из-под гнета их деспотизма и централизма», «...прежде всего добиваться для своего народа национальной свободы», «...поднимать национальный вопрос и право украинской нации везде, где только возможно».

Организация просуществовала около года, после чего большинство ее членов было арестовано полицией. Обвинение было предъявлено 24 задержанным. Почти все они были осуждены на различные сроки тюремного заключения, приговорены к судебной и административной ссылке с последующим надзором полиции.

Революционная украинская партия — РУП

Была образована в феврале 1900 года в Харькове на III съезде украинских студенческих громад в Харькове. Фактически она стала первой национальной украинской политической партией на территории Российской империи. РУП стала тем корнем, из которого в дальнейшем выросли все украинские партии, в том числе Украинская коммунистическая партия (УКП), действовавшая на территории Советской Украины до 1925 года.

Структуру РУП составляла сеть первичных организаций — громад, руководимых комитетами (Вольными громадами). Вольные громады имелись в Киеве, Харькове, Чернигове, Полтаве, Лубнах, Петербурге (Северная), Одессе, Екатеринославе, на Дону и Кубани (Черноморская), Подолии и Волыни. Общепартийные координирующие функции исполняли Центральный комитет (избран в декабре 1902 года I съездом РУП) и Заграничный комитет во Львове.

Первой политической платформой РУП стала брошюра «Самостийная Украина», которую по просьбе организаторов партии написал адвокат Н. Михновский, названный впоследствии «отцом украинского национализма». Собственно, она не являлась партийной программой в полном смысле этого слова, а была скорее декларацией всего украинского движения, обоснованием его стратегии и «законности» борьбы за «самостийную Украину» и особую украинскую нацию.

Центральное место в рассуждениях автора занимала Переяславская Рада, причем смотрел он на нее уже по-новому — с точки зрения интересов и судьбы украинской нации. Автор брошюры утверждал, что с 1654 года для

украинской нации наступил «антракт», и она попала в рабство. Нарисовав страшную картину угнетения, запустения и русификации («смерть политическая, смерть национальная, смерть культурная для украинской нации»), Михновский выстроил систему «доказательств» того, что Россия владеет Украиной незаконно. Как и его предшественники, он указывал, что соединение Украины и России имело характер «равного с равным» и «вольного с вольным».

Придя к такому заключению, харьковский адвокат делал вывод, что в результате этого договора Украина не потеряла никаких прав, а осталась суверенным государством. Последующее же развитие событий — постепенная инкорпорация земель в состав России — им однозначно оценивалось как одностороннее вероломное нарушение международного договора, торжество силы над правом. А это означало, что «Переяславская конституция» становится недействительной и Украина имеет все основания считать себя не связанной узами этого временного внешнеполитического договора. Посему, подводил итоги Михновский, лозунг «Единая неделимая Россия для нас не существует», цели и деятельность украинского движения вполне оправданны не только с моральной, но и с юридической точки зрения. Оно просто обязано «разбить путы рабства» и возродить «одну, единую, нераздельную, вольную, самостоятельную Украину от Карпат и до Кавказа».

Справедливости ради отметим, что идеи украинского национализма в программе РУП доминировали непродолжительное время. В 1904–1905 годах партия трансформировалась в украинскую социал-демократическую партию сельского и городского пролетариата.

Михаил Грушевский

Среди идеологов украинского национализма Михаил Грушевский занимает особое почетное место. Ведь он был не только теоретиком, но и практиком — непродолжительное время был председателем Украинской Центральной Рады.

Михаил Грушевский родился в 1866 году в городе Холме (ныне Восточная Польша) в семье преподавателя гимназии. Его отец был автором принятого министерством образования России и многократно переизданного учебника церковнославянского языка. Авторские права на данный учебник приносили семье, а позже — самому Михаилу Грушевскому стабильные доходы, позволившие ему сосредоточиться на исторических исследованиях.

В 1886–1890 годах он учился на историко-филологическом факультете Киевского университета.

В 1894 году защитил магистерскую диссертацию и получил кафедру украинской истории в Львовском университете в Австро-Венгерской Галиции.

В 1904 году австрийское Министерство народного просвещения выдало субсидию в 400 рублей существующему в Кракове «Обществу насаждения малороссийской словесности, искусства и культуры» в целях украинофильской революционной пропаганды. Прагматичные чиновники из Вены фактически оплатили услуги двух новых лекторов Общества — бывшего доцента Киевского университета, профессора Львовского университета Михаила Грушевского и украинского писателя Ивана Франко. О роли последнего в движении украинских националистов мы подробно расскажем ниже. А пока отметим лишь, что он играл роль, аналогичную той, что «исполнял» Тарас Шевченко.

Хотя первому сложно было конкурировать с великим поэтом.

В 1906 году Михаил Грушевский посетил Санкт-Петербург, где сблизился с местными украинскими националистами, основал журнал «Украинский Вестник», издал сборник своих статей «Освобождение России и украинский вопрос».

В 1907 году он принимал участие в издававшейся в Киеве газете «Рада» и сам издавал местный журнал «Литературно-науковий вістник». Большинство публикуемых в газете «Рада» материалов носило ярко выраженный антиправительственный и антирусский характер, вследствие чего Михаилу Грушевскому было сначала объявлено предупреждение, а затем издание этой газеты было запрещено.

В том же году он возглавил в Киеве Украинское научное общество.

В 1908 году из-за границы в Департамент полиции из различных источников поступили сведения, что Михаил Грушевский контрабандно привозил из Львова в Россию нелегальную литературу. Понятно, что не большевистскую газету «Искра» или труды Владимира Ленина.

В том же году стал одним из лидеров ТУПа (Товарищества украинских прогрессистов) — украинской либерально-демократической организации, стоявшей на платформе конституционно-демократического строя и автономии Украины, близкой по политической ориентации к кадетам.

В 1909 году во Львове состоялось собрание членов Галицийской украинской партии, где Михаил Грушевский предложил организовать повсеместно в Галиции праздничные мероприятия в честь гетмана Мазепы и издать набор брошюр, разъясняющих значение выступления Мазепы в защиту угнетенных русским правительством казаков.

В 1910 году Департаменту полиции стало известно, что Михаил Грушевский во время приездов в Киев, обязательно посещает австрийского консула, с которым по несколько часов остается наедине в его кабинете. Понятно, что ученый и дипломат вели не научные дискуссии. Справедливости ради отметим, что западноукраинские националисты начали негласно сотрудничать с иностранными правительствами на несколько лет раньше описываемых событий.

В 1911 году в документах Департамента полиции он фигурирует как один из видных деятелей «Украинской громады».

В 1914 году арестован по обвинению в шпионаже в пользу Австро-Венгрии, провел в тюрьме несколько месяцев и в феврале 1915 года был выслан в Симбирск. Затем, по просьбам русской академической общественности ему было разрешено переехать сначала в Казань, а потом в Москву.

В апреле 1917 года Грушевский избран председателем («головою») Украинской Центральной Рады, а через два года уехал в Австрию.

В 1924 году Грушевский вернулся в СССР, был профессором истории в Киевском государственном университете. Его избрали академиком Всеукраинской академии наук, руководителем историко-филологического отдела. Грушевский возглавлял археографическую комиссию ВУАН, целью существования которой было создание научного описания изданий, напечатанных на территории этнографической Украины в XVI–XVIII веках.

Умер он в 1934 году от заражения крови в Кисловодске, был похоронен с почестями.

В конце тридцатых годов прошлого века все труды Грушевского были запрещены, многие родственники (среди них — дочь, также известный историк) репрессированы и погибли.

«Заграница нам поможет»

Было бы неправильно утверждать, что украинский национализм — явление сугубо внутренней жизни Левобережной Украины. Дескать, так замучили украинцев проклятые «москали», что первые начали всерьез думать о том, как создать свое, независимое от Российской империи государство. Может быть, планы украинских националистов так и остались бы нереализованными мечтами, если бы их идейно-политическим движением не заинтересовались иностранные державы.

«На протяжении многовековой истории огромная территория Украины, зажата между католическим Западом, с одной стороны, и православным Востоком, с другой, поджимая с Юга мусульманской Оттоманской империей с ее татарским форtpостом в Крыму, во все времена была для окружающих ее соседей лакомым куском. Они жадно смотрели на богатую природными и людскими ресурсами страну и в течение сотен лет пытались поделить, разодрать на куски плодороднейшие земли этой части Европы, подчинить себе Украину»^[5].

Для решения этой задачи использовались любые цели, начиная от оккупации отдельных территорий и заканчивая разжиганием межнациональной розни. Карл XII и Наполеон, турецкие султаны и Пилсудский, Гитлер и Трумэн — все они так или иначе разыгрывали «украинскую карту»^[6]. Лучшего исполнителя их планов, чем украинские националисты, трудно было отыскать. Это только советская официальная история стыдливо умалчивала о множестве измен гетманов после Переяславской Рады (исключение сделали лишь для Мазепы), об истинных планах Богдана Хмельницкого в

отношении украинского крестьянства и т. п. Знали на Западе все прекрасно и пользовались этим воспользоваться в своих интересах.

В первую очередь иностранные державы обратили внимание на проживавших на территории Галиции (Западная Украина) украинских националистов. В начале прошлого века ими заинтересовались правительства Австро-Венгрии и Германии. Галичане рассматривались Веней и Берлином в качестве передового отряда антирусской борьбы. Целью было присоединение русско-украинских земель к территории Австро-Венгрии и Германии, а так же выхода последней к побережью Черного моря^[7].

Кратко расскажем об истории этого края. После раздела Польши в 1772 году и присоединения Галичины к Австрии, после неудавшихся польских восстаний в России (1830 и 1863 годах) и в Австрии (1848 году) с целью восстановления Польского государства, польская шляхта Галичины с ее крупными латифундиями выразила свое верноподданничество Францу Иосифу и в награду получила полную власть над всей Галичиной, где проживали украинцы. Получив такую власть, поляки и их иезуитское духовенство продолжали, как и в Польше, полонизировать и окатоличивать коренное русское население края. По их внушению австрийские власти неоднократно пытались уничтожить слово «русский», которым с незапамятных времен называло себя население Галичины, придумывая для него разные другие названия.

В этом отношении особенно прославился наместник Галичины граф Голуховский, известный русофоб. В шестидесятых годах XIX столетия поляки пытались уничтожить кириллицу и ввести вместо нее для русского населения латинскую азбуку. Но бурные протесты и чуть ли не восстания русского населения устроили венское

правительство, поэтому от этих планов пришлось временно отказаться.

Дух национального сепаратизма и ненависти к России поляки постоянно поддерживали среди русского населения Галичины, особенно среди ее интеллигенции, лаская и наделяя теплыми местечками тех из них, которые согласны были ненавидеть «москалей», и преследуя тех, кто ратовал за Русь и православие.

В семидесятые годы XIX века поляки начали прививать чувство национального сепаратизма и галицко-русскому сельскому населению, крестьянству, учредив для него во Львове с помощью вышеупомянутой так называемой интеллигенции общество «Просвіта», которое стало издавать популярные книжечки злобного сепаратистко-русофобского содержания.

До конца XIX века термины «украинец», «украинский» на территории Галиции были употребляемы только кучкой украинствующих галицко-русских интеллигентов. Народ не имел о них никакого понятия, зная лишь тысячелетиями названия — Русь, русский, русин; землю свою называл русской и язык свой — русским.

Официально слово «русский» писалось с одним «с», чтобы отличить его от правильного начертания с двумя «с», употребляемого в России. Все журналы, газеты и книги, даже украинствующие, печатались по-русски (галицким наречием), старым правописанием. На ряде кафедр Львовского университета преподавание велось на русском языке, гимназии назывались «русскими», в них преподавали русскую историю и русский язык, читали русскую литературу.

С 1890 года все это исчезает как по мановению волшебной палочки. В школах, судах и во всех ведомствах вводится новое правописание. Издания украинствующих переходят на новое правописание,

старые «русские» школьные учебники изымаются и вместо них вводятся книги с новым правописанием.

В учебнике литературы на первом месте помещается в искаженном переводе на галицко-русское наречие монография Николая Костомарова «Две русские народности», где слова «Малороссия», «Южная Русь» заменяются термином «Украина» и где подчеркивается, что «москаля» похитили у малороссов имя «Русь», что с тех пор они остались как бы без имени и им пришлось искать другое название. По всей Галичине распространяется литература об угнетении украинцев москалями. Оргия насаждения украинства и ненависти к России разыгрывается вовсю.

В Австро-Венгрии главными покровителями украинского сепаратизма были наследный принц Франц-Фердинанд и Военное министерство. Задолго до Первой мировой войны при Германском МИДе был создан специальный отдел для сбора информации и анализа проблем Украины. Одной из задач отдела было установление контактов и налаживание связей с нужными людьми.

В начале прошлого века в Австрии на немецкие деньги была основана и издавалась газета «Украинише Ревю», позднее переименованная в «Украинише Рундшау» — орган соборно-украинской партии. Вскоре началось финансирование украинцев и их газеты посольством Германии в Вене. Деньги шли из посольства через советника посольства Дитриха фон Бетман-Гольвега, двоюродного брата канцлера Германии.

В 1910 году бывший германский агент во Львове Раковский предал гласности факты поддержки ряда украинских изданий и организаций немцами. По его данным, из секретных прусских фондов журнал «Ukrainische Rundschau» получил в 1907 году 5 400 немецких марок (DM), а в 1909 году уже 12 000; газета «Діло» (Львов) в 1907 году получила 3 450 немецких

марок, а в 1908 году — 2 600; в 1910 году на спонсирование украинской национальной прессы выделялось 15 000 марок. Наукове товариство Шевченка, Украинский студенческий союз и Львовская украинская читальня получили по 600 марок в год и т. д.

В марте 1911 года во Львове прошло тайное совещание украинских сепаратистов, на котором присутствовали Вячеслав Липинский (с 1917 по 1921 год он занимал пост посла независимой Украины в Австрии, а потом эмигрировал на Запад), Лев Юркевич (украинский социал-демократ, с 1913 года жил за пределами Российской империи, в 1917 году вернулся в Советскую Россию и умер в Москве), Владимир Степанковский и другие, где решено было создать организацию, которая в случае войны выступила бы на стороне противников России.

В 1911 году в краковской газете «Слово Польско» (которую трудно заподозрить в пророссийской ангажированности) была опубликована сенсационная статья депутата венского парламента Яна Заморского. Депутат Рейхсрата познакомил читателей с планом расчленения России, рожденным в тиши венских и берлинских политических кабинетов:

«Русская революция и русско-японская война обратили внимание дипломатии австрийской и германской на русские области. В 1908 году, во время аннексии Боснии и Герцеговины, проработан был план урезки русских владений, а именно: Пруссия намеревалась занять Царство Польское по реку Вислу (с Варшавой), согласно границам последнего раздела Польши (в 1795 г.), Австрия проектировала захватить Подолию, Бессарабию, бывшее воеводство Брацлавское и опереться на Черное море с Одессой (в качестве третьего крупного порта)... Планы эти имелись и ранее, а в 1908 году лишь собирались их осуществить. В марте 1908 года, накануне ожидавшейся войны Австрии и

Германии с Россией, весь мобилизационный план был разработан в этом именно направлении. Войны не случилось, но план остается в силе и поныне».

В 1912 году варшавская газета «*Slowo*» сообщала о финансировании германским посольством в Вене журнала «*Ukrainische Rundschau*», и что занимался этим советник посольства Дитрих фон Бертман-Гольвег, кузен тогдашнего канцлера. Газета писала, что германское консульство во Львове «занимается преимущественно украинскими делами в России. На украинские дела в Австрии Берлин, помимо непосредственных сношений со своими украинскими клеветами, влияет путем дипломатического давления на австрийское правительство».

Проведением в жизнь идеи расчленения Российской империи занялись многочисленные австро-венгерские публицисты из числа поляков, имевших собственные счеты с Россией. В конце 1911 года редактор краковской газеты «Критика» Фельдман выступил с передовицей, где он советовал Австрии отбросить Россию из Средней Европы в Азию и низвести ее до границ княжества Московского. Фельдман утверждал, что польская политика должна всегда определяться с учетом главной цели — независимости Польши. При этом Фельдман уповал на украинский сепаратизм — «польза польской sprawy требует содействия возникновению сильного ирредентистского движения среди малороссов». «Нам, — говорил Фельдман, — должно быть на руку все, что дезорганизует русское государство и разрушает его силу». Идеи Фельдмана вскоре были подхвачены другими польскими публицистами.

Пока журналисты упражнялись в риторике, в Берлине и Вене активно разрабатывали планы поддержки существующих организаций украинских националистов и создания новых.

Начало политической карьеры

В 1914 году, когда Степану Бандере исполнилось пять лет, началась Первая мировая война. Линия фронта несколько раз проходила через село Старый Угринов: в 1914-1915 годах и дважды в 1917 году. Данные события произвели огромное впечатление на него, однако еще большее влияние на него оказал всплеск активности украинского национально-освободительного движения (вызванный поражением Австро-Венгрии в войне и ее последовавшим распадом), к которому примкнул и его отец — Андрей Бандера. Выступив в качестве одного из организаторов восстания в Калушском уезде, он занимался формированием из жителей окрестных сел вооруженных отрядов. Позднее отец Степана перебрался в Станислав, где стал депутатом Украинской национальной рады — парламента Западно-Украинской народной республики (ЗУНР), провозглашенной на украинских землях бывшей Австро-Венгрии, — а еще спустя некоторое время поступил на службу капелланом в Украинскую галицкую армию (УГА). В ее составе он находился на Надднепрянщине, воевал с большевиками и белогвардейцами. Мать с детьми тем временем переехала в Ягельницу близ Чорткова, где поселилась в доме брата Мирославы, отца Антоновича, временно заменившего детям отсутствовавшего отца. Здесь в июне 1919 года Мирослава Владимировна с детьми снова оказалась в эпицентре военных действий: в результате Чортковского наступления и последовавшего за ним поражения частей УГА практически все мужчины из родни Степана по материнской линии были вынуждены уйти за Збруч, на территорию Украинской Народной Республики. Женщины и дети остались в

Ягельнице, однако уже в сентябре вернулись в Старый Угринов (сам Степан уехал к родителям отца в Стрый). Лишь через год, летом 1920 года, в Старый Угринов возвратился Андрей Бандера. Некоторое время он скрывался от польских властей, преследовавших украинских активистов, но уже осенью вновь стал священником в сельской церкви.

В октябре-ноябре 1918 года Степан, как он сам позднее напишет: «пережил волнующие события возрождения и строительства украинской державы». Высока вероятность того, что он испытал еще больший шок, когда «украинская держава» перестала существовать, а ее территория была «разделена» между Советской Россией, Польшей и Чехословакией.

В 1919 году Степан переехал в польский Стрый к родителям своего отца и поступил в одну из немногих украинских классических гимназий. Там он обучался в течение восьми лет с 1919 по 1927 год.

В 1922 году его приняли в украинскую скаутскую организацию «Пласт». Ранее ему отказывали в этом из-за слабого здоровья. В Стрые Бандера входил в состав руководства Пятого пластового куреня имени Ярослава Осмомысла, а потом, уже после окончания гимназии, был в числе руководителей Второго куреня старших пластунов, отряда «Красная калина», вплоть до запрещения польскими властями «Пласта» в 1930 году.

Мировоззрение Бандеры формировалось под влиянием националистических идей, популярных в среде западноукраинской молодежи того времени: наряду с другими гимназистами он примыкал к многочисленным молодежным националистическим организациям, крупнейшими из которых были Группа украинской государственнической молодежи (ГУГМ) и Организация старших классов украинских гимназий (ОСКУГ). В 1926 году две эти организации объединились в Союз украинской националистической молодежи

(СУНМ), основная задача которого (по мнению его лидеров) — идеологическое воспитание украинской молодежи и вовлечение ее в активную политическую деятельность. В 1929 году вошел в состав ОУН.

В середине 1927 года Степан Бандера сдал выпускные экзамены в гимназии и решил поступать в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), однако польские власти отказали в предоставлении молодому человеку заграничного паспорта, и он был вынужден на год остаться в Старом Угринове. В родном селе Степан Бандера занимался хозяйством, культурно-просветительской работой, работал в читальне «Просвещения», вел любительский театральный кружок и хор, курировал работу организованного им спортивного общества «Луг». Все это ему удавалось совмещать с подпольной работой по линии Украинской войсковой организации (УВО), с идеями и деятельностью которой Степан познакомился еще в старших классах гимназии, при посредничестве старшего товарища Степана Охримовича. Формально членом УВО Бандера стал в 1928 году, получив назначение в разведывательный, а потом в пропагандистский отдел.

В сентябре 1928 года Степан Бандера переехал во Львов для учебы на агрономическом отделении Львовской политехники (университет). Здесь он проучился до 1934 года. Каникулы Степан проводил в селе Воля-Задеревацкая, где получил приход его отец. В период получения высшего образования Бандера не только продолжал заниматься подпольной работой в ОУН и УВО, но и участвовал в легальном украинском национальном движении: состоял в обществе украинских студентов Львовской политехники «Основа» и в кружке студентов-селян, некоторое время работал в бюро общества «Сельский хозяин», тесно сотрудничал с

«Просвещением», от имени которого часто выезжал в села Львовщины, где читал лекции.

Возникает вопрос: а кто создал все перечисленные выше структуры, в работе которых Степан Бандера принимал активное участие? Расскажем об их истории подробнее.

Западноукраинские начинают...

То, что Первой мировой войны не избежать, прекрасно понимали в столицах всех крупных европейских держав и активно готовились к будущему сражению. Не стала исключением и сфера украинских националистов. В будущей войне противники Российской империи отводили им особую роль. Ну, допустим, до полноценной пятой колонны они еще не доросли — слишком мало их проживало на территории Российской империи, да и в той же самой Галиции политика колонизации еще не успела принести свои плоды.

Об этом не принято говорить, но во время Первой мировой войны на территории этого региона австрийские войска по наводке местных украинофилов уничтожили десятки тысяч крестьян, единственная вина которых заключалась в их симпатиях к Российской империи.

Галицко-русский публицист Илья Терех так описал действия австро-венгерской военщины и их украинских прислужников:

«В самом начале войны австрийские власти арестуют почти всю русскую интеллигенцию Галичины и тысячи передовых крестьян по спискам, вперед заготовленным и переданным... властям украинофилами (сельскими учителями и “попиками”)»... Арестованных водят из тюрьмы в тюрьму группами и по пути на улицах городов их избивают... В Перемышле озверелые солдаты изрубили на улице большую партию русских людей...

Арестованных вывозят вглубь Австрии в концлагеря, где несчастные гибнут от голода и тифа... В отместку за свои неудачи... улепетывающие австрийские войска убивают и вешают по деревням тысячи русских галицких крестьян. Австрийские солдаты носят в ранцах готовые

петли и где попало: на деревьях, в хатах, в сараях, вешают всех крестьян, на кого доносят украинофилы, за то, что они считают себя русскими.

Священник Иосиф Яворский свидетельствует о событиях тех дней:

«Армия получила инструкции и карты с подчеркнутыми красным карандашом селами, которые отдали свои голоса русским кандидатам в австрийский парламент. И красная черточка на карте оставила кровавые жертвы в этих селах».

Результаты кровавых «чисток» радовали новых хозяев украинских националистов из Берлина. Большинство будущих командиров ОУН — УПА были выходцами из Галиции. Культивируемая десятилетиями ненависть к «москолям» и страстное желание присоединить к Галиции огромную территорию Украины, начали давать свои плоды. Но все это будет значительно позже. А пока на календаре 1914 год, и уже несколько месяцев идет Первая мировая война.

«Союз освобождения Украины»

В августе 1914 года группа украинских эмигрантов объявила о создании политической организации под громким названием «Союз освобождения Украины» (СОУ). Союз провозгласил своей задачей отделение Украины от России и образование самостоятельного монархического государства под протекторатом Австро-Венгрии и Германии. Ничего другого от украинских националистов нельзя было ожидать. Прагматичные были люди и прекрасно понимали, что Берлин и Вена никогда не позволят Украине быть независимым государством. А может быть, деятелям Союза независимость вообще была не особо нужна, как Богдану Хмельницкому и казачьей элите.

25 августа 1914 года СОУ выпустил печатное воззвание, обращенное к «общественному мнению Европы». Из текста этого документа следовало, что у всего прогрессивного человечества есть только один враг, и враг этот — Российская империя:

«Беспримерно вызывающая политика России привела весь мир к катастрофе, подобной которой еще не знала история. Мы, украинцы, сыновья великого, разделенного между Австрией и Россией народа, неслыханным образом угнетаемого царизмом, сознаем, о чем идет дело в этой войне. Конечно, не о гегемонии “германизма” или “славянства” — война ведется между культурой и варварством. Война ведется, чтобы сломить окончательно идею “панмосковитизма”, который нанес неисчислимый вред всей Европе и угрожал ее благосостоянию и культуре. Из этой идеи, известной под фальшивым именем “панславизма”, Россия сделала орудие своих агрессивных планов, пользуясь политической слепотой славянских народов. Эта идея

уже уничтожила Украину как независимое государство, свалила Польшу, ослабила Турцию и закинула свои сети в течение последних лет даже в Австро-Венгрию. Воротами для вступления победоносного панмосковитизма в Австро-Венгрии с целью ее разгрома должна была служить Галиция. Наш разделенный между двумя государствами народ должен был служить России для того, чтобы царизм мог овладеть проливами и Константинополем, куда по рецепту русской дипломатии путь идет через Вену. С этой целью Россия годами вела подпольную работу среди нашего народа в Галиции. Расчет был ясен: если наш народ, так грубо поработанный в России, станет в Галиции на сторону России, задача водружения царских знамен на Карпатах будет чрезвычайно облегчена. Если же, напротив 30 миллионов украинцев в России под влиянием своих галицийских братьев к правильному суждению о своих национальных и политических интересах, тогда рушатся все планы расширения России. Без отделения украинских провинций России даже самый ужасный разгром этого государства в настоящей войне будет только слабым ударом, от которого царизм оправится через несколько лет, чтобы продолжить свою старую роль нарушителя европейского мира. Только свободная, тяготеющая к правительственному союзу Украина могла бы своей обширной территорией, простирающейся от Карпат до Дона и Черного моря, составить для Европы защиту от России, стену, которая навсегда остановила бы расширение царизма и освободила бы славянский мир от вредного влияния панмосковитизма. В полном сознании своей исторической миссии защищать свою древнюю культуру от азиатского варварства москвитов, Украина всегда была открытым врагом России, и в своих освободительных стремлениях она всегда искала помощи у Запада, особенно у немцев. Гетманы Богдан Хмельницкий, Дорошенко и Орлик обращались к немцам,

Мазепа — к Швеции. Даже во времена Екатерины II украинское дворянство искало при прусском дворе защиты против московского деспотизма. Демонстрации, происходившие в прошлом году в Киеве во время юбилея Шевченко, когда раздавались крики “Да здравствует Австрия!”, “Долой Россию!” — доказывают, что украинская политическая мысль снова идет по пути старинных исторических традиций. Мы, украинцы России, соединившиеся в Союз Освобождения Украины, употребим все силы для окончательного расчета с Россией...»

Сотрудник австрийского МИДа Е. Урбас писал в своем докладе 16 июля 1914 года:

«Руководители СОУ заявили мне о спонтанной решимости при вступлении наших армий на Украину вызвать восстание своих земляков под нашим знаменем при условии, что мы принесем украинскому крестьянству (85 % населения) ожидаемую аграрную реформу или, во всяком случае, не будем мешать при самостоятельном проведении этого дела».

Реальность оказалась иной. Население Украины никаких восстаний не поднимало. Наоборот, его, как и великороссов, охватил в начале войны подъем патриотических чувств, а украинско-русинское население Австро-Венгрии оказывало нередко помощь русской армии, начавшей наступление в Галиции.

В августе 1914 года глава города Ужгорода доносил в Вену:

«Среди украинского населения заметно движение. Везде проявляются симпатии к русским. Надеются на их приход. По этому поводу открыто выражается радость».

В сентябре 1914 года «Союз освобождения Украины» начал печатать в Вене «Вестник» на малороссийском языке и «Украинские известия» на немецком языке.

В передовой статье первого номера «Вестника Союза освобождения Украины» читателям сообщалось, что

национально-политической платформой союза является «державная» независимость Украины, что формой правления нового государства будет конституционная монархия с демократическим внутренним политическим строем, однопалатным парламентом, гарантировалась свобода вероисповедания и использования родного языка, объявлялась самостоятельность украинской Церкви и, а так же было обещано немедленное проведение радикальной аграрной реформы в пользу крестьянства.

«Практической своей задачей союз ставит:

1) организацию украинских народных сил для проведения в жизнь постулатов союза;

2) введение национальной общественно — политической организации в тех украинско-российских землях, кои будут завоеваны у России;

3) приготовление к созыву украинского национального конгресса;

4) выступление в защиту интересов украинского народа и его национально — державных домогательств перед правительствами воюющих держав и перед международными конференциями;

5) популяризацию украинского управления в Европе через издание публикаций, корреспонденции и прочего».

Заканчивается эта передовая статья такими словами:

«Союз освобождения Украины в своей деятельности состоит в контакте с австрийскими украинцами. Вера в окончательную победу австро-венгерской и немецкой армий и в разгром России, верят украинцы и в то, что на руинах Российской Империи — этой тюрьмы народов — встанет свободная независимая Украина».

В ноябре 1914 года министр иностранных дел Австро-Венгрии заявил, что планы империи простираются вплоть до создания независимого от

России Украинского государства, в связи с чем, правительство брало на себя поддержку проавстрийского «Союза освобождения Украины».

Позднее один из руководителей СОУ Владимир Дорошенко писал, что Союз взял на себя представительство интересов «Великой Украины» перед центральными государствами и, вообще, перед европейским миром. В будущей Украине, подpiraемой австро-немецкими штыками, мыслилась конституционная монархия с внутренним демократическим строем и однопалатной законодательной системой. В случае присоединения «освобожденных от москалей» земель к Австро-Венгрии СОУ должен был добиваться создания автономного «коронного» края.

Члены организации вели националистическую пропаганду среди российских военнопленных украинского происхождения, содержащихся в лагерях на территории Германии, Австрии и Венгрии. По ходатайству СОУ украинских пленных сосредоточили в отдельных лагерях (около 50 тыс. в Германии и 30 тыс. в Австрии). На территориях, оккупированных немецкими и австро-венгерскими войсками, организовывалось школьное обучение на украинском языке.

Первоначально штаб-квартира организации базировалась в Львове, но вскоре перебралась в Вену. К концу 1914 года власти Австрии разочаровались в СОУ. Можно назвать две основных причины:

Во-первых, украинские националисты не смогли организовать сопротивление населению Галиции русской армии.

Во-вторых, обнаружились факты нецелевого использования членами СОУ выделенных им финансовых средств. В ходе этой проверки у одного из руководителей СОУ Н. Зализняка конфисковали присвоенные им около 500 тысяч крон, он также не смог

объяснить, куда делись еще 400 тысяч крон, дополнительно выделенных СОУ до ноября 1914 года. Поэтому в начале 1915 года члены СОУ спешно перебрались на территорию Германии.

Руководство Союза поспешило продемонстрировать свою лояльность новому «хозяину». В качестве примера процитируем телеграмму, которая была опубликована в № 55-56 «Вестника» издаваемого СОУ:

«Его Величеству Императору и Королю Вильгельму II, Берлин.

Союз освобождения Украины, организация российских украинцев, спешит с наибольшим уважением приветствовать Его Величество и победную немецкую армию со взятием Холма, старинного престольного города и украинского короля Даниила, и столицы наиболее выдвинутой на запад заселенной украинцами области. С большим доверием в могущество немецкого государства и немецкой армии надеемся на окончательный разгром смертельного врага украинского народа и освобождение из — под российского ярма также украинских областей на восток от Буга, с сердцем Украины Киевом. Его Величество Император Вильгельм II пусть живет многие лета. Слава славной немецкой нации и непобедимой немецкой армии!

За правление Союза освобождения Украины Владимир Дорошенко, Мариан Меленевский».

Отметим, что в 1915 году в Мюнхене СОУ была издана брошюра под заглавием «Украина и война». В ней было опубликовано воззвание Союза к немецкому народу. Дословный текст этого воззвания таков:

«Мы обращаемся к немецкому Императору, немецким союзным князьям и немецкому народу с настоятельной и сердечной просьбой освободить нас от нашей длительной неволи и гнета и осуществить нам государственную независимость. Тем более мы надеемся на исполнение нашей просьбы, что жертвы, которые

нужно принести для нашего освобождения, почти также полезны для интересов немецкого народа. Только созданием самостоятельного королевства Украины можно окончательно избавиться от великорусской опасности. Между Германией и Украиной нет никаких противоположностей. Наоборот, Украине для ее полного развития придется обратиться к немецкой интеллигентности и к немецкому капиталу, которые оба найдут в ней богато вознаграждающее поле деятельности. Дай нам Бог, чтобы после полной победы немецкой армии исполнились наши желания в интересах наших обоих временно друг другу предназначенных народов».

Справедливости ради отметим, что руководство СОУ «дружило» не только с Германией. Так, следуя историческому примеру «незабвенного», по его выражению, Ивана Мазепы, руководство организации обратилось в августе 1914 года и к Швеции с воззванием, в котором подстрекало Швецию к союзу с Украиной для сохранения мира Европы от «московского варварства и московской ненасытности».

Наконец, согласно содержанию статьи опубликованной в № 5-6 «Вестника» 1914 года под заглавием «Декларация Талаат-Бея», член СОУ Мариан Меленевский в конце 1914 года был принят в Константинополе турецким министром внутренних дел Талаат-Беем. Последний обещал украинскому эмигранту, что Высокая Порта, так же, как Берлин и Вена, помогут украинскому народу «сотворить» независимую державу. После этой встречи руководство СОУ поспешило через «Вестник» объявить, что Союз становится органом представительства общенациональной политики украинского народа, живущего в российской Украине, и что главная цель Союза — организация монархии и независимого режима в освобожденной Украине.

Члены СОУ занимались и практической работой, которую щедро оплачивал Берлин. Так, при помощи Союза украинцы-военнопленные были отделены от прочих и сосредоточены в отдельных лагерях: 50 тысяч в Германии (лагеря Раштат, Вецляр и Зальцведель), 30 тысяч в Австро-Венгрии (Фрайштадт и Дуна-Сердагель).

В 1915–1917 годах Германия выделила СОУ 743 294,54 марок (DM). На работу в лагерях военнопленных (три лагеря) Германия выделяла в среднем 25 тыс. марок. Работали там чаще всего пропагандисты из Галиции: неженатые получали 350 DM, женатые — 450 DM, руководители «просвитянских» отделов — 550 DM в месяц.

СОУ совместно с германским Генштабом занималось организацией диверсионных групп, забрасываемых в российский тыл также и с целью распространения «украинской бациллы» (выражение Скоропис-Цолтуховского). Каждый член группы получал от 500 до 1000 руб. Первая группа была заброшена в феврале 1916 года.

Сотрудники Департамента полиции смогли установить фамилии большинства активных членов СОУ:

«В. Дорошенко, Александр Скоропись-Иолтуховский, Н. Зализняк, Андрей Жук, Мариан Меленевский (он же Басок и Иван Гилька), Д. Донцов, Емельян Бачинский, доктор Владимир Бачинский, доктор Евгений Бачинский, Юлиан Бачинский, доктор Константин Левицкий, доктор Евгений Олесницкий, доктор Степан Баран, Юлиан Романчук, Богдан Ленский, Осип Маковей, К. Студенский, доктор Осип Казарук, И. Грабовский, Владимир Темницкий, Кирилл Трильевский, Василий Лициняк, доктор Ястров, Иван Франко, Остап Грицай, Андрей Чекановский, И. Карманьский, доктор Мижайл Новаковский, Владимир Биберович, доктор Лев Ганкевич, Николай Ганкевич, Теофил Мелень, Николай Троцкий, Юрий Шкрумелян, Василий Симович, доктор

Евгений Левицкий, доктор Зенон Кузеля, Николай Опока, А. Кружельницкий, доктор М. Лобинский, доктор Владимир Геринович, доктор О. Пеленьский, Франц Дидерих, А. Энсен, С. Томашевский, Роман Купчинский, Дмитрий Катамай, О. Кириленко, доктор Гаморан, Андрей Бабюк, Александр Конисский, доктор Иван Тиманов, Петр Соха, Орест Кириленко, Всеволод Козловский, доктор Евгений Любарский-Письменный, отец Иван Рудович, Владимир Снигалеви́ч, доктор Евгений Петрушевич и Николай Василько».

После февральской революции 1917 года в России СОУ ограничил свою деятельность помощью пленным и защитой этнических украинских территорий, оккупированных австро-германскими войсками, от претензий со стороны Польши.

При содействии его представителей в 1918 году из пленных украинцев были сформированы две украинские дивизии — «синезупанников» под командованием генерала В. Зелинского в Германии и «серожупанников» в Австрии, которые позднее вошли в армию Украинской народной республики.

Союз формально прекратил деятельность с 1 мая 1918 года.

«Всеобщая Украинская Рада» (ВУР)

5 мая 1915 года в Вене был учрежден «Всенародный ареопаг Украины» — «Всеобщая Украинская Рада» (ВУР), претендовавшая на представление интересов всего украинского народа во время войны. Деятельность этой группировки в основном сводилась к разработке основных принципов украинской политики. Радой была разработана украинская конституция.

Состояла Рада из нескольких секций, отвечавших за конкретный участок работы:

- политико-правовой;
- работы со СМИ (пресс-служба);
- по делам эмиграции;
- вопросам экономики;
- культуры.

Под контролем ВУР находилась деятельность Украинской боевой управы (УБУ), занимавшейся формированием украинских воинских частей в армии Австро-Венгрии. Впоследствии УБУ была признана автономным органом ВУР, а затем переименована в «Главное управление легиона украинских сечевых стрельцов» (ГУ УСС).

Легион украинских сечевых стрелцов (УСС)

Свою историю он ведет с 1912 года. Как мы видим, в Вене еще за несколько лет до начала Первой мировой войны начали к ней подготовку.

В 1912 году 200 ведущих членов трех украинских партий (национал-демократы, социал-демократы и радикалы) собрались на тайное совещание, которое приняло 11 декабря 1912 года (по н. ст.) заявление о лояльности правительству Австро-Венгрской империи и о поддержке его в грядущей войне с Российской империей.

15 декабря 1912 года (по н. ст.) Съезд Украинского студенческого союза Галиции принял решение об организации обучения молодежи военному делу. Началась подготовка пушечного мяса для будущей войны. На следующий день Украинский межпартийный комитет Галиции принял решение о подготовке Устава «Украинского стрелецкого товарищества».

В 1913 году были созданы организации «сечевых стрелцов». Руководила ими Стрелецкая секция Украинского сечевого союза.

В том же году во Львове состоялся II Украинский студенческий съезд, на котором с программным докладом «Современное положение нации и наши задачи» выступил Дмитрий Донцов. В своем докладе будущий идеолог украинского интегрального национализма заявил, что в грядущей войне следует ориентироваться на Австрию и Германию и что не встать на сторону врагов России есть «преступление перед нацией и будущим».

Стоит привести несколько ключевых цитат из его доклада:

«Австро-Венгрия стоит перед дилеммой: либо разделить судьбу Турции, либо стать орудием новой революции новых народов Восточной Европы»;

«Всякий отрыв от России хотя бы кусочка Украины приведет к консолидации и укреплению украинского элемента в Австрии, а ео ipso и в Росси приблизит время окончательного освобождения нашего края»;

«Актуальным является не лозунг самостийности. Актуальным, более реальным и скорее исполнимым — есть лозунг отделения от России, уничтожения всякого объединения с нею, — политический сепаратизм».

К 1914 году в Галиции при поддержке властей было создано 96 филиалов Сечевого союза, который издавал журнал «Відгуки» и «Библиотеку Вечного революционера». Целью данной организации было воспитание ненависти ко всему русскому среди галицийской молодежи и подготовка ее к грядущей войне с Россией.

16 июля 1914 года во Львове представители трех главных украинских партий Галиции — Национал-демократической, Радикальной и Социал-демократической — сформировали Головную Украинскую Раду (ГУР) во главе с Костем Левицким. Эта Рада должна была стать «представителем украинцев Галиции». При ГУРе была создана боевая Управа «которая должна была быть верховной властью будущей украинской войсковой организации Легиона сечевых стрельцов».

Власти Австрии под вывеской Боевой управы ГУР начали спешно формировать этот легион. Основу его составили военизированные группы Украинского сечевого союза.

По словам летописца Легиона УСС Осипа Думина на формирование легиона откликнулись тысячи добровольцев, среди которых было много интеллигентной и хорошо образованной украинской

молодежи. В течение нескольких дней был сформирован 1-й курень (батальон) легиона, который возглавил армейский офицер Дмитрий Витовский. До Первой мировой войны он был активным деятелем «Сечи», организовал побег из тюрьмы своего друга, взятого под стражу за убийство в Галичине польского графа Потоцкого.

В легион изъявили желание вступить 28 тыс. человек, однако власти разрешили создать часть лишь из 2 тыс. сечевиков. В ответ на это «Сечь» выбросила лозунг «Все или никто!». После этого демарша власти разрешили увеличить состав легиона на 500 человек.

Официально легион начал формироваться в августе 1914 года во Львове, затем в Стрые. 2500 легионеров были разделены на два батальона (куренья) и один полубатальон.

Первоначально батальоны легиона делились на роты (сотни) по 220 человек в каждой. Каждая сотня состояла из четырех взводов (чот), а те, в свою очередь, из трех отделений (роев) по 10–15 человек. Численность роты в боевых условиях обычно достигала 100–150 бойцов, а также двух ремесленников, писаря и его помощника. Батальоном командовал майор (атаман), ротой — капитан (сотник либо хорунжий), впоследствии — лейтенант. Возглавляли легион офицеры Австро-Венгерской армии.

По своему статусу до 1915 года Легион УСС являлся добровольческой военизированной организацией, в связи с чем в нем были введены не офицерские звания, а командные должности, которые именовались в соответствии со старинными казачьими традициями (атаман, хорунжий, булавный и пр.). Все офицеры легиона были приравнены к военным чиновникам.

10 августа 1914 года австрийцы выделили Легиону УСС оружие — тысячу устаревших австрийских винтовок Верндля. Винтовки были тяжелыми, однозарядными и

без ремней. С последней проблемой legionеры быстро справились, привязав вместо ремней веревки.

Первое боевое крещение legionеры должны были получить в ожесточенных боях под Радзивиловым, но командир легиона, несмотря на приказ высшего командования, отказался ввести в бой плохо вооруженных сечевиков, за что лишился своей должности. Его место занял бывший директор Рогатинской гимназии поручик запаса Михаил Галущинский.

В сентябре 1914 года украинские сечевики были перевезены эшелонами в город Мукачев и переданы австрийской группировке генерала Гофмана. Позднее подразделения УСС были расквартированы в селах Горонде и Страбичеве (венгерский Мезетеребеш).

Legionеры попали в центр русского наступления, в результате которого российская армия овладела Галицией, а войска Австро-Венгрии потеряли в боях до 400 тыс. солдат и офицеров. Вот что писал в своем письме брату — митрополиту полковник С. Шептицкий:

«Россияне атакуют. Мы понесли поражение. В районе Гнилой Липы идут тяжелые бои. Твое крестьянское войско, твои Украинские сечевые стрельцы, боя еще не видели даже издалека, но известно, что при первой же возможности собираются “со славой” сдаться москалям».

Это и понятно, кому хочется умирать за чужую страну. К тому же русские войска, взяв в плен украинцев, опрашивали их и с миром отпускали по домам.

7 сентября 1914 года была утверждена структура Легиона УСС и назначены командиры подразделений. Основной воинской единицей Легиона стала сотня, входившая в состав куреня (батальона). Всего в легионе на это время насчитывалось два куреня и один полубатальон. Средняя численность сечевиков в сотне —

150–200 человек, в т. ч. портной, шорник, писарь и его помощник, по два телефониста.

В этом же месяце легион был размещен в Закарпатской долине. Среди его личного состава начали ходить слухи о дальнейшей судьбе всего формирования. В австро-венгерском Генштабе склонялись к реализации авантюрного «Плана Небеля», предусматривавшего формирование на базе легиона многотысячной украинской армии. Под руководством полковника Шептицкого армия должна была пробиться с территории союзной Турции через Кавказ и Кубань на Украину, чтобы провозгласить ее суверенной державой. Изменение обстановки на фронте в пользу русских войск уничтожило в зародыше этот авантюрный проект.

10 сентября 1914 года генерал Гофман отдал приказ о введении легиона в бой. Некоторые сотни легиона были использованы на передовой против наступавших частей 2-й Кубанской казачьей дивизии, где понесли значительные потери.

22 сентября в Мукачев прибыл офицер Австро-Венгерского Генштаба хорват Кватерник с планом, предусматривавшим использование украинцев малыми подразделениями за русской линией фронта в качестве диверсантов и разведчиков. Всего предполагалось создать 50 групп по 20 сечевиков в каждой. Попытка реализации плана также окончилась неудачей. Большинство групп было фактически насильно присоединено к действующим частям австро — венгерской армии. Лишь несколько групп сумели проникнуть в российский ближний тыл. Весь их «боевой путь» включал в себя обрыв телефонного провода у Дрогобыча и сбор обрывочных сведений о русских войсках. Неудача с посылкой разведывательно-диверсионных групп вынудила генерала Гофмана отказаться от дальнейших попыток дестабилизации русского тыла.

В сентябре 1914 года батальоны легиона были присоединены к армейской группировке под командованием Гофмана (впоследствии XXV армейский корпус) в составе 55-й дивизии и отдельно — 131-й бригады.

7 октября 1914 года сотни легионеров заняли оборону на отрогах Бескидских гор против войск русской армии, прорвавшей австрийскую оборону еще 27 сентября 1914 года. Вскоре австро-венгерские войска, усиленные подошедшими резервами, контратаковали противника, и в бой были введены сечевики. Украинцы шли в авангарде австрийского наступления, принимали участие в боях за Борислав и Дрогобыч и вскоре вышли к Карпатам. Особенно ожесточенные бои развернулись на позициях близ города Синевидного, где украинцы отбивали контратаки русских войск. Одна из сотен легиона в боях у села Веречко в течение суток потеряла 63 бойца.

В ноябре 1914 года в Карпатах развернулось наступление русских войск под командованием генерала Брусилова. В тяжелых боях с атакующим противником стрельцы понесли тяжелые потери.

Одновременно в Легионе шло переформирование. Из трех куреней создали два укрупненных под командованием Степана Шухевича и Сеня Горука.

В декабре 1914 года русская армия начала наступательную операцию в направлении Бескидских перевалов, с целью прорыв в Закарпатье. Легионеры в первой половине декабря 1914 года обороняли позиции у Свалявы, где только пленными потеряли сотню стрельцов. Немало потерь сечевики понесли от мороза.

В начале мая 1915 года в боях за гору Маковка. Первыми из легионеров в бой вступил курень Грица Коссака, на следующий день в бой был введен весь легион УСС.

С 19 апреля по 10 июня 1915 года немецко-австрийские войска начали Горлицкую наступательную операцию, в результате чего была прорвана российская оборона, и наступление развивалось в направлении Перемышль — Львов. Российская армия оставила Галицию. В ходе наступления украинские legionеры двигались в авангарде наступления 2-го австрийского корпуса. В районе села Лисовичиони были окружены русскими войсками и попали в плен около 180 legionеров во главе с сотником Осипом Букшованным.

К этому времени legion УСС пополнялся за счет запасной украинской части, именуемой «Кош». В марте 1915 года в Коше насчитывалось до 250 человек.

Помимо Коша в legionе был создан «вішкіл» под командованием Мирона Тарнавского. Этот учебно-тренировочный центр был подчинен группе немецких войск, где сечевики готовились под присмотром немецких инструкторов.

Кроме Коша к legionу СС относились сборная станция УСС во Львове и Станиславове, три комиссариата УСС на Волини и сборный пункт в прикарпатском Сигете. В Вене находилась Боевая управа украинских сечевых стрельцов.

Весной 1915 года руководство украинских национальных организаций во главе с «Союзом освобождения Украины» обратились к австрийскому монарху с просьбой развернуть Legion УСС до 12 тыс. человек, а Кош — до 5 тыс. При этом предполагалось переформировать legion в пехотную бригаду. Монарх дал принципиальное согласие, но окончательное решение вопроса предоставил армейскому руководству. Предложение украинцев было благополучно похоронено.

23 июля 1915 года на фронт прибыл великий князь Карл. На встрече с офицерами legionа УСС, Грица Коссак обратился к нему с просьбой разрешить реорганизовать legion УСС в полк. Великий князь

благосклонно воспринял просьбу. Разрешение на формирование полка УСС было получено, и в состав новой части вошли три батальона (курения), численность запасного Коша доведена до 500 человек. На вооружение легиона поступили четыре станковых пулемета «Шварцлозе» (пулеметная сотня — 3 офицера и 80 сечевиков), орудия, тяжелые и легкие минометы, гранатометы и огнеметы до этого времени на вооружении украинцев не состоявшие.

В 1916 году командиры подразделений легиона были приравнены по своему статусу к офицерам и унтер-офицерам австрийской армии.

В 1917 году в составе Легиона УСС было организовано подразделение противогазовой службы и инженерная сотня.

Основой униформы сечевиков были полевые мундиры и брюки, принятые в австро-венгерской армии. На головном уборе вместо номера части, обозначающего принадлежность к тому или иному подразделению, сечевики носили тканую кокарду-розетку сине-желтого цвета. Впоследствии австрийские кепи были заменены на кепи-«мазепинки», имевшие в передней части V-образный «вырез». С 19 января 1917 года сечевикам было официально разрешено ношение «мазепинки» с особой кокардой — изображением галицкого льва.

Система стрелецких знаков различия была построена также на основе австро-венгерской, с учетом отсутствия в Легионе УСС званий, замененных должностями. С 27 декабря 1916 года в Легионе были введены петличные обозначения должностей. На синих нашивках — «паролях» размещались шестиконечные звезды в комбинации с желтым и золотым галунами различной ширины. Первоначально расположение петличных звезд было аналогичным другим частям австро-венгерской армии, а с 1915 года располагались рядами параллельно нижнего края петлицы. С лета 1916

года синие «пароли» были заменены узкой сине-желтой лентой, а звезды прикреплялись перед ней на отворот воротника мундира^[8].

Когда российский царь отрекся от престола

Последствия Февральской революции 1917 года и начавшийся распад Российской империи не обошли стороной Украину, где произошла бескровная смена власти. В Киеве 17 марта 1917 года по инициативе Товарищества украинских прогрессистов при участии политических партий, военных, рабочих, духовенства, кооператоров, студентов, общественных и культурных организаций (Украинское научное общество, украинское педагогическое общество, Товарищество украинских техников и агрономов) была сформирована Украинская Центральная Рада (УЦР). Главой правительства заочно был избран знакомый нам Михаил Грушевский. Так как в тот момент его не было в Киеве, обязанности руководителя УЦР временно исполнял бывший попечитель киевского учебного округа В. Наumenко, помощниками главы были Д. Антонович и Д. Дорошенко. Значительную часть членов Рады составляли эсеры и меньшевики.

С 17 по 21 апреля 1917 года в Киеве прошел Всеукраинский Национальный Конгресса, который созвала УЦР. В нем приняло участие 900 делегатов от политических, культурных и профессиональных организаций. Конгресс принял решение поставить перед будущим российским правительством вопрос о федеративном устройстве России, о предоставлении Украине прав автономии.

Конгресс избрал Центральную Раду в составе 150 человек. Руководство Центральной Рады было выбрано в составе: Михаил Грушевский — председатель, Владимир Винниченко и Сергей Ефремов — заместители. После Конгресса Центральная Рада избрала исполнительный

орган — Комитет, который позже получил название Малой Рады.

В это время появляется множество общественных и политических организаций, которые поддерживали Центральную Раду. Так, украинские военные 18–25 мая 1917 года собрались в Киеве на первый Всеукраинский войсковой съезд, в котором участвовало около 700 делегатов. Они выбрали Украинский генеральный войсковой комитет, председателем которого был выбран Симон Петлюра. Затем он вошел в состав вновь созданного правительства — Генерального секретариата, в котором занялся военными делами.

В марте 1917 года российское Временное правительство начало назначать на Украину своих представителей — комиссаров. Таким образом, на Украине сложилось двоевластие — российского Временного правительства и украинской Центральной Рады. Между этими двумя правительствами началась борьба.

В мае 1917 года Центральная Рада направила в Петроград своих представителей. Они требовали придания Украине статуса автономии, а также права ведения международных переговоров. На все эти требования Временное правительство ответило отказом.

В ответ на это 23 июня 1917 года на II Войсковом съезде Центральная Рада приняла так называемый Первый универсал, в котором объявляли от автономном статусе Украины. 28 июня 1917 года был создан Генеральный секретариат Центральной Рады — исполнительный орган в составе восьми генеральных секретарей и генерального секретаря, которым стал Владимир Винниченко (УСДРП — Украинская социал-демократическая рабочая партия). В первом украинском правительстве преобладали социалисты: социал-демократы — четыре места, социалисты революционеры

— два места, социал-федералисты — одно место и беспартийные — два места.

В июле 1917 года Генеральный секретариат попытался найти компромисс с Временным правительством, но даже пойдя на кое-какие уступки (тогда был издан Второй универсал) он не смог договориться.

Украинская Народная Республика

Когда в ноябре 1917 года большевики захватили власть в Петрограде, то Центральная Рада Украины провела аналогичную операцию. 13 ноября 1917 года ее вооруженные отряды захватили власть в Киеве. И это был первый шаг на пути обретения независимости и равноправных отношений с Россией.

Третьим универсалом Центральная Рада 20 ноября 1917 года объявила Украинскую народную республику — УНР, в которую вошли Киевщина, Черниговщина, Волынь, Подолье, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина и Таврия. Универсал провозглашал Украинское государство, хотя в нем говорилось о сохранении связей с Россией. В этом универсале было объявлено о свободе слова, печати, вероисповедания, собраний, забастовок, отмене смертной казни, амнистии, ликвидации частной собственности на землю. Был установлен восьмичасовой рабочий день, национальные меньшинства получали национальную автономию. Прошло всего лишь два дня, и Центральная Рада объявила об автономии Украины.

1 декабря 1917 года в Харькове Первый Всеукраинский съезд Советов провозгласил образование Украинской Народной Республики Советов (Восточная Украина) в составе РСФСР. Затем еще в нескольких регионах Украины к власти пришли большевики. Фактически страна оказалась разделенной на две части: сельскохозяйственные районы находились под властью Рады, промышленные — Советов во главе с большевиками.

10-12 декабря 1917 года на Украине проходили выборы в Учредительное собрание. На них одержали победу украинские социалисты. Большевики получили

только 10 процентов мест. Большевистские делегаты попробовали захватить власть в Собрании, а после того, как они потерпели поражение, они переехали в Харьков, где заявили о создании Украинского Советского правительства.

Сразу обострились отношения с Советской Россией. 12 декабря 1917 года в Киеве были разоружены большевистские военные части, которые готовили восстание против Центральной Рады. 17 декабря 1917 года большевистский Совет Народный Комиссаров прислал украинскому правительству ультиматум, в котором требовал позволить ввести свои войска на Украину, а также требовали не пропускать на Дон офицеров и казаков. Украинское правительство 18 декабря 1917 года отказалось принять этот ультиматум.

14 января 1918 года Центральная рада Украины приняла временный закон о флаге: «Флагом военного флота Украины является полотнище из двух — синего и желтого цветов. В крыже (верхняя часть полотнища флага у древка. — *Примеч. авт.*) синего цвета помещен исторический золотой трезубец с белым внутренним полем в нем. Флагом Украинского торгового флота является полотнище из двух — синего и желтого цветов».

В феврале 1918 года правительство УНР было изгнано из Киева Красной армией и перебралось в Житомир. Вернуть себе власть Рада могла только одним способом, «популярным» у украинских националистов, — договориться с одной из иностранных держав, которая оккупирует Украину и позволит правительству вернуться в Киев. 9 февраля 1918 года Центральная Рада подписала Брест-Литовский договор в качестве союзника имперской Германии. Германским войскам разрешалось оккупировать территорию Украины. И 1 марта 1918 года правительство Центральной Рады вернулось в Киев.

Вот только у власти оно находилось недолго. 29 апреля 1918 года этими же войсками было разогнано. Вот как это случилось.

28 апреля 1918 года немецкий вооруженный отряд (полроты солдат) вошел на пленарное заседание УЦР, которое проходило в одном из залов Педагогического музея, и арестовал пятерых членов Центральной Рады: министра внутренних дел Ткаченко, военного министра Жуковского, министра иностранных дел Любинского, министра земледелия Ковалевского и директора департамента Министерства внутренних дел Гаевского. Остальные члены Центральной Рады, находившиеся в тот момент в зале, были отправлены по домам. Причина столь «странного» поведения германских оккупационных властей была связана с одним пикантным эпизодом деятельности «силовых» министров украинского правительства.

В ночь с 24 на 25 апреля 1918 года был похищен директор Киевского банка внешней торговли, член финансовой комиссии Центральной рады Абрам Добрый. Банкира «изъяли» из его квартиры. Около двух часов ночи подъехал автомобиль. Вышли пятеро — двое в офицерской форме, трое — при галстуках, позвонили швейцару, сказав, что Абраму Доброму срочная телеграмма. Когда ничего не подозревавший старичок открыл дверь, его затолкали в швейцарскую и заперли. Наверх пошли трое — двое военных и один штатский с револьверами в руках. Разбудив перепуганного финансиста, они приказали ему одеться и не оказывать сопротивления, так как в противном случае прибегнут к оружию — Доброму, дескать, нечего опасаться, речь идет лишь об аресте. Однако супруга банкира, не потеряв присутствия духа, потребовала предъявить ордер. Руководитель операции показал какую-то бумажку без подписи и печати, после чего троица радостно поволокла свою добычу вниз по лестнице,

впопыхах забыв на столе портфель со служебными документами.

Через некоторое время похитители вернулись за портфелем. Но супруга жертвы успела ознакомиться с его содержимым. Так что немцы на следующее утро примерно знали, среди кого искать незваных ночных гостей. Германские правоохранительные органы всегда отличались педантичностью и основательностью в работе.

По «горячим следам» было установлено, что налетом руководил некто Осипов — чиновник особых поручений украинского Министерства внутренних дел, личный секретарь начальника политического департамента Гаевского. Банкира увезли в автомобиле на вокзал и доставили к вагону, стоявшему на запасных путях под охраной сечевых стрелцов. Потом вагон прицепили к обычному пассажирскому поезду и увезли в Харьков. Осипов, не скрывая, кто он, предложил решить проблему всего за 100 тысяч:

«Есть одно лицо, которое за деньги может ликвидировать всю эту историю. Но придется после уплаты немедленно покинуть пределы Украины».

Дальше события развивались еще интереснее. В Харькове директор местной тюрьмы отказался принимать Доброго «на хранение» без ордера на арест и соответствующих сопроводительных документов Министерства внутренних дел. Тогда банкира отвезли в гостиницу «Гранд-отель» и заперли в номере. Там он подписал чек на 100 тысяч. Один из конвоиров на радостях отправился в Киев, а остальные спустились в гостиничный ресторан, сняли трех проституток и принялись так буйно праздновать успех, что были замечены местными полицейскими осведомителями. Теперь немцы не только знали, кто мог похитить Доброго, но и где он находится.

Осталось лишь только выяснить, кто организовал похищение. Немцы прекрасно понимали: Осипов и его команда — лишь исполнители. Похищение члена финансовой комиссии Центральной Рады — слишком «громкое» преступление, что бы решиться на него не имея «покровителей» в руководстве правоохранительных органов. Под подозрение немцев сразу же попали министр внутренних дел Ткаченко, его приятель — военный министр Жуковский и премьер-министр марионеточного украинского правительства Голубович.

Место распущенной Центральной Рады заняло пронемецки настроенное правительство во главе с гетманом Павлом Скоропадским. Ради исторической справедливости отметим, что его поддержали не только правая офицерская политическая организация «Украинская народная громада» и немецкое командование, заинтересованное в сильной руке (как это утверждает советская официальная история), но и Всеукраинский съезд хлеборобов (700 делегатов представляли интересы 3 миллионов жителей Украины), который прошел в центре Киева на Николаевской улице в здании... киевского цирка.

Сам гетман Скоропадский не скрывал, что все происходящее смахивает на цирковое представление. И место для проведения съезда было символическим. Свой «переворот» в мемуарах он описывает с простодушной откровенностью:

«Наступила ночь. За мною не было еще ни одного учреждения существенной важности. Между тем немцы как-то начали смотреть на дело мрачно. Они считали, что если я не буду в состоянии лично занять казенное здание (министерство какое-нибудь), если государственный банк не будет взят моими приверженцами, мое дело будет проиграно. Я приказал собрать все, что осталось у меня, и захватить во что бы

то ни стало участок на Липках, где помещалось Военное министерство, Министерство внутренних дел и Государственный банк Приблизительно часа в два ночи это было сделано. Но для прочного занятия его было мало сил. Генерал Греков, товарищ военного министра, исчез. Начальник генерального штаба, полковник Сливинский, заявил, что переходит на мою сторону. Дивизион, охранявший Раду, был также за меня».

Из сказанного можно судить, каким авторитетом на самом деле пользовались украинский националист Михаил Грушевский и его режим, именовавшийся Центральной Радой, мог удержать власть только при активной поддержке иностранных держав.

Смена власти прошла абсолютно бескровно, если не считать того, что один сечевой стрелец в состоянии нервного срыва попытался проткнуть штыком Михаила Грушевского, но только оцарапал его жену. Председателю Центральной Рады было так стыдно осознавать это, что в своих воспоминаниях он назвал украинского солдата, еще вчера охранявшего его, «якимсь москалем». Хотя всех «москалей» со штыками немцы выгнали из Киева двумя месяцами ранее, когда привезли Грушевского править Украиной.

В конце июля 1918 года состоялся суд над похитителями банкира. Процесс был открытым. Среди газет, выходивших в Киеве в то время, самой известной считалась «Киевская мысль», каждый день, несмотря на революцию, печатавшая два выпуска — утренний и вечерний. Ее корреспондент тоже находился в зале Окружного суда, где заседал немецкий трибунал. Предоставим слово этому свидетелю.

«Ровно в 9 часов утра открываются маленькие дверцы “скамьи подсудимых”, — писала «Киевская мысль», — и через нее пропускаются подсудимые. Первым появляется военный министр Жуковский в военной форме. Маленький, с малоинтеллигентным

лицом, он отнюдь не производит впечатление министра. Он скромно усаживается на последней скамье и нервно покручивает усы. За ним — выложенный, с бросающимся в глаза кольцом, с большим зеленым камнем на руке, главный руководитель похищения — бывший директор административно — политического департамента Министерства внутренних дел Гаевский. Лицо утомленное, изможденное. А рядом с ним — чиновник особых поручений — фактический исполнитель похищения — Осипов. Он в военной форме, без погон. Говорит спокойным тоном, часто переходя с русского языка на немецкий. Последним в этом ряду усаживается бывший начальник милиции — Богацкий, безразличным взглядом окидывающий зал суда. На лице его все время играет улыбка. В первом ряду скамьи подсудимых в одиночестве усаживается киевский Лекок — только недавно отстраненный от должности начальника уголовно-розыскного отделения Красовский»...

Через несколько минут входит германский военно-полевой суд во главе с председателем подполковником фон Кюстером и прокурором ротмистром Трейде. Едва изложив переполненному залу суть слушаний, Трейде сообщает, что «только что получены сведения об аресте бывшего премьер-министра Голубовича в связи с этим же делом».

Дальше начинается трехдневная комедия.

«Вошедшие в спальню обращались с вами хорошо?» — спрашивает прокурор Доброго. «Нет. Они угрожали мне и моей жене револьверами». «Револьверы не были заряжены!», — кричит с места подсудимый Осипов. В зале раздается смех.

Постепенно выясняется, кто был заказчиком похищения. Начальник департамента МВД Гаевский не хочет быть стрелочником и показывает, что в разработке похищения банкира, кроме министра

внутренних дел Ткаченко, участвовал и премьер-министр Голубович.

Ротмистр Трейде явно издевается над подсудимыми. Его реплики то и дело вызывают смех в зале:

«Когда с вами разговаривает прокурор, вы должны стоять ровно и не держать руки в карманах», «У воробьев лучшая память, чем у некоторых бывших министров Украины!». «Что, вы действительно так глупы? Или представляетесь таким глупым?» — спрашивает он Голубовича.

У бывшего премьер-министра начинается истерика. После этого он признает свою вину: «Прошу судить меня, а не по мне — правительство и социалистов!» — восклицает он и обещает «больше никогда этого не делать».

«Не думаю, — парирует фон Трейде, — что вам вновь когда-нибудь придется стоять во главе государства!».

Осипов заявляет, что экс — министр Ткаченко «мерзавец и подлец». Бывший начальник сыскного отделения Красовский рыдает, обращаясь к Голубовичу: «Своей подлостью вы привели нас сюда. Чутье мне подсказывало, что это за лица»...

«Я был против этой авантюры, — свидетельствует бывший начальник милиции Богацкий, — но был обязан исполнять приказы Ткаченко».

Все подсудимые сознались в том, что организовывали похищение Доброго или знали о нем. Наконец прокурор фон Трейде перестал подшучивать над подсудимыми и даже нашел возможным обойтись отеческим шлепком. «Общество, — говорит он, — надеюсь, не истолкует превратно то, что в связи с вырисовавшейся картиной я теперь нахожу возможным говорить о смягчении наказания. Германцам важно не только наказать за преступление, но и показать всему миру, что так называемое вмешательство во внутренние

дела Украины было вызвано действительной необходимостью».

К исходу третьего дня трибунал огласил приговор. Его и впрямь трудно назвать жестоким. Голубович и Жуковский получили по два года, остальные — по году.

Скорее всего, Михаил Грушевский не знал об этом криминальном проекте своих ближайших политических соратников. Хотя это не освобождает его от ответственности за произошедшее. Ведь он сам выбрал этих людей в члены своей команды и с ними начал строить независимую Украину. А они вот так подставили его перед «хозяевами» и показали всему миру, что на самом деле представляют собой украинские националисты и какой реальной поддержкой они пользуются у простых жителей центральной Украины.

Вернемся к политической истории этой страны. Вместе с правителем свое название сменила и Украина. Теперь она стала официально именоваться Украинской Державой. Хотя после очередной смены власти, когда во главе Украины оказалась Директория (правительство Симона Петлюры) название УНР было восстановлено.

Произошла и очередная смена государственного флага. Еще 22 марта 1918 года Центральная Рада одобрила желто-голубой флаг в качестве государственного флага Украины. После захвата власти Павлом Скоропадским порядок цветов флага был заменен на сине-желтый. Таким он остался и после восстановления в конце года власти Директории.

А вот герб оставался неизменным: трезубец — знак княжества Владимира, чеканившийся на его монетах. Позднее трезубец стал символом ОУН. Как видим, и здесь Степан Бандера не придумал ничего нового.

14 декабря 1918 года части Симона Петлюры заняли Киев, выбив из него войска гетмана Скоропадского. Было объявлено о восстановлении Украинской Народной

Республики. О Симоне Петлюре расскажем подробно ниже, а пока — о важных событиях в жизни УНР.

22 января 1919 года был провозглашен Акт «Злуки» — договор об объединении Украинской Народной Республики и Западноукраинской Народной Республики (о ней ниже) в единое украинское государство.

Согласно тексту договора:

«Отныне на всех украинских землях, бывших разделенными веками, в Галиции, в Буковине, в Закарпатской Руси и в Приднепровье будет единая великая Украина. Мечты, ради внедрения которых лучшие сыны Украины боролись и умирали, претворились в жизнь».

Фактически этот документ носил декларативный характер и не имел серьезных исторических и политических последствий. Реального объединения украинских территорий в полном смысле этого слова не произошло. Препятствовали объединению двух частей Украины:

1. Существование противоречий (в том числе и идеологических) между Галичиной и Надднепрянщиной (прилегающие к среднему течению Днепра Киевская, Полтавская, Черкасская, Черниговская (частично) области). Руководство ЗУНР было в основном беспартийным и антисоциалистически настроенным, в то время как руководство УНР принадлежало в большинстве своем к различным партиям социалистического направления. Галичане воевали с Польшей и были согласны на восстановление «единой и нераздельной» России, в которой бы не было места независимой Польше. А руководство УНР признало только «новую» Россию, в составе которой не было бы Украины. Поэтому надднепрянцы склонялись к союзу с российскими большевиками против белой реакции под руководством Деникина. Таким образом, внутри органов власти единой Украины имел место конфликт интересов.

2. Существование институциональных противоречий между УНР и ее Западной областью (ЗО). Во-первых, не было создано единой административной системы УНР. В ЗО достаточно эффективно действовали территориальные органы власти, которые остались еще от Австро-Венгерской империи. На Надднепрянской Украине существовал конгломерат из различных «рад» (советов), который не был приведен в соответствие с Законом «Про новое территориально-административное деление Украины», принятого Центральной Радой еще 6 марта 1918 года. Поэтому двое- или даже троевластие в наддепрянских городах и селах было обычным делом. Это привело к фактическому отсутствию единого государственного суверенитета над всей территорией УНР.

3. Был нарушен принцип формирования высших органов власти УНР из-за введения в состав Директории Президента ЗУНР Евгения Петрушевича, что обеспечивало ЗУНР привилегированное положение.

4. Не состоялось окончательного преобразования бывших высших органов государственной власти ЗУНР — Украинской Народной Рады и Государственного секретариата — в органы местного самоуправления единой УНР. Апогеем такой сепаративной и антигосударственной политики Украинской Народной Рады стало избрание Евгения Петрушевича диктатором; то есть орган местного самоуправления регионального уровня предоставил одному из членов высшего органа власти всей страны чрезвычайные полномочия в рамках своего региона. При этом такой сепаратизм поддержало руководство УНР — было даже создано специальное Министерство по делам ЗО УНР.

Единственный случай, когда руководство УНР отнеслось к ЗО УНР как к части своей территории, произошел 21 апреля 1920 года, когда Симон Петлюра отдал Польше эту часть государства в обмен на их

участие в войне против большевиков. Вот такая вот забота об интересах украинского народа.

Неудивительно, что такая политика привела к фактическому разделу двух частей Украины.

Формально Украинская Народная Республика просуществовала до 1920 года, когда ее территория вошла в состав Советской России. Западная Украина (Восточная Галиция) отошла к Польше, которая обещала создать на этих землях национальную автономию, однако обещание свое не выполнила.

Правительство УНР (Директория) отправилось в эмиграцию, хотя бывший глава Директории Владимир Винниченко еще некоторое время сотрудничал с Советским правительством Украины. В эмиграции было образовано так называемое правительство Украины в изгнании, которое находилось сначала в Польше, а в 1939–1940 годах — во Франции. После Второй мировой войны была создана так называемая Украинская национальная рада как предпарламент правительства в изгнании.

Последний президент УНР в изгнании Микола Плавык 22 августа 1992, за два дня до первой годовщины провозглашения независимости Украины, официально передал в Мариинском дворце города Киева первому президенту независимой Украины Леониду Кравчуку грамоту о том, что Украина является правовым преемником УНР.

Западно-Украинская Народная Республика

После поражения Австро-Венгрии и Германии в Первой мировой войне начался распад Австро-Венгрии, чем поспешили воспользоваться живущие на территории Галиции националисты. Проводимая Веной и Берлином в конце XIX — начале XX века украинофильская политика начала давать результаты.

Все началось 7 октября 1917 года, когда Регентский совет в Варшаве заявил о плане восстановления независимости Польши, а через два дня польские депутаты австрийского парламента приняли решение об объединении в составе Польши бывших земель Речи Посполитой, включая Галицию.

Понятно, что украинских националистов такой сценарий развития событий не устраивал. Поэтому уже 10 октября 1917 года украинская фракция во главе с Евгением Петрушевичем приняла решение созвать во Львове Украинский национальный совет (УНС) — парламент украинцев Австро-Венгрии.

18 октября 1917 года УНС был создан, его работой руководил известный украинский националист Коста Левицкий. Совет провозгласил своей целью создание украинского государства на территории Галиции, Буковины и Закарпатья. Опорой Совета были украинские национальные части австрийской армии — полки сечевых стрельцов. В то же время поляки, составлявшие 25 процентов населения спорных территорий, но привыкшие считать всю Галицию польской землей, надеялись на ее присоединении к Польше. Созданная в Кракове Польская ликвидационная комиссия (для польских областей империи) намеревалась переехать во Львов и там провозгласить присоединение к

возрожденной Польше польских провинций Австро-Венгрии (Малой Польши и Галичины).

Провозглашение украинского государства было намечено на 3 ноября. Однако известие о планах краковской комиссии заставило украинцев поспешить.

Выступление украинских сечевиков было неожиданностью для галицийских поляков, уверенных, что Галиция будет передана Польше. Проснувшись утром 1 ноября 1918 года, они обнаружили на всех общественных зданиях украинские желто-голубые флаги. Австро-венгерский губернатор во Львове передал власть вице-губернатору Владимиру Децкевичу, признанному УНС. Первый справедливо рассудил, что власть нужно отдать стороне, обладающий большей военной силой, а именно украинским националистам.

Реакция поляков последовала незамедлительно. Во Львове был стихийно сформирован вооруженный отряд, который возглавил сотник Мончинский. Столкновения между поляками и украинцами произошли также в Дрогобыче, Самборе, Перемышле и других городах. Поскольку украинские силы (в лице сечевых стрельцов) в Галиции в тот момент значительно превосходили польские, поначалу верх остался за украинцами. Особенно ожесточенный характер приняли бои во Львове. Первоначально сопротивление украинским сечевикам оказывали только 200 ветеранов Первой мировой войны из Польской Организации Войсковой, имевших 64 винтовки и базировавшихся в школе им. Сенкевича на западной окраине города. Однако уже на следующий день ряды польских защитников Львова насчитывали 6 тыс. человек, из них 1,4 тыс. подростков — гимназистов и студентов, получивших за свою храбрость прозвище «львовских орлят». Наиболее известный из них — 13-летний Антос Петрикевич, ученик второго класса львовской гимназии, смертельно раненый при защите так называемого «Редута смерти»

23 декабря 1918 года и умерший в больнице 24 дня спустя. Посмертно удостоен ордена Виртути Милитари. Военную помощь польскому восстанию до конца 1918 года предоставляла в основном польская Западная Галиция, а после 11 ноября 1918 года, особенно же с начала 1919 года — восстановленная Польша.

3 ноября 1917 года во Львов для борьбы с польскими жителями поспешно начали стягиваться полки сечевиков. Тем не менее к 6 ноября 1917 года поляки контролировали половину Львова. В это время в центральных кварталах города, контролировавшихся украинцами, происходило формирование органов власти нового государства.

10 ноября 1919 года была официально создана ЗУНР, а через день, 12 ноября 1917 года, ее президентом был провозглашен Евгений Петрушевич, премьер-министром — Коста Левицкий.

Параллельно шло и восстановление польской государственности. 11 ноября 1917 года в Варшаве было провозглашено восстановление независимости Польши. Новое правительство немедленно направило в Галицию имевшиеся у него воинские части.

13 ноября 1918 года была создана Украинская Галицкая армия. Ее основой стал легион Украинских сечевых стрельцов. Затем в нее стали призывать мужчин в возрасте от 18 до 35 лет согласно «Закону о всеобщей воинской повинности». Территория ЗУНР было поделена на три военные области (Львов, Тернополь, Станислав), каждая из которых была поделена на четыре военных округа.

21 ноября 1918 года польские войска взяли Львов, и руководство ЗУНР было вынуждено бежать в Станислав. Положение молодой республики было очень шатким — 11 ноября 1918 года румынские войска вошли в столицу Буковины Черновцы, в которых 6 ноября 1918 года власть перешла к Краевому комитету УНС, а 15 января

1919 года Ужгород, столица Закарпатья, был занят чешскими войсками.

В течение 22-25 ноября 1918 года состоялись выборы 150 членов Украинского Народного Совета, который должен был выступать в качестве законодательного органа. Почти треть мест была зарезервирована для национальных меньшинств (в первую очередь — поляков и евреев). Поляки выборы бойкотировали, в отличие от евреев, составивших почти 10 процентов от состава депутатов.

1 декабря 1918 года делегаты Западноукраинской Народной Республики и Украинской Народной Республики подписали в городе Фастов договор об объединении обоих украинских государств в одно.

3 января 1919 года началась первая сессия Украинского народного собрания (в Станиславе), которая подтвердила президентские полномочия Евгена Петрушевича. Таким образом, Евгений Петрушевич становился главой государства. Кроме того, был ратифицирован договор об объединении с УНР.

4 января 1919 года было создано постоянное правительство ЗУНР во главе с Сидором Голубовичем.

21 января 1919 года в закарпатском городке Хусте прошел Закарпатский всенародный конгресс, который избрал Центральный Украинский Народный Совет и принял декларацию о присоединении Закарпатья к УНР, хотя реального присоединения не последовало.

Несмотря на войну, ЗУНР постаралась сохранить стабильность еще предвоенного австрийского административного устройства, используя как украинцев, так и польских профессионалов. ЗУНР были приняты законы, в соответствии которыми земля крупных землевладельцев была изъята и разделена между безземельными крестьянами. Кроме того, весной 1919 года было мобилизовано около 100 тыс. солдат, но

из-за недостатка вооружений лишь 40 тыс. из них были готовы к участию в боях.

22 января 1919 года в Киеве было торжественно объявлено об объединении Западноукраинской Народной Республики с Украинской Народной Республикой (Акт «Злуки»). ЗУНР должна была войти в состав УНР на правах широкой автономии, в результате чего она переименовывалась в «Западную область Украинской Народной Республики» (ЗОУНР). Однако это было чисто символическим актом, поскольку ЗУНР так и не смогла сформировать ни полноценной администрации, ни армии. В то же время Украинская Галицкая армия (УГА) совершила поход в Закарпатье (14-23 января 1919 года), но была разбита чехами.

16 февраля 1919 года УНА начала «Волчуховскую операцию» по окружению группы польской армии, контролировавшей Львов. К 18 марта 1919 года операция завершилась провалом, поляки сами начали наступление на восток ЗОУНР.

Ввиду тяжелого положения республики 9 июня 1919 года правительство Сидора Голубовича сложило свои полномочия, и вся власть перешла к Евгению Петрушевичу, который получил титул диктатора.

К началу июня 1919 года почти вся ЗОУНР была оккупирована Польшей, Румынией и Чехословакией. УГА контролировала лишь правый берег реки Збруч, восточной границы между ЗОУНР и УНР.

7 июня 1919 года УГА начала «Чортковское наступление», в результате чего войска ЗОУНР продвинулись к 24 июня 1919 года вплотную к Львову и Станиславу и заняли Тернополь. Однако 28 июня 1919 года началось польское наступление, и к 16 июля 1919 года УГА была вытеснена на свои позиции, которые она занимала 7 июня 1919 года. Началась поспешная эвакуация УГА на левый берег Збруча, таким образом 18 июля 1919 года УГА полностью потеряла контроль над

территорией ЗОУНР. Часть побежденных войск бежала в Чехословакию, где стала известна под названием Украинской бригады, однако основная часть армии, насчитывавшей около 50 000 бойцов, перешла на территорию Украинской Народной Республики.

В результате боевых действий с ноября 1918 года по ноябрь 1919 года погибло около 10 тыс. поляков и 15 тыс. украинцев.

21 апреля 1920 года Польша и Украина договорились о том, что граница должна проходить по реке Збруч. Фактически, однако, Симон Петлюра в тот момент уже не представлял собой самостоятельной силы и мог существовать только при польской поддержке. С исчезновением таковой двумя месяцами спустя (с разгромом поляков на Украине) УНР окончательно прекратила свое существование. В результате разгрома Красной армии под Варшавой и Замостьем в войне против Польши во второй половине 1921 года почти все земли бывшей ЗУНР остались в Польше, кроме тех, которые ранее отошли в состав Чехословакии и Румынии.

В состав советской Украины Восточная Галиция вошла только в 1939-м, а в июне 1940 года то же произошло с Буковиной.

Кто воевал на украинском фронте Гражданской войны?

На территории Центральной России были две противоборствующие стороны. В смертельной схватке сошлись те, кто поддерживал большевиков (это не только Красная армия, но, например, красные партизанские отряды, действующие в Сибири и на Дальнем Востоке) и их противники (Белое движение; интервенты; крестьяне, выступившие с оружием в руках против советской власти).

На Украине участников вооруженного противостояния было в два раза больше. Этот факт не отрицали и официальные советские историки. Существовали две версии Гражданской войны на Украине.

Одна демонстрировалась в многочисленных кинофильмах. Тут и «кровавые петлюровские банды», и анархичные батьки на манер «пана-атамана Грициана Таврического» из «Свадьбы в Малиновке», желающие весь мир порубать, и карикатурный гетман Скоропадский из «Дней Турбиных», а также коварные и тупые противники советской власти из «Неуловимых мстителей» и другие. Аналогичным образом преподавалась история в школах и институтах.

Вторая версия Гражданской войны существовала в немногочисленных монографиях. Там противники советской власти изображены более близкими к реальным прототипам, но все равно всех их объединили в один лагерь. Непонятно, правда, как такая мощная сила не смогла победить Красную армию. Фактически на Украине не существовало единого антисоветского фронта. Каждая из сторон по-своему представляла будущее этого государства.

Всех вооруженных противников советской власти на Украине в годы Гражданской войны объединяла лишь ненависть к большевикам. Сложно представить, чтобы лидеры Белого движения выступали за отделение Украины от Российской империи. А ярые украинские националисты Михаил Грушевский и Симон Петлюра видели будущее Украины точно так же, как и умеренный националист Павел Скоропадский. А множество крестьянских атаманов больше волновала экономическая свобода крестьянства, чем страна, где будут проживать хлебопашцы.

Из всех лидеров украинских националистов во время Гражданской войны и в первые годы после ее окончания самый яркий след оставил Симон Петлюра. Именно его политическая программа оказалась самой популярной среди радикальных борцов за независимость Украины. А те, кого принято называть петлюровцами, в начале двадцатых годов прошлого века участвовали в вооруженных рейдах с территории Польши на земли Советской Украины. Через несколько лет их боевой и диверсионный опыт использовало руководство ОУН, а сами ветераны российско-украинской войны охотно командовала боевыми подразделениями ОУН-УПА.

Украинские националисты в эмиграции

На Украине еще продолжалась Гражданская война, когда оказавшиеся в эмиграции лидеры украинских националистов начали дискуссию на тему, кто виноват в том, что не удалось сохранить независимость Украины. Причину отыскивали быстро — социалистические идеи и демократический стиль руководства лидеров Украинской народной республики (УНР). Поэтому вся дальнейшая работа должна была строиться на авторитаризме как альтернативе демократии. Кроме того, в условиях конспирации полувоенный стиль руководства просто необходим для функционирования организации^[9].

В августе 1920 года один из сподвижников Симона Петлюры Евген Коновалец объявил о создании Украинской военной организации — УВО. Она должна была продолжить борьбу за независимость Украины. Ядро УВО образовала группа выходцев из Галичины (территория Западной Украины). Эти люди в течение шести лет сражались против русских, польских и советских войск.

К 1925 году УВО перешла на позиции идеологического осознания национализма, а в 1927 году вместе с другими организациями (Легией украинских националистов, Группой украинской националистической молодежи, Союзом украинской национальной молодежи) создает единый координирующий орган — Провод украинских националистов, во главе которого стал лидер УВО Евген Коновалец. В январе 1929 года в Вене был проведен учредительный Конгресс Организации украинских

националистов — ОУН, в который влились все вышеперечисленные организации.

С 1923 года руководители УВО установили контакты со спецслужбами Литвы, часть которой поляки оккупировали еще в 1920 году. Начальник штаба литовских стрелков капитан Клейматис ежеквартально давал им по 2 тыс. долларов США, не считая разовых выплат.

В центре Каунаса расположилась резидентура УВО в составе 15 подпольщиков, владевших белорусским и литовским языками. Они вели разведработу в Белоруссии, содействовали закупкам оружия, поддерживали связь с группами УВО в Берлине, Вене, Париже. О возможностях подчиненных Евгена Коновальца, имевшего для прикрытия литовский паспорт, говорит передача ими литовцам в 1926 году плана польской агрессии и содействие в переброске двух купленных в Германии подводных лодок.

На территории центральной и восточной части Украины, входившей в состав СССР, реальная деятельность украинских националистов была значительно слабее, чем на территории Западной Украины, в Польше или Чехословакии. Объяснялось это не только эффективной деятельностью советских органов госбезопасности (хотя и польские спецслужбы в период между двумя мировыми войнами считались одними из сильнейших в Европе), но и активно проводимой Москвой политикой украинизации. Это не значит, что украинские националисты не представляли угрозы для Кремля. Больше всего руководство СССР беспокоили террористические акты, возможность возникновения пятой колонны в случае начала войны и диверсионные группы, проникающие из-за границы.

ОУН стала классической праворадикальной, террористической организацией, ориентирующейся идеологически на итальянскую модель фашизма.

Заметим: фашистскую модель, но не нацистскую! ОУН были чужды расовые принципы, для ОУН фактор антисемитизма не был определяющим. Лидеры ОУН Рико Ярый, генерал Мыкола Капустянский, Мыкола Сциборский были женаты на еврейках^[10]. При этом одним из ее основных противников оставалась Москва, так же как и Варшава.

Руководство УВО-ОУН, начиная с 1921-1922 годов, регулярно отправляло на территорию Советской Украины своих эмиссаров. Вот только большинство из них пропадало бесследно на огромных просторах СССР, а немногие вернувшиеся смогли сообщить лишь о неудачах.

Кто привел его к власти?

Если бы западноукраинские националисты в середине тридцатых годов XX века не активизировали свою враждебно-радикальную деятельность (например, убийства) на территории СССР и Польши, то высока вероятность того, что Степан Бандера не смог бы занять пост одного из руководителей ОУН.

До начала тридцатых годов прошлого века между западноукраинскими националистами с одной стороны и Москвой и Варшавой с другой стороны шла «тихая» война. Так, функционер ОУН Ярослав Гойвас в 1930–1931 годах организовал так называемую «черную сотню» для разведывательно-диверсионной работы на территории советской Украины. Сотня была ликвидирована пограничниками^[11]. В Польше все ограничивалось деятельностью многочисленных подпольных организаций, которые занимались воспитанием украинской молодежи.

Уцелевшие в схватках с чекистами и пограничниками на территории Советского Союза рядовые члены и эmissары ОУН попадали в ГУЛАГ лет на десять. Расстреливать их стали чуть позднее. В той же Польше с радикальными западноукраинскими националистами поступали суровее. А вот за границей официальные советские лица и лидеры ОУН чувствовали себя в относительной безопасности.

В 1933 году ситуация кардинально изменилась. Во Львове 22 октября 1933 года восемнадцатилетний боевик ОУН, студент юридического факультета Львовского университета Николай Лемик двумя выстрелами из браунинга убил администратора советского консульства Андрея Майлова. Убийца даже не пытался скрыться с места преступления. В

результате украинские адвокаты получили отличную возможность поговорить на суде о Голодоморе и тотальных репрессиях на Украине. На самом деле пули предназначались не сотруднику ИНО ОГПУ, работавшему во Львове под дипломатическим прикрытием (хотя отдельные украинские историки утверждают, что человек по фамилии Майлов не значился в списке сотрудников консульства), а советскому консулу — в тот вечер его не было на приеме.

Справедливости ради отметим, что чекист из советского консульства не был единственной жертвой местных западноукраинских националистов. Было среди пострадавших и множество «икроедов». Так в городе называли тех, кто на каждом углу кричал о замечательной жизни в стране большевиков. Консул регулярно приглашал «на икру» многих представителей местной интеллектуальной элиты, симпатизирующих СССР (сейчас бы этих людей назвали «агентами влияния»), а сотрудники советской разведки на таких приемах встречались со своими осведомителями.

Обычно члены ОУН ограничивались всего лишь избиением любителей русской кухни, предварительно объясняя им причину столь сурового обхождения. Одним из первых «потерпевших» стал тогдашний глава Научного общества им. Тараса Шевченко профессор Кирилл Студинский. А вот его коллеге профессору Антону Крушельницкому повезло значительно меньше — как впоследствии признавал руководитель ОУН Степан Бандера, в свое время он распорядился убить ученого. В своей газете «Нові Шляхи» профессор доказывал, что Украина может полноценно развиваться только благодаря коммунистам. И, как показало время, он был прав. Правда, узнав о том, что профессор решил выехать в Советскую Украину, Степан Бандера отменил свое решение и, как показала жизнь, не прогадал: в СССР вся семья эмигранта была уничтожена, а фотография

профессора занимает сейчас достойное место в экспозиции музея Соловецкого кремля^[12].

Существует ошибочное утверждение, что после убийства Андрея Майлова в Москве приняли решение ликвидировать Евгена Коновальца. А в качестве исполнителя смертного приговора выбрали чекиста Павла Судоплатова. В жизни все было по-другому.

Первоначально Павлу Судоплатову отводилась другая роль. Учитывая его украинское происхождение (родился и вырос в Мелитополе), а также богатый жизненный опыт и успешное выполнение первого задания по линии нелегальной разведки (несколько месяцев прожил в Западной Европе), его было решено использовать для внедрения в ближайшее окружение проживающего на территории Западной Европы руководства ОУН. Ему отводилась роль члена подпольной организации, созданной другим чекистом, Лебедем-Хомяком. Об этом человеке следует рассказать подробнее.

Лебедь-Хомяк

Этот человек прожил три жизни. Первая — героя Гражданской войны. Вторая — советского разведчика в стане врага. Третья — полковника госбезопасности, командующего чекистским спецотрядом имени Богдана Хмельницкого, действующим под Ровно во время Великой Отечественной войны^[13].

Василий Владимирович Хомяк, ставший позднее в СССР Лебедем, родился в 1899 году в Галиции. В годы Первой мировой войны он служил в украинских формированиях австро-венгерской армии, так называемых «украинских сечевых стрельцах», затем попал в русский плен и с 1915 по 1918 год просидел вместе с будущим вождем ОУН Евгеном Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном.

В Гражданскую войну он стал заместителем Евгена Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной армии на Украине.

В 1920 году после отступления отрядов УНР в Польшу Василий Владимирович Хомяк остался на Украине, где вскоре и был привлечен к сотрудничеству с органами ВЧК. Когда точно это произошло, доподлинно неизвестно. Участвовал в ликвидации многочисленных петлюровских банд^[14]. О своих боевых делах в сфере ликвидации политического бандитизма ветеран тайной войны рассказал в очерке, опубликованном в одном из сборников «Динамовцы в боях за Родину».

К началу тридцатых годов прошлого века никаких сомнений в том, что Василий Лебедь является руководителем националистического подполья на территории Советской Украины, у Евгена Коновальца и других лидеров ОУН не было. Во многом это было следствием того, что для эмигрантов Лебедь-Хомяк имел

хорошо разработанную легенду, которая объясняла его широкие связи на Украине. Он якобы окончил специальные финансовые курсы в Харькове и работал там же в строительном тресте.

Когда в начале тридцатых годов прошлого века на Украине начались аресты тех, кто был связан с западноукраинскими националистами, Василий Лебедь по совету своего тестя скрылся из города, устроился с помощью знакомых моряков по фальшивым документам на советское судно, на котором и прибыл в начале августа 1933 года в Бельгию.

Здесь он встретился с Евгеном Коновальцем и другими руководителями ОУН, которые достали ему документы на фамилии Найденко и Пригода. Около года Лебедь находился за границей и сумел за это время вступить в контакты с руководителями абвера в Берлине. Именно они, помимо прочего, сообщили гостю о том, что Евгена Коновальца дважды принимал Адольф Гитлер и что во время одной из встреч фюрер предложил ему направить несколько оуновцев в нацистскую партийную школу в Лейпциге для того, чтобы они прошли там курс обучения.

В октябре 1934 года Василий Лебедь через Финляндию возвратился на Украину в Киев и доложил своему руководству, что Евгений Коновалец рассматривает его как «своего человека» в СССР, способного провести подготовительную работу для захвата националистами власти в Киеве в случае войны, и что аналогичные расчеты строит в отношении него и абвер. Этим обстоятельством и решило воспользоваться руководство советской внешней разведки, чтобы внедрить в ОУН еще одного разведчика. Перед ним была поставлена задача: убедить радикально настроенных эмигрантов в том, что их террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления, и что надо

держат все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае ее активировать.

О ходе дальнейших событий в предвоенные годы расскажем ниже. Пока завершим повествование о судьбе Василия Лебеда. Он благополучно пережил репрессии 1937 года, по крайней мере, остался жив и в годы Великой Отечественной войны командовал партизанским отрядом. После окончания войны он продолжал служить в органах госбезопасности, в т. ч. и во внешней разведке. Умер в семидесятые годы прошлого века в Киеве^[15].

В июле 1935 года Лебедь прибыл в Финляндию вместе с двадцатипятилетним Павлом Грищенко. Он объяснил встречающим, что это бывший комсомолец, разуверившийся в идеях коммунизма и ставший фанатичным украинским националистом. Тогда же один из лидеров ОУН Дмитрий Андриевский придумал первый псевдоним юноше — «Павлусь». Чуть позже появились еще два — «Вельмуд» и «Норберт», а после убийства Евгена Коновальца — «Валюх».

Не будем рассказывать о приключениях Павла Судоплатова на финской земле, т. к. это выходит за рамки нашей книги. Отметим лишь, что после выполнения задания он вернулся в Советский Союз.

Раскол среди западноукраинских националистов

В это время в руководстве ОУН произошёл раскол. Фактически лидеров украинских националистов больше волновала ситуация в Чехословакии и Польше, чем на территории советской Украины. Именно Восточная Европа стала ареной борьбы двух соперничающих за власть и деньги (западных разведок) группировок: «стариков» и «молодежи», умеренных и радикалов.

Первых представляли Евгений Коновалец и его заместитель Андрей Мельник. Последний был на год старше первого, и они были женаты на родных сестрах. «Молодежь» же возглавляли Степан Бандера и Роман Шухевич.

Разница между лидерами двух группировок была не только в возрасте и, как следствие этого, стремлении юного поколения занять посты старших товарищей, но и в образе жизни. Если первые после окончания Гражданской войны перебрались в страны Западной Европы и в спокойной обстановке занимались разработкой теоретических планов по захвату власти и объединению украинских земель, то вторые с оружием в руках, пытались реализовать эти планы в жизнь на территории западноукраинских земель, которые входили в состав Польши.

Конфликт между «теоретиками» и «практиками» усугублялся ещё неоправданной жестокостью последних. Жертвами развязанного ими террора становились не только поляки и русские, но и сами украинцы, проявившие недостаточную степень национализма. А Степан Бандера любил повторять: «Наша власть должна быть страшной». И этот лозунг он

действительно реализовал на западноукраинских землях.

К началу тридцатых годов прошлого века руководство ОУН постепенно стало отказываться от идеи террора. Теперь основной задачей активных западноукраинских националистов Евгений Коновалец считал воспитание нового поколения на традициях борьбы за независимость и подготовки населения (в случае благоприятного стечения международных военно-политических обстоятельств) к обретению национальной государственности.

Степан Бандера и Роман Шухевич придерживались другой точки зрения. Они решили не дожидаться, пока «старики» сами добровольно уйдут на заслуженный отдых, а сместить их со своих постов. Так получилось, что Варшава и Москва невольно помогли им в этом, расчистив путь наверх — уничтожив представителей «стариков», хоть как-то сдерживающих радикализм «молодежи».

Если Москва на территории восточной и центральной Украины проводила политику с учетом интересов украинского населения, то Варшава, наоборот, всячески подавляла национальное самосознание. Это и стало одной из основных причин радикализации «молодежи».

Справедливости ради нужно отметить, что и сами западноукраинские националисты в двадцатые годы прошлого века вели себя, мягко говоря, не совсем дружелюбно по отношению к польским властям. Основными направлениями деятельности УВО стали:

- индивидуальный террор против представителей польской администрации;

- саботаж;

- разведывательно-подрывная работа в интересах будущей национально-освободительной революции и Германии — главного противника Польши в двадцатые-тридцатые годы прошлого века;

пропаганда национально-государственного
возрождения Украины;
соборность Украинских земель.

В 1929 году был создан исполнительный орган — Краевая экзекутива ОУН в западноукраинских землях. Его первым руководителем Евген Коновалец назначил своего соратника времен Гражданской войны Юлиана Головинского. Однако тот вскоре был убит польской полицией. Его сменил уже представитель «молодых» Степан Охримович, но и его поляки так избили в тюрьме, что он вскоре умер.

Степан Бандера вошел в состав Краевой экзекутивы ОУН (заяв пост секретаря отдела пропаганды) именно благодаря Степану Охримовичу. Последний знал первого еще со времени учебы в гимназии и активно содействовал его карьере. Пост руководителя референтуры пропаганды ОУН в Западной Украине позволил Степану Бандере проявить себя как жесткого и жестокого лидера. Так, по его указанию были убиты сельский кузнец Михаил Белецкий, профессор филологии Львовской украинской гимназии Иван Бабий, студент университета Яков Бачинский и многие другие. А еще были популярны «эксы» — вооруженные нападения на отделения связи и почтовые поезда, во время которых часто гибли мирные жители. ОУН нужны были деньги, а украинцы почему-то не хотели финансировать радикалов. Вот и приходилось брать их силой.

Хотя террором и бандитизмом дело не ограничилось. Например, Степан Бандера придумал и провел т. н. «Школьную акцию», когда ученики выбрасывали из школ польские гербы и флаги, отказывались отвечать на польском языке и бойкотировали учителей-поляков. В результате у многих учеников возникли проблемы с учебой. А как еще должны реагировать учителя на

хамство учеников, если к тому же оскорбляются национальные чувства первых?

Была еще «Антимонопольная акция». Она представляла собой отказ украинцев покупать водку и табак. ОУН призывала: «Прочь из украинских сел и городов водку и табак, потому что каждый грош, потраченный на них, увеличивает фонды польских оккупантов». Польские газеты немедленно представили это как очередное доказательство украинского антисемитизма: ведь держателями питейных заведений, как правило, были евреи. В результате от этой акции пострадали не польские власти, а, говоря современным языком, частный бизнес. Причем не поляков, а евреев.

Радикально настроенная молодежь, входившая в ОУН в западноукраинских землях, стала основным орудием экстремистских проявлений. Отчаянная борьба подпольщиков вызывала восхищение у сверстников, обреченных быть людьми второго сорта в условиях полонизации края.

В ответ на террор западноукраинских националистов Варшава начала процесс «пацификации» («умиротворения»). Говоря современным языком, это была этническая «зачистка». Правительственные войска окружали украинские села и уничтожали их. Для подавления очагов сопротивления использовались авиация и артиллерия. В 1934 году в Березе Картузской был образован концлагерь — реакция Варшавы на убийство польского министра внутренних дел. В нем содержалось свыше двух тысяч политзаключенных.

Одновременно польские спецслужбы успешно охотились за руководителями и активистами ОУН. В результате многие из них оказались арестованы властями или эмигрировали. Спасаясь от неминуемого ареста и гибели, бежит за границу сменивший Степана Охримовича новой краевой проводник Иван Габрусевич.

Вакантные посты занимали молодые амбициозные и радикально настроенные лидеры.

Конференция Провода ОУН в Праге в начале июня 1933 года формально утвердила двадцатичетырехлетнего Степана Бандеру в качестве краевого проводника. Террористическая деятельность при нем резко усилилась и вышла на первый план.

Один из ближайших сподвижников Степана Бандеры Николай Лебедь, по совместительству агент германской разведки, организовал убийство главного инициатора и разработчика кампании по уничтожению украинских сел — министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Этого политика «ликвидировали» 15 июня 1934 года по приказу Берлина. Он выступал с резким осуждением планов Германии по захвату Данцига, который, по условиям Версальского мира, был объявлен «вольным городом» под управлением Лиги наций. Убийца — боевик ОУН Григорий Мацейко («Гонто») сумел не только скрыться с места преступления, но и сначала перебраться в Чехословакию, а оттуда эмигрировать в Аргентину, где он и умер в 1968 году. А организатору убийства Степану Бандере избежать наказания не удалось. Он был арестован польской полицией при попытке пересечения польско-чешской границы.

18 ноября 1935 года в Варшаве начался суд над двенадцатью украинскими националистами, в число которых входил Степан Бандера. 13 января 1936 года в соответствии с приговором суда Степан Бандера, наряду с Николаем Лебедем и Ярославом Карпинцем, был приговорен к смертной казни через повешение. От виселицы троих оуновцев спасло постановление об амнистии, принятое во время процесса, — казнь была заменена пожизненным заключением.

В то время, когда Степана Бандеру судили в Варшаве, во Львове боевиками ОУН были убиты

профессор филологии Львовского университета Иван Бабий и его студент Яков Бачинский. Экспертиза показала, что жертвы этого убийства и Перацкий были застрелены из одного и того же револьвера. Это позволило польским властям организовать над Бандерой и рядом его подопечных еще один судебный процесс, на сей раз во Львове, по делу о нескольких терактах, совершенных оуновцами. Своей причастности к гибели Бабя и Бачинского Бандера не отрицал — их убили по его личному приказу за сотрудничество с польской полицией. По результатам Львовского процесса Бандера был приговорен к пожизненному заключению (по совокупности обоих процессов — семь пожизненных заключений). Если бы не давление на Варшаву Берлина, Степан Бандера и другие подсудимые были бы приговорены к смертной казни, а так ограничилось лишь пожизненным заключением.

До 1939 года Степан Бандера находился в одиночной камере польской тюрьмы, где штудировал книги идеолога украинского национализма Дмитрия Донцова. Под влиянием этих трудов, а также собственных политических амбиций он решил, что ОУН действует недостаточно революционно и только он, Степан Бандера, может исправить ситуацию.

Пост проводника Краевой экзекутивы ОУН в западноукраинских землях с 1934 по 1938 год занимал Лев Ребет — противник радикальных мер и сторонник политики, проводимой Евгеном Коновальцем. Понятно, что это стало еще одной причиной конфликта между «стариками» и «молодежью».

Война продолжается

Между тем игра советской разведки с ОУН продолжалась. Павел Судоплатов неоднократно выезжал за рубеж в качестве курьера. «Крышей» для него служила должность радиста на грузовом судне.

В ноябре 1937 года Иосиф Сталин приказал разработать план мероприятий по активизации работы против ОУН. Заместитель начальника ИНО (внешняя разведка) Сергей Шпигельглас и Павел Судоплатов подготовили этот документ. В нем предлагалось с целью интенсивного внедрения в ряды ОУН направить в Германию трех сотрудников украинских органов госбезопасности в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Вместе с ними предполагалось направить для большей убедительности и одного настоящего украинского националиста, тугодума и тупицу.

Через две недели Иосиф Сталин приказал изменить план. Было принято решение ликвидировать Евгена Коновальца. В качестве исполнителя выбрали Павла Судоплатова. Он должен был вручить жертве взрывное устройство, закамуфлированное под коробку конфет.

Коробка шоколадных конфет «Ридна Україна» выглядела очень симпатично и по весу не вызывала никаких подозрений. В вертикальном положении она была абсолютно безопасна, ей можно было заколачивать гвозди. Однако в горизонтальном положении внутри коробки самопроизвольно приходил в действие часовой механизм, рассчитанный на полчаса, и после истечения времени, происходил мощный взрыв. «Андрею» надлежало держать коробку в вертикальном положении в большом внутреннем кармане своего пиджака.

Предполагалось, что он передаст этот «подарок» Евгению Коновальцу и покинет помещение до того, как сработает мина.

Взрыв в Роттердаме

23 мая 1938 года советское грузовое судно «Менжинский» бросило якорь в порту Роттердама. Был теплый, солнечный день. В 11 часов 45 минут Павел Анатольевич Судоплатов вошел в ресторан «Атланта», где у него была назначена встреча с Евгеном Коновальцем.

— Хай живе вільна Україна! — тепло приветствовал его руководитель ОУН.

— Геть москальське иго! — откликнулся советский разведчик.

Их встреча длилась недолго. Выпив кружку пива, «Павлусь» заявил, что ему необходимо вернуться на судно. Не подозревавшая о своей участи жертва понимающе кивнула головой. Они условились снова встретиться в центре Роттердама в пять часов вечера.

Уходя, разведчик извлек из внутреннего кармана пиджака коробку конфет и положил ее на столик рядом с собеседником и пояснил:

— Подарок пану Коновальцу.

Вождь украинских националистов обрадовался:

— Добрий подарок, добрий...

«Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая свое инстинктивное желание тут же броситься бежать», — напишет много лет спустя чекист в своих воспоминаниях.

Через несколько минут после его ухода обладатель «адской машины» тоже покинул помещение ресторана. Метрдотель, позже опрошенный полицией, сообщит, что господин уходил из заведения в прекрасном расположении духа, с улыбкой на лице. Часовой механизм отсчитывал посетителю последние мгновения жизни.

Взрыв прогремел в 12 часов 15 минут на главной улице города Колсингер, близ кинотеатра «Люмис». Сила взрыва была столь велика, что фрагменты туловища жертвы разлетелись по улице до сотни метров. Все тело несчастного было жутко изуродовано, кроме головы, которая осталась цела. От взрыва также пострадало четверо прохожих — голландцев. Господина Фишера взрывной волной забросило в витрину магазина готового платья, а его супругу припечатало о стену дома, двое других граждан отделались легкими контузиями, ушибами и страшным испугом.

Сам Павел Судоплатов напишет о ликвидации руководителя ОУН следующее:

«Помню, как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошел на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли. Границу я пересек на такси — пограничники не обратили на мой чешский паспорт ни малейшего внимания. На том же такси я доехал до Брюсселя, где обнаружил, что ближайший поезд на Париж только что ушел. Следующий, к счастью, отходил довольно скоро, и к вечеру я был уже в Париже. Все прошло без сучка и задоринки. В Париже меня, помню, обманули в пункте обмена валюты на вокзале, когда я разменивал сто долларов. Я решил, что мне не следует останавливаться

в отеле, чтобы не проходить регистрацию: голландские штемпели в моем паспорте, поставленные при пересечении границы, могли заинтересовать полицию. Служба контрразведки, вероятно, станет проверять всех, кто въехал во Францию из Голландии»^[16].

Ночь Павел Судоплатов провел, гуляя по парижским бульварам и в кинотеатре, где показывали какой-то американский вестерн. Отчаянные страсти, что происходили на экране, его не интересовали. Раз за разом «Андрей» мысленно прокручивал свои действия как во время операции, так и после нее, и приходил к выводу, что все было сделано им профессионально и грамотно. Когда кинокартина подошла к концу, чекист вышел на улицу — и тут кто-то цепко схватил его за рукав плаща. От неожиданности он едва не выстрелил в незнакомца, но вовремя заметил, что тот оборван, пьян и невероятно грязен. «Клошар», — облегченно вздохнул разведчик и, брезгливо отстранив дурно пахнувшего типа, быстро зашагал по улице. Однако бродяга не отставал от прилично одетого господина, продолжая настырно кланчить деньги. Чтобы отвязаться от назойливого попрошайки, полуночный прохожий сунул ему несколько франков.

— Благодарю, вас месье, благодарю, вы крайне добры! — радостно возопил бомж и поспешил в ближайшую забегаловку промочить горло.

После неоднократных проверок (кто его знает, что это за клошар такой) «Андрей» зашел в парикмахерскую побриться и помыть голову. Затем, еще раз удостоверившись, что «хвоста» нет, он направился к условленному месту встречи на станции метро.

Когда Павел Судоплатов вышел на платформу, то сразу же увидел сотрудника советской внешней разведки Ивана Агаянца, работающего под прикрытием должности заведующего консульским отделом советского полпредства в Париже. Тот уже уходил, но,

заметив чекиста, вернулся и сделал знак следовать за ним.

Доехав на такси до Булонского леса, они позавтракали в небольшом уютном кафе, где Павел Судоплатов незаметно передал спутнику свой пистолет и маленькую записку, содержание которой надо было срочно отправить в Москву шифром. В записке говорилось: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, на котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». «Все сделаю», — сказал Иван Иванович Агаянц и, расплатившись за завтрак, проводил спутника на явочную квартиру в пригороде Парижа.

Из столицы Франции Павел Судоплатов по подложным польским документам отправился сначала на машине, а затем поездом в Барселону. Местные газеты сообщали о террористическом акте в Роттердаме, где украинский националистический лидер Евгений Коновалец был взорван бомбой на улице. В газетах выдвигалось несколько версий: либо его убили советские чекисты, либо агенты гестапо, либо соперничающая группировка украинских националистов, либо, наконец, польские спецслужбы — в отместку за убийство генерала Перацкого. В бульварной прессе муссировался слух о том, что Коновалец мог покончить жизнь самоубийством вследствие неразделенной любви к некой польской красавице Ганне З. Тут же приводилась лубочная открытка с изображением Коновальца в виде гетмана, ведущего в бой толпы своих соратников и фото какой-то мордovorотистой тетки с лаконичной подписью «Красавица Ганна З.».

Стопроцентными фактами и уликами для раскрытия истинных причин гибели Коновальца не располагала ни голландская полиция, ни абвер, ни ОУН. Было известно, что он собирался встретиться с курьером — радистом с

советского судна, но никто не знал точно, с кем именно встречался покойный в тот роковой день.

Как и ожидали прозорливые чекисты, смерть полковника Евгена Коновальца вызвала серию расколов в ОУН и непрерывную многолетнюю войну между отдельными группировками западноукраинских националистов.

После кратковременного периода правления «триумvirата» (Ярослав Барановский, Сенник-Грибовский и Сциборский) о своих правах на пост вождя заявил соратник убитого Андрей Мельник, которого «старички» 27 августа 1939 года на конференции в Риме провозглашают «вождем» ОУН.

«Молодежь» на это собрание приглашена не была.

Это вызвало волнения среди желавших захватить власть «детей», лидер которых Степан Бандера все еще сидел в польской тюрьме. Отсутствовали и другие руководители молодого поколения (Микола Лебедь, Роман Шухевич и Рико Ярый), которые находились в эмиграции или в польских тюрьмах.

Понятно, что группировка «молодежи» была категорически не согласна с этим решением. «Геть Мельника! Даешь Степана Бандеру!» — возмущались горячие головы. Масло в огонь подлило освобождение немцами в сентябре 1939 года из польской тюрьмы Степана Бандеры. В итоге в феврале 1940 года «молодежь» устроила бунт.

В феврале 1940 года сторонники Степана Бандеры создали Революционный провод. Фракция Бандеры в апреле 1941 года провела свой собственный II Чрезвычайный конгресс в Кракове, на котором провозгласила римский конгресс незаконным. Степана Бандеру избрали главой ОУН и приняли программу, заново подтвердившую основные решения 1929 года. Большинство оуновцев Западной Украины признало полномочия Бандеры, и вскоре раскол организации стал

необратим. По именам своих лидеров они стали известны как ОУН(б) — бандеровцы и ОУН(м) — мельниковцы. Кроме этого, в Кракове был создан «главный революционный трибунал». Члены «трибунала» тут же вынесли смертные приговоры «за предательство дела освобождения Украины» многим сторонникам Андрея Мельника. Начались кровавые разборки, в ходе которых на Украине было убито около 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. Отметим, что все эти люди занимали достаточно высокое положение в ОУН.

Новый главный противник

«ОУН борется с большевизмом потому, что большевизм — это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность... Большевики применяют методы физического уничтожения — массовые расстрелы и голод, поэтому и мы в борьбе с ними применяем физические методы» — заявил Степан Бандера в ходе судебного заседания в 1936 году в Варшаве.

После того, как в 1939 году как территория Польши оказалась разделенной между СССР и Германией, а сам Степан Бандера был выпущен на свободу немцами, всем было ясно, с кем теперь будут воевать «бандеровцы». Теоретически у них теперь два врага: Берлин и Москва, но по давней традиции борцов за «самостийность Украины» врагом не может быть западноевропейское государство. Хотя во время оккупации Третьим Рейхом территории Украины Берлин применял все, в чем обвинял Москву Степан Бандера. И ничего, Берлин так и не стал врагом для ОУН.

У Москвы не было никаких иллюзий относительно того, с кем теперь будут воевать бандеровцы. Во-первых, Иосиф Сталин был прекрасно осведомлен об идеологии западноукраинских националистов. Во-вторых, он так же знал о связях лидеров ОУН с германской разведкой. Поэтому нужно было быть готовым к войне с бандеровцами. Впрочем, Степан Бандера спровоцировав раскол в ОУН, значительно ослабил его «боевой» потенциал. По крайней мере на ближайшие пару лет, пока одна из сторон полностью не захватит власть в руководстве западноукраинских националистов. И что более важно, замкнет на себя все

потоки (финансовые, материально-технические, кадровые и т. п.) помощи западных государств.

Раскол в ОУН: что сообщали чекисты

В Москве внимательно следили за процессами, которые происходили в среде западноукраинских националистов. Вот, что, например, сообщил Иосифу Сталину руководитель НКГБ СССР Всеволод Меркулов 6 апреля 1941 года:

«В руководстве ОУН произошел раскол по вопросу о тактике и методах практической антисоветской деятельности ОУН в настоящее время. Актив оуновцев разделился на сторонников главного руководства ОУН (“мельниковцы”) и сторонников оуновской периферии в Генерал-губернаторстве (“бандеровцы”).

Начало этих разногласий между главным руководством ОУН и оуновской периферией в Галиции относится к периоду активизации антипольской деятельности львовского центра ОУН (1933–1934 гг.), против которой выступало главное руководство ОУН, находившееся (как и в настоящее время) в Берлине и работавшее под непосредственным руководством немецкой военной разведки. Эта позиция главного руководства объяснялась опасениями нарушить внешнеполитические интересы Германии и намечавшееся в то время польско-германское сближение. Тем не менее из опасений разрыва со своими периферийными организациями, действовавшими в б. Польше, главное руководство ОУН вынуждено было санкционировать террористический акт в отношении польского министра Перацкого.

Сущность разногласий в ОУН в настоящее время заключается в том, что “бандеровцы” стоят за активные методы борьбы с советской властью (насаждение широкой сети оуновских организаций в Западной

Украине, организация восстаний против советской власти), независимо от теперешнего состояния и развития советско-германских отношений.

“Мельниковцы” придерживаются выжидательной тактики и выступают против немедленных антисоветских действий. Они считают, что “украинский вопрос” может быть разрешен лишь в рамках германских планов на востоке Европы и только при помощи немцев, когда политическая и стратегическая обстановка будет признана последними наиболее подходящей для этого.

“Мельниковцы” убеждены, что как только Германия покончит с Англией, на очередь будет поставлена реализация восточных планов Гитлера, и тогда будет решен вопрос о “самостоятельности” Украины.

Мельника поддерживает большинство членов довоенного руководства ОУН, члены ОУН старшего поколения, а также американские и канадские оуновцы.

Бандеру, создавшего т. н. “революционное руководство”, поддерживает, главным образом, молодежь, сидевшая в польских тюрьмах за активную националистическую работу, и большинство оуновских организаций в Генерал-губернаторстве и в западных областях Украины.

Разногласия между “бандеровцами” и “мельниковцами” проявляются в форме открытых выступлений представителей той и другой стороны на собраниях, в газетах и в издании прокламаций (коммуникатов) со взаимными обвинениями в «предательстве украинской национальной идеи» и в раскольнической деятельности, а также в форме столкновений отдельных враждующих групп, сопровождающихся иногда драками и ранениями.

Съезд ОУН, намеченный на январь месяц 1941 г., из-за разногласий, принявших к этому времени острые

формы, был отложен и до настоящего времени не состоялся»^[17].

Через 10 дней Иосиф Сталин узнал новые подробности о «расколе» в ОУН:

«Как сообщалось в нашей записке от 6-го апреля 1941 г., между руководителями ОУН за кордоном по вопросу о дальнейшей антисоветской работе в западных областях УССР возникли разногласия, вылившиеся в открытую борьбу.

В январе 1940 г. совещание “провода” ОУН в Кракове высказалось против директивы главаря ОУН полковника Андрея МЕЛЬНИКА о том, чтобы временно, во избежание ненужных потерь, воздержаться от активных действий на территории западных областей УССР, а подготовку вооруженного восстания вести с расчетом приурочить его к моменту немецкого вторжения в СССР.

Совещание, под влиянием видного деятеля ОУН Степана Бандера, приняло решение не подчиняться уполномоченному Андрея Мельника в Кракове — полковнику Роману Сушко и всю работу ОУН направить на подготовку вооруженного восстания против Советской власти весной 1940 года.

С этой целью Бандера приступил к подготовке и переброске на территорию западных областей УССР кадров оуновских боевиков (“пробоеви кадри”)»^[18].

Впрочем, были и другие причины конфликта между бандеровцами и мельниковцами, которые стали известны чекистам через несколько лет после «раскола». Например, в феврале 1944 года начальник отдела по борьбе с бандитизмом допрашивал члена ОУН Ивана Кутковца. Последний продемонстрировал поразительную осведомленность не только о текущей деятельности, структуре центрального аппарата и руководителях ОУН, но и о том, что происходило в предвоенный период. О причинах «раскола» он сообщил следующее:

«В 1940 г. в краевом проводе ОУН произошел раскол. Образовались две группы: “бандеровцы” и “мельниковцы”.

Раскол произошел на основе того, что БАНДЕРА считал себя, как имеющего “большие заслуги” перед украинским народом, стремился лично возглавить руководство краевым проводом ОУН.

Причиной к этому расколу были следующие обстоятельства:

В период польско-германской войны “бандеровцы”, якобы захватили документы польской разведки и установили, что члены провода ОУН СЕНИК, СЦИБОРСКИЙ и БАРАНОВСКИЙ являлись агентами польской разведки, и что об этом знал МЕЛЬНИК и не принимал никаких мер.

О разоблачении СЕНИКА, СЦИБОРСКОГО и БАРАНОВСКОГО публиковалось в ОУНовской прессе, и на документах стала уже подпись проводника краевого провода ОУН Степана БАНДЕРЫ.

Для того, чтобы оправдать произведенный раскол в проводе ОУН, кроме разоблачения СЕНИКА, СЦИБОРСКОГО и БАРАНОВСКОГО в принадлежности к польской разведке, “бандеровцы” обвиняли “мельниковцев” в прогерманской их политике, говоря о себе, как о представителях “украинского народа”, которые без помощи немцев борются за “Самостоятельную Украину”.

Но все это было только прикрытием, так как “бандеровцы” и “мельниковцы” в равной степени были активными слугами немецкого фашизма. Борьба шла за портфель — за власть, но не за политическую линию.

Поскольку БАНДЕРА среди украинской националистической молодежи, особенно среди студенчества, был более популярен как совершивший “героический” поступок — убийство ПЕРАЦКОГО, то немцы его поддерживали.

Нужно отметить, что в расколе провода ОУН немалую роль сыграл “ЯРЫЙ”-ЯРЫГО, уроженец Закарпатской Украины, офицер гестапо. “ЯРЫЙ”-ЯРЫГО вошел в состав “бандеровского” краевого провода ОУН и намечался в будущем правительстве “самостоятельной” Украины министром иностранных дел и финансов.

Характерно, что после произошедшего раскола при встречах “бандеровцы” приветствовали друг друга так: один поднимал вверх правую руку и говорил: “Слава Украине”, второй отвечал: “Героям слава”.

“Мельниковцы” приветствовали один другого так: один из них также поднимая вверх правую руку, и говорил: “Слава Украине”, а второй отвечал: “Вождеви слава”.

“Бандеровцы” создали себе новый тризуб, отличительные нагрудные знаки [\[19\]](#)».

Активизация борьбы против СССР

После того, как Польша была оккупирована немцами, ОУН активизировала свою деятельность против Советского Союза. Первая попытка организовать антисоветское восстание была предпринята ОУН в конце 1939 года. Чекисты сорвали ее, арестовав 900 потенциальных повстанцев^[20].

Первые группы «боевиков» попытались тайно проникнуть на территорию СССР в середине января 1940 года. Произошло это в районе Кристинополя около села Бендюги. Перейдя замерзшую реку Буг двенадцать «боевиков» во главе с С. Пшеничным должны были уйти на Волынь. До бывшей советско-польской границы их сопровождало еще четверо, которые благополучно вернулись обратно. А вот нарушителем не повезло. Восемь человек погибло бою, остальные были задержаны позднее. По версии историков из ОУН в том бою погибло до тридцати советских пограничников^[21].

Позже было предпринято множество попыток тайного проникновения в Советский Союз. К весне 1940 года на территорию СССР сумели проникнуть до тысячи человек. Повышенная активность ОУН легко объяснима. На конец весны — начало лета 1940 года было назначено антисоветское восстание на территории Западной Украины.

В начале 1940 года Краковский центр (провод) ОУН начал подготовку восстания. 10 марта 1940 года был сформирован Повстанческий штаб во главе с Д. Грицаем. Для подготовки восстания через границу в Галицию и на Волынь было тайно переправлено шестьдесят организаторов. Первая группа во главе с В. Тимчем пересекла границу в конце февраля, вторая группа (40 человек) — в начале марта, третья — 12 марта.

Повстанческий штаб начал действовать во Львове 24 марта 1940 года. Стала формироваться система управления. В крупные города (Львов, Станислав, Дрогобич, Тернополь и Луцк) были направлены руководители — окружные проводники. Каждому из них подчинялось 3–5 межрайонных. Последним подчинялись подрайонные проводники.

Каждый окружной — районный провод включал в себя:

- начальника повстанческого штаба;
- инструктора по военной подготовки;
- референта по разведке;
- референта безопасности;
- референта связи;
- референта по пропаганде;
- референта по работе с молодежью.

Подрайонная организация включала 4–5 станичных организаций (в населенных пунктах). На эти организации возлагались задачи:

- подбор 40–70 повстанцев;
- организация военной подготовки;
- разведка.

Нижнее звено включало 3–5 повстанцев.

Кроме этого, существовали молодежный резерв «Юношество» и женская секция.

По данным, полученным в ходе допроса начальника референтуры связи Грицяя в сентябре 1940 года украинскими чекистами, в регионе было 5,5 тысяч повстанцев и 14 тысяч сочувствующих им^[22].

О готовящимся весной 1940 года восстании узнали чекисты и нанесли упреждающий удар, арестовано 658 оуновцев, большинство из них руководители различного уровня. Максимальный удар был нанесен львовской, тернопольской, ровенской и волынской организациям^[23]. С 1939 по июнь 1940 года было изъято 7 гранатометов, 200 пулеметов, 18 тыс. винтовок и 7 тыс. гранат^[24].

Справедливости ради отметим, что весной 1940 года чекисты арестовали далеко не всех членов ОУН. Так, в Станиславской области в 1939 году их было 1200 человек, через год их количество превысило 9600 человек^[25]. Аналогичная картина наблюдалась и в других областях.

29 октября 1940 года во Львове состоялся суд над одиннадцатью руководителями ОУН. Десятерых приговорили к расстрелу. Приговор привели в исполнение 20 февраля 1941 года^[26].

Руководство ОУН перенесло восстание на осень 1940 года. И снова чекисты нанесли упреждающий удар! В августе-сентябре 1940 года было «ликвидировано» 96 подпольных групп и низовых организаций, арестовано 1108 подпольщиков (среди них 107 руководителей различного уровня). В ходе обысков изъято 2070 винтовок, 43 пулемета, 600 револьверов, 80 тыс. патронов и другое вооружение^[27].

Неспокойно было и на советско-польской границе. В течение 1940 года в результате боев между пограничниками и оуновцами последние потеряли: убитыми — 82, ранеными — 41 и арестованными — 387 повстанцев. Однако большая часть нарушителей границы все же сумела уйти от пограничников. Было зафиксировано 111 случаев прорыва на Украину и 417 — за кордон^[28].

Чекисты были вынуждены тогда признать:

«Оуновцы-нелегалы прекрасно владеют навыками конспирации, подготовлены к боевой работе. Как правило, при аресте оказывают вооруженное сопротивление и пытаются покончить жизнь самоубийством»^[29].

Зимой 1940–1941 года чекисты нанесли очередной удар по Львовской, Станиславской, Дроговицкой областным организациям. Так, лишь за 21–22 декабря

1940 года было арестовано 996 человек (в Львовской области — 520, Станиславской — 235, Тернопольской — 133)^[30].

С 1 января по 15 февраля 1941 года было ликвидировано 38 групп ОУН (273 повстанца), арестовано 747 человек, убито 82 и ранено 35 повстанцев. Погибло 13 и ранено 30 чекистов^[31].

ОУН попыталось компенсировать потери, прислав новых эмиссаров. Так, в течение зимы 1940–1941 года было предпринято свыше ста попыток прорваться через государственную границу. Из них 86 раз закончились неудачей для ОУН. При этом порой численность отряда нарушителей доходила до 120–170 «боевиков»^[32].

Большинство «боевиков» предпочитали умереть в бою, чем сдаться. Они знали, что суд наверняка приговорит их к расстрелу.

15–19 января 1941 года во Львове прошел судебный «процесс над пятьюдесятью девятью». 42 подсудимых были приговорены к расстрелу, 17 — к десяти годам тюремного заключения и пяти годам ссылки.

12–13 мая 1941 года в Дрогобичах состоялся суд над 39 повстанцами. Итог: 22 расстрелянных, восемь подсудимых получило десять лет лагерей, четверо — пять лет и пятеро высланы в Казахстан.

7 мая 1941 года в Дрогобичах судили 62 повстанца. 30 человек приговорили к расстрелу, 24 получили по десять лет лагерей, дела восьмерых суд вернул на дополнительное расследование. Верховный Суд изменил приговор. К расстрелу приговорили 26 человек, 13 человек — к десяти годам лагерей, остальных — от 7 до 8,5 лет^[33].

В начале 1941 года началась подготовка нового восстания. Одновременно было совершено 65 терактов, начали активно распространяться антисоветские листовки и проводиться акты саботажа. Кроме этого, в каждом районе от 5 до 20 человек занималось сбором

информации разведывательного характера. В апреле 1941 года было убито 38 низовых представителей советской власти^[34].

В течение 1940–1941 годов было арестовано 400 прибывших из-за рубежа эмиссаров, ликвидировано 200 разведывательно-диверсионных групп, пытавшихся пересечь границу^[35].

Личный «крот» Павла Судоплатова

После возвращения из заграничной командировки Павел Судоплатов продолжал участвовать в операциях советских органов госбезопасности против западноукраинских националистов.

Во Львове 29 марта 1940 года чекистами «был арестован в засаде на конспиративной квартире ОУН в доме № 57 по ул. Львовских Детей руководитель мобилизационного отдела Повстанческого штаба подхорунжий Ярослав Горбовой (“Буй”, “Вуйко”, “Смок”, “Славко”). При задержании у него изъяли: «заряженный автоматический пистолет с запасом патронов, порошок сильнодействующего яда и код шифра для связи с центром организации. У ГОРБОВОГО изъято также уже зашифрованное им сообщение в Краков о состоянии УПА во Львове и происшедших провалах участников организации»^[36].

Помимо выполнения заданий от руководства организации, ему предстояло дополнительно уточнить месторасположение советских военных аэродромов на территории Львовской области. Эта информация очень интересовала... абвер.

Отметим, что он был не единственным оуновцем, кого в начале апреля 1940 года задержали чекисты. Согласно тексту «Докладной записки начальника Управления НКВД по Львовской области В.Т. Сергиенко Л. П. Берии о ликвидации ОУН в Львовской области», датированной 12 апреля 1940 года:

«Из арестованных ОУНовцев, присланных во Львов Краковским центром ОУН, пока развернутые показания дает только Горбовой.

Горбовой показал, что он прибыл с поручением наладить бесперебойную связь между Краковским

центром и Львовской исполнительной “ОУН”, что им уже по приказанию “Креминского” (Гринева) переданы в Краков в зашифрованном виде сведения о провалах организации, происходящих арестах и требования переброски из-за кордона во Львовскую область дополнительных транспортов оружия, денег и людей для восстановления во Львове нарушенных репрессиями связей организации.

Исключительно важное значение придаем документу, который нами был изъят у Горбового и расшифрован.

Этот документ интересен тем, что он проливает свет не только на роль организации украинских националистов в деле создания на территории Советской Украины базы для повстанческой, диверсионной и иной враждебной СССР работы, но и указывает на прямую связь этой организации с германской разведкой»^[37].

Судя по уголовному делу, он дал письменные свидетельства о деятельности подполья в Галиции и указаниях Краковского центра по подготовке вооруженного антисоветского восстания. Например, в одном из документов НКВД сообщалось:

«ГОРБОВОЙ сознался и дал развернутые показания о составе и планах закордонного центра ОУН, а также назвал известных ему участников организации на территории Советской Украины. На допросах ГОРБОВОЙ выдал ряд конспиративных квартир ОУН в Львове»^[38].

Возможно, после окончания следствия его бы расстреляли, как других действительных и мнимых иностранных агентов различных разведок, но вмешался случай в лице молодого ответственного сотрудника НКВД СССР с двумя ромбами и орденом на гимнастерке.

Как пишет исследователь истории ОУН Зиновий Кныш (бывший боевой референт Украинской войсковой организации Евгения Коновальца), позднее

орденоносца, который беседовал с Ярославом Горбовым, идентифицировали на допросах последнего в СБ Краковского центра ОУН(б) как «Валюха». Прекрасно владея украинским языком, отменно ориентируясь в идеологии и организационных проблемах националистического движения (вот где пригодилось обучение в Лейпциге и многомесячное общение с западноукраинскими националистами), чекист повел тонкую психологическую обработку подследственного.

Павел Судоплатов с невиданной для энкаведиста крамольной «откровенностью» признавал «отдельные ошибки» власти в национальном вопросе. При этом заверял, что лишь советизация сможет содействовать расцвету украинского народа. Ярослава Горбового, успевшего обрасти изрядной щетиной, привели в божеский вид. С новым знакомым они посетили Москву, сходили на балет в Большой театр. «Коренные преимущества» социалистического строя демонстрировали при осмотре Днепрогэса и других «великих строек пятилеток»...

Непосредственным куратором «Буя» стал сотрудник разведки — молодой украинский чекист Иван Кудря, будущий организатор подполья в Киеве времен нацистской оккупации и Герой Советского Союза (это звание чекисту было присвоено в 1965 году).

Новообращенному негласному помощнику были поставлены задачи продвижения в ведущие заграничные центры ОУН — берлинский и римский. Павел Судоплатов лично отвез нового агента к «окну» на берегу Сяна... Однако в перспективный сценарий вмешалась контрразведка ОУН. Ярослав Горбовой был разоблачен СБ (Служба безопасности) Краковского центра, которую насторожили обстоятельства «чудесного спасения» эмиссара на фоне массовых провалов подполья в Галиции, что совпали по времени с отсутствием «Буя».

Эсбисты сентиментальностью тоже не отличались, и пришлось давать откровенные свидетельства об обстоятельствах его «всыпа» (провала, «раскола» — на жаргоне подполья). Было решено использовать «Буя» в оперативной игре с НКВД для вывода за границу и захвата «Валюха» — причин поквитаться с ним было больше чем достаточно. Как пишет Зиновий Кныш, непосредственно разработкой оперативной игры занимался референт СБ Мыкола Арсеныч.

Существуют разные версии дальнейшего развития событий. За исключением отдельных деталей, они сводятся к разоблачению замыслов НКВД силами СБ ОУН(б) или немцами. Как сообщила в 1944 году информатору НКГБ УССР (не зная, разумеется, с кем беседует) сестра лидера ОУН Владимира Бандера-Давыдюк, «Буя» действительно разоблачила СБ, в допросах принимали участие лично Степан Бандера и военный референт ОУН Олекса Гасин («Лыцар»). Решили использовать его по линии СБ, однако конкуренты-мельниковцы сообщили об измене «Буя» куда следует — в гестапо.

На самом деле история с Ярославом Горбовым более запутанная. Есть версия, которая подтверждается документами из архивов НКВД и советской внешней разведки, что он был не просто земляком и другом Степана Бандеры, но и его доверенным лицом. И разоблачение «Буя», согласно донесению агента НКВД «Украинца», спровоцировало раскол в ОУН и появление двух групп. Одну возглавил Степан Бандера, а другую — Андрей Мельник.

Процитируем лишь недавно рассекреченный документ — Спецсообщение НКВД УССР № № 4500/СН, где сообщается о результатах работы агента 5-го отдела (внешняя разведка) УГБ НКВД УССР «Украинца». Вот текст этого документа:

«29 сентября сего года на территорию генерал-губернаторства переброшен агент “Украинец”. Переброска легендировалась бегством “Украинца” из автозака при перевозке из одной тюрьмы в другую. “Бегство” сопровождалось “стрельбой”, поэтому к приходу “Украинца” за кордон там уже было известно о побеге и “Украинец” был принят с уважением.

Перейдя границу, “Украинец” зашел к Вовруку — референту организационного отдела при оуновском комитете в Грубешове. Там “Украинцу” сообщили, что в оуновских кругах, а также и в гестапо уже известно о возвращении “Украинца”.

За время пребывания в Грубешове “Украинец” оуновскими кругами был окружен вниманием, так как бегство из тюрьмы считается значительным подвигом.

Через несколько дней после прибытия была организована встреча “Украинца” с местным руководителем гестапо, который интересовался отношением украинского населения к Советской власти, деятельностью оуновской организации и отношением молодежи к работе ОУН. На заданные вопросы “Украинец” частично ответил, а затем сослался на незнание их ввиду кратковременного пребывания его в Волынской области в связи с побегом.

После этого “Украинца” из Грубешова повезли в Холм для встречи с бывшими знакомыми с целью информировать его по вопросам раскола среди оуновского провода.

Встретившись с Мохнацким — секретарем ЦК оуновской организации, “Украинец” попросил проинформировать его о делах ОУН. Мохнацкий, узнав “Украинца”, обрадовался, повел его в отдельную комнату, рассказал о расколе, показал ряд документов, часть из которых “Украинец” захватил с собой...

В документах, разоблачающих бандеровцев, фигурируют факты, когда против Коновальца было

организовано выступление бандеровцев в 1935 г. с целью захвата ими оуновского провода в свои руки.

Один из активных оуновцев, Барановский, разоблачил это выступление, и тогда бандеровцы наговорили на Барановского, что якобы он сотрудничал с польской полицией.

После разгрома Польши в 1939 г., когда Мельник сошелся с Бандерой на почве эмиграции, бандеровцы решили убрать Барановского и представили Мельнику фотоснимки, доказывающие сотрудничество Барановского с польской полицией. Дело было передано в “революционный трибунал”. “Революционный трибунал”, поддерживаемый Мельником, вынес определение об отсутствии виновности Барановского, но тем не менее Барановский от должности был отстранен.

Одновременно с этим мельниковцы подобрали материал о сотрудничестве бандеровца Горбового Ярослава с органами НКВД и обвинили в этом Бандеру. С этого начался раскол между мельниковцами и бандеровцами.

В настоящее время этот раскол дошел до такого состояния, что сотрудничество Мельника и Бандеры исключается.

Продолжая далее беседу, Мохнацкий заявил нашему агенту “Украинцу”, что с ним желает разговаривать полковник Сушко, который является заместителем Мельника.

Приехав в Краков, Мохнацкий представил “Украинца” полковнику Сушко. Последний, видимо, знал из докладов оуновца Шухевича о прибытии “Украинца” в генерал — губернаторство и весьма радовался этому случаю, подчеркивая, что предстоит очень много работы, а ценных людей недостаточно.

Сушко сообщил, что из многих посланных в западные области Украины оуновцев обратно возвращается очень мало, значительная часть гибнет при переходе через

границу, часть сидит в тюрьмах и, кроме того, организация находится в состоянии раскола, поэтому сейчас организации требуются решительные и преданные люди, которые могли бы вновь пойти за кордон для выяснения положения в западных областях Украины и налаживания работы.

“Украинец”, выслушав Сушко, сказал, что если требуется для организации, то “он готов по приказу пана полковника принять любое задание, и уверен, что его выполнит”.

Сушко был обрадован этим заявлением, пожал ему с благодарностью руку и сказал, что сейчас “Украинец” очень плохо выглядит, видимо, от пережитого в тюрьме, поэтому ему следует отдохнуть, а он, посоветовавшись с руководством, решит окончательно вопрос о его посылке.

Прощаясь, Сушко дал на дорогу “Украинцу” денег и сказал, что в Грубешов приедет человек, который привезет инструкции. Пароль — картинка с немецких папирос, порванная на две половинки, одну из которых Сушко вручил “Украинцу”, а другую вручит тот, кто приедет с инструкциями.

Возвратившись в Грубешов, “Украинец” узнал, что его разыскивают оуновцы бандеровского направления и, более того, бандеровцы хотели арестовать “Украинца” и доставить в Краков к Бандере.

После того как “Украинец”, возмущившись таким отношением, заявил, что он был у Сушко и имел встречу по деловым вопросам, бандеровцы отношение к нему резко изменили в лучшую сторону, и принимали меры к тому, чтобы склонить “Украинца” к работе с ними.

“Украинец”, видя, что бандеровцы имеют большой вес у немецкого гестапо, принял решение согласиться с их предложением.

21 ноября прибыл в Грубешов Мостович, привез с собой 1000 рублей советскими деньгами и 200 злотых

немецкого выпуска. Кроме того, вручил боевую гранату.

Перед “Украинцем” была поставлена задача: выяснить настроение населения западных областей, подробно информировать оуновцев о расколе центрального провода ОУН, при этом подчеркнуть положительные стороны Бандеры и необходимость установления связи с руководством оуновской организации на Волыни, в частности с его руководителем Скопюком.

25 ноября при содействии переправщиков и Мостовича “Украинец” вернулся на советскую сторону.

В целях наиболее успешной борьбы с оуновским подпольем в западных областях УССР состояние раскола оуновской организации в Кракове является наиболее удобным для широкого внедрения и подчинения нашему влиянию бандеровского направления как наиболее реакционного. В связи с этим нами установлен отец Степана Бандеры — Бандера Андрей Михайлович, уроженец г. Стрый Дрогобычской области, ныне являющийся священником украинской церкви в с. Тростянец Долинского района, которого имеем в виду ввести в дело Краковского провода...»[\[39\]](#)

На службе у оккупантов

Перед самым началом Великой Отечественной войны Степан Бандера инициировал создание Украинского национального комитета для консолидации борьбы всех подконтрольных ОУН(б) сил, а также подготовку Легиона украинских националистов (также Дружины украинских националистов — ДУН) при немецких войсках, военнослужащие которых в будущем составили ядро Украинской повстанческой армии (УПА — подробнее о ней будет рассказано в следующей главе). Состоявший в основном из пробандеровски настроенных украинцев, Легион делился на два батальона — «Нахтигаль» и «Роланд». Подготовка этого формирования проходила в Германии — несмотря на то, что ОУН(б) позиционировал Легион как орудие борьбы «против большевистской Москвы» и за «восстановление и защиту независимой соборной Украинской державы», данное подразделение стало результатом сотрудничества «бандеровцев» с немцами. Более того, оно и действовало в интересах Третьего рейха. Подробнее о боевом пути этих двух подразделений рассказано ниже.

Впоследствии Степан Бандера пытался оправдать это обстоятельство необходимостью «закрепления свободы и положения Украины» и писал, что «Украина готова (...) поставить на фронт против Москвы свое войско в союзе с Германией, если последняя подтвердит государственную независимость Украины и будет официально считать ее союзником». Руководство ОУН(б) планировало, что с началом советско-немецкого конфликта Дружины украинских националистов лягут в основу самостоятельной национальной армии, тогда как

немцы рассчитывали на использование украинских формирований в диверсионных целях.

Сотрудничая с германской разведкой

В сентябре 1946 года сотрудник немецкой военной разведки Зигфрид Мюллер на одном из допросов сотрудниками советской контрразведки подробно рассказал о том, чем занимались проживающие на территории Третьего рейха западноукраинские националисты. Вот фрагмент его рассказа:

«...В 1940 году, во время моей работы в 4-ом отделе (гестапо) Главного управления имперской безопасности Германии, один из лидеров украинских националистов — Мельник посещал начальника 4-го отдела Шройдера в его служебном помещении гестапо, где получал необходимые указания по работе.

Мельника я сам часто видел в стенах гестапо, а со слов Шройдера мне было известно, что он предложил Мельнику создать в Берлине “Управление по украинским делам”, деятельность которого направлялась бы немецкой разведкой.

От того самого Шройдера я знал, что гестапо старалось путем создания “Управления по украинским делам” в Берлине консолидировать украинское националистическое движение и через Мельника поставить его под свой постоянный контроль.

Вопрос: Мельник дал согласие возглавить “Управление по украинским делам”?

Ответ: Да, и такое управление в Берлине было создано при участии только сторонников Мельника. Однако в конце 1940 года, т. е. после переговоров Мельника со Шройдером, я перешел на работу в Абвер, в связи с чем мне были известны состав и практическая работа “Управления по украинским делам”.

Вопрос: Какие были отношения между Мельником и Бандерой в “Управлении по украинским делам”?

Ответ: Припоминаю, что во время беседы Мельника со Шройдером последний предложил Мельнику договориться с Бандерой о его участии в работе “Управления по украинским делам”. Шройдер говорил, что кадры украинских националистов нужны будут Германии для использования их на Востоке, под общим руководством Главного управления имперской безопасности Германии по работе среди украинского населения.

В ноябре 1940 года я перешел работать в Абвер, где узнал, что Мельник кроме связи с гестапо работает в германской военной разведке. Он являлся резидентом “Абверштелле-Берлин”. Об этом я знаю, поскольку сам работал в должности референта по разведке против СССР в “Абверштелле-Берлин”.

Вопрос: Откуда Вам это стало известно?

Ответ: Я работал в 1-м разведывательном отделе “Абвершталле-Берлин” на должности референта по разведке против СССР. Вместе со мной в одном кабинете работал капитан Пулюи, у которого Мельник был на личной связи и представлял ему разведывательные данные о Советском Союзе. Все шпионские сведения про СССР Мельник получал от своих сторонников — украинских националистов на территории Западной Украине, а также от резидентуры в г. Новый Золь (Чехословакия). В делах Пулюи я видел личное обязательство Мельника о сотрудничестве с “Абверштелле-Берлин” с приложением его фотографии. Пулюи работал с Мельником под псевдонимом “Доктор Кухерт”. Псевдонима Мельника по Абвершталле я не знаю. Из “Абверштелле-Берлин” меня направили на восточный фронт в немецкие военные разведывательные органы, в состав абверкоманды-304...»^[40]

Значительно больше рассказал о связях украинских националистов со спецслужбами Третьего рейха полковник Эрвин Штольце. До 1936 года он служил в Абвер-1 (военная разведка) и специализировался на организации разведки в странах вероятного противника Восточной и Юго-Восточной Европы: Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, западных регионах СССР. В 1937 году Штольце был переведен в Абвер-2, где отвечал за обеспечение и проведение диверсионных операций за рубежом. До августа 1944 года он исполнял обязанности заместителя начальника 2-го отдела Управления Аусланд/Абвер/ОКВ Лахузена. С февраля 1944 года сотрудничал с РСХА, а в сентябре 1944 года состоялся его официальный перевод в Главное управление имперской безопасности СС с назначением на пост руководителя секретного «явочного пункта Берлин». В обязанности Штольце вменена организация спецподразделений для ведения диверсионных действий в тылу наступающих союзнических войск — в первую очередь в тылу Красной армии^[41].

«...Для подрывной деятельности в Польше мы использовали украинских националистов. С целью привлечения широких масс для подрывной деятельности против поляков нами был завербован руководитель украинского националистического движения, полковник петлюровской армии белоэмигрант Евген Коновалец, через которого в Польше, областях Западной Украины проводились террористические акты, диверсии, а в отдельных местах — небольшие восстания. Аналогичная работа проводилась через белорусов и литовцев. В начале 1938 года я лично получил указания от адмирала Канариса о переключении имеющейся агентуры из числа украинских националистов на непосредственную работу против Советского Союза.

Через некоторое время в гор. Баден — близ Вены на квартире петлюровского генерала Курмановича я осуществил встречу с Коновальцем, которому передал указания Канариса. Коновалец охотно согласился переключить часть оуновского подполья непосредственно против Советского Союза, так как считал, что работу против поляков надо также продолжать, ибо эти мероприятия нами одобрялись. Вскоре полковник Коновалец был убит. После убийства Коновальца украинское националистическое движение возглавил Мельник Андрей, который, как и Коновалец, был привлечен к работе с немецкими разведывательными органами.

Абвер при проведении подрывной работы против СССР использовал свою агентуру для разжигания национальной вражды между народами Советского Союза. Выполняя упомянутые выше указания Кейтеля (начальник ОКВ (Верховное главнокомандование Вермахта) генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель. — *Примеч. авт.*) и Йодля (начальник Штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник Альфред Йодль. — *Примеч. авт.*), я связался с находившимися на службе в германской разведке украинскими националистами и другими участниками националистических фашистских группировок, которых привлек для выполнения поставленных задач.

В частности мною лично было дано указание руководителям украинских националистов, германским агентам Мельнику (кличка "Консул-1") и Бандере организовать сразу после нападения Германии на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск, а также для того, чтобы убедить международное общественное мнение о происходящем якобы разложении советского тыла...

Вопрос: При каких обстоятельствах Мельник был завербован в качестве агента немецких разведывательных органов?

Ответ: В работе полковника Коновальца как нашего агента для сохранения условий конспирации был завербован по его рекомендации украинский националист ротмистр петлюровской армии Ярый под кличкой "Консул-2", который использовался как агент-связник между нами и Коновальцем, а Коновалец, в свою очередь, как связной с националистическим подпольем.

Еще при жизни Коновальца Ярый был известен А. Мельнику и другим националистам как лицо, близкое к Коновальцу, и как активный националист, поэтому Канарис поручил начальнику Абвер-II полковнику Лахаузену (Эрвин Лахузен-Вивермонт. — *Примеч. авт.*) через Ярого связаться с Мельником, который к этому времени переехал из Польши в Германию.

Таким образом, в конце 1938 года или в начале 1939 года Лахаузену была организована встреча с Мельником, во время которой последний был завербован и получил кличку "Консул". Поскольку работать с Мельником, как агентом немецкой разведки, было поручено мне, то я также присутствовал во время его вербовки. Должен сказать, что вербовка прошла очень гладко, так как о деятельности Мельника мы знали в достаточной мере, и он, по сути, являлся агентом Коновальца в проводимой работе против поляков во время его проживания в Польше.

Вопрос: Продолжайте свои показания. Какую подрывную работу проводили немецкие разведорганы через украинских националистов?

Ответ: После вербовки, состоявшейся на конспиративной квартире (угол Берлинерштрассе — Фридрихштрассе), содержанием которой являлся офицер Кнюсман — доверенное лицо Канариса, Мельник изложил свой план подрывной деятельности. В основу

плана Мельник поставил налаживание связей украинских националистов, проживавших на территории тогдашней Польши, с националистическими элементами на территории Советской Украины, проведение шпионажа и диверсий на территории СССР, подготовку восстания. Тогда же по просьбе Мельника Абвер взял на себя все расходы, необходимые для организации подрывной деятельности.

На последующих встречах Мельник просил санкционировать создание при ОУН отдела разведки. Он утверждал, что создание такого отдела активизирует подрывную деятельность против СССР, облегчит его связь с оуновским подпольем, а также со мной, как сотрудником Абвера. Предложение Мельника было одобрено. Такой отдел был создан в Берлине во главе с петлюровским полковником Романом Сушко.

После окончания войны с Польшей Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза, и поэтому по линии Абвера принимались меры активизации подрывной деятельности, так как те мероприятия, которые проводились через Мельника и другую агентуру, казались недостаточными.

В этих целях был завербован видный украинский националист Бандера Степан, освобожденный немцами из тюрьмы, где он содержался польскими властями за участие в террористическом акте против руководителей польского правительства. Кто вербовал Бандеру, я не помню, но последний на связи состоял у меня.

В процессе активизации украинской националистической деятельности, которую мы проводили через свою агентуру, уже в начале 1940 года нам стало известно о трениях в руководстве националистического подполья, в частности, между нашими агентами Мельником и Бандерой, и о том, что эти трения ведут к расколу националистического движения.

Немецкой разведке в период подготовки к войне против СССР, когда необходимо было все для подрывной деятельности, эти трения, тем более раскол, были невыгодны. Поэтому по указанию Канариса летом 1940 года мною принимались меры к примирению Мельника с Бандерой, чтобы собрать всех украинских националистов для борьбы против советской власти.

Летом 1940 года я принял Бандеру, который в разговоре со мной обвинял Мельника в пассивности, доказывал, что он, Бандера, является избранным вождем украинских националистов, однако для пользы дела он примет все меры, чтобы помириться с Мельником.

Через несколько дней я снова принял Мельника, с которым провел аналогичный разговор. Мельник обвинял Бандеру в карьеризме, доказывал, что он своими необдуманными действиями погубит подполье, созданное на территории Советской Украины, особенно в западных областях. Мельник доказывал, что он по преемству получил от Коновальца руководство националистическим движением и просил помочь ему остаться в этом руководстве для единства организации. Здесь Мельник обещал принять все меры для примирения с Бандерой.

Несмотря на то, что во время моей встречи с Мельником и Бандерой оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришел к выводу, что это примирение не состоится из-за существенных различий между ними. Если Мельник спокойный, интеллигентный чиновник, то Бандера — карьерист, фанатик и бандит.

С нападением Германии на Советский Союз Бандера активизировал националистическое движение в областях, оккупированных немцами, и привлек на свою сторону особо активную часть украинских националистов, по сути, вытеснив Мельника из

руководства. Обострение между Мельником и Бандерой дошло до предела.

В августе 1941 года Канарис поручил мне прекратить связь с Бандерой и, наоборот, во главе националистов удерживать Мельника... Вскоре после прекращения связи с Бандерой он был арестован за попытку сформировать украинское правительство в Львове. Для порыва связи с Бандерой был использован факт, что последний в 1940 года, получив от Абвера большую сумму денег для финансирования созданного подполья в целях организации подрывной деятельности, пытался их присвоить и перевел в один из швейцарских банков, откуда они нами были изъяты и снова возвращены Бандере... Причем такой же факт имел место и с Мельником...

Вопрос: В какой степени использовались украинские националисты в борьбе с партизанским движением, подпольем компартии на оккупированной немцами Украине и какое руководство в этом был отдела "Абвер"?

Ответ: Отдел "Абвер" активно использовал украинских националистов в ходе всей войны с Советским Союзом.

Из числа украинских националистов формировались отряды для борьбы с украинскими партизанами, полицией вербовалась агентура из числа украинских националистов для заброски за линию фронта с целью диверсий, террора, шпионажа и т. д., однако подробностей этой работы я не знаю, так как этим занимались непосредственно абверкоманды, абвергруппы, абверштелле, специально созданные в округах оккупированной территории.

Во время отхода немецких войск с Украины по линии Абвера лично Канарисом были даны указания о создании националистического подполья (банд) для продолжения борьбы с Советской властью на Украине, проведения террора, диверсий, шпионажа. Специально для

руководства националистическим движением оставались официальные работники — офицеры и агентура. Были даны указания о создании складов оружия, продовольствия и др. Для связи с бандами агентура направлялась через линию фронта, а также сбрасывалась на парашютах. Боеприпасы и оружие сбрасывались бандам на парашютах...

Вопрос: Какие еще контрреволюционные формирования использовались немецкими разведорганами для подрывной деятельности против Советского Союза?

Ответ: В 1937 году по указанию Канариса я связался с бывшим гетманом Украины Скоропадским, находящимся в эмиграции в Германии, и через последнего с его сыном — Скоропадским Даниилом. По заданию Канариса я должен был выяснить у Скоропадского его связи и влияние на территории Советской Украины, после чего решить вопрос об использовании этих связей и самого Скоропадского нашей разведкой. Скоропадский очень охотно рассказал о связях и, видимо, понимая наши намерения, сам предложил сотрудничество с нами. В дальнейшем Скоропадский запросил большую сумму средств для организации работы на Украине, но Канарис, имея данные о несодержательности Скоропадского и незначительных его связях и влиянии на Украине, отказал Скоропадскому в финансировании, отказался от его услуг Абверу. Скоропадский все же добивался своего сотрудничества и был случай, когда он в моем присутствии доказывал Канарису о больших его связях в Америке, Англии и др. государствах и что он эти связи может использовать в пользу Германии. Канарис, считая, что Скоропадский ищет личной выгоды в своих связях с Абвером и что существенно ничего сделать для Абвера не может, с его услугами не согласился...

Во время оккупации немцами Украины офицер отдела Абвер II, работавший в Львове, капитан, профессор Кох донес мне, что им в нашей работе используется митрополит Шептицкий. После доклада об этом Канарису последний лично выезжал для связи с Шептицким, которую устраивал ему Кох...»^[42]

На самом деле сотрудничество украинских националистов с немецкими разведслужбами началось еще в начале двадцатых годов прошлого века, а если быть совсем точным, то в 1921 году, когда Евгений Коновалец дал руководителю абвера полковнику Гемппу официальное обязательство передать свою организацию в полное распоряжение германской военной разведки. В связи с этим УВО были назначены регулярные ежемесячные дотации в размере 9 тысяч рейхсмарок.

В 1923 году в Мюнхене на базе разведкурсов началась подготовка разведчиков из числа украинских националистов. В начале 1924 года был создан второй учебный центр. В 1928 году в Гданьске (тогда Данциге) было открыто третье учебное заведение.

С 1926 года в Берлине начал функционировать Украинский научный институт, деятельность которого финансировала германская разведка. Кураторами этого учреждения были генералы Гренер и Келлер, а директором известный украинский националист Дмитрий Дорошенко. Институт входил в т. н. систему остфоршунга — исследования Востока, зародившуюся еще во второй половине XIX века и неразрывно связанную с захватнической политикой Берлина. Одна из задач этого института — консультирование немецких военных в вопросах планирования боевых действий на Украине и осуществления оккупационной политики. В двадцатые годы прошлого века в разоренной Первой мировой войной, переживающей острейший многолетний политический и экономический кризис Германии планы по захвату Украины звучали

утопически, но немецкие военные работали на перспективу.

С лета 1926 года украинские националисты начали оказывать «услуги» политической разведке МИДа Германии. Теперь они занимались сбором информации не только военного, но политического и экономического характера на территории Советской Украины и Польши. «Повышенный интерес» к агентурному сотрудничеству с украинскими националистами проявлял шеф политической разведки МИД Германии Зехлин.

В одном из документов германской разведки результаты сотрудничества Берлина с украинскими националистами оценивались так:

«Сотрудничество было успешным, однако, в конце концов, это привело к аресту части лиц, которые выполняли работу для германских информационных служб. Обстановка внутри УВО стала особенно тяжела, когда в 1928 году около 100 ее членов находились в тюрьмах за государственную измену, а из собственных рядов шли укоры, что Коновалец, дескать, ведет торговлю своими людьми ради германских интересов»^[43].

Германский отдел Украинской военной организации (УВО) под руководством Рихарда Ярого (Рихард Франц Марьян Яри — бывший офицер австро — венгерской армии) установил контакты с главой штурмовиков Эрнстом Ремом и самим Адольфом Гитлером. При этом Ярый преследовал цель создания и обучения военизированных подразделений из числа украинских эмигрантов. В 1933 году между ним и Ремом было достигнуто соглашение, по которому молодым боевикам УВО — ОУН предоставлялись возможности для военного обучения на базах СА. Сам Рем симпатизировал украинским националистам и еще до своего прихода в НСДАП опекал их студенческие кружки в Мюнхене.

Украинская секция русской фашистской организации РОНД также была взята под опеку абвером, и ее члены были включены в спецподразделение «LEHR und BAUKOMPANIE Z.b.V.800», впоследствии развернутое в полк особого назначения «Бранденбург-800». К 1940 году этот полк имел в своем составе украинскую роту, проходившую обучение в Бадене Венском. Впоследствии это подразделение влилось в батальон «Роланд».

В 1938 году в Берлине было учреждено Украинское бюро во главе с агентом абвера полковником Романом Сушко. Основными задачами органа были регистрация и наблюдение за жизнью украинских эмигрантов.

В 1938 году абвер создал тренировочные центры для украинских политэмигрантов на озере Химзее под Берлин-Тегелем и в Квенцгуте под Бранденбургом, для подготовки пятой колонны на территории Польши и СССР.

В 1939 году 250 украинских добровольцев проходили спецподготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайном.

В преддверии крупномасштабных военных действий абвер приступил к вооружению групп ОУН и фольксдойчей на советской территории, контрабандным путем переправляя им оружие через границу.

Украинские добровольцы вербовались с помощью функционеров Украинского центрального комитета и его «допоможных» комитетов во всех крупных городах Польши. Под городами Холм и Бяла-Подляска существовали лагеря для украинских беженцев, где сотрудники абверштелле вели их опрос и вербовку в разведывательно-диверсионные школы.

Действовавшая с 1940 года при Абверштелле «Краков» школа подготовки разведчиков и диверсантов комплектовалась из украинцев — жителей Польши, членов ОУН. Школа была разбита на четыре лагеря (отделения): м. Криница — в 100 км на юго-восток от

Кракова, м. Дукла — 125 км на юго-восток от Кракова, м. Барвинек — в 15 км от м. Дукла, м. Каменица — в 50 км севернее м. Дукла. Школа была законспирирована под лагеря трудовой повинности, и часть ее курсантов выходила на сельскохозяйственные работы. В каждом отделении школы одновременно обучалось 100–300 человек. В местечках Дукла, Каменица и Барвинек находились члены бандеровской ОУН, в Кринице — мельниковцы. Руководили школой обер-лейтенант Арендт, капитан Вольф и лейтенант Эггерс.

Украинские агенты занимались военной подготовкой и изучали специальные предметы — разведку, диверсионное дело и организацию повстанческого движения. После окончания учебного курса часть агентуры направлялась на прежние места работы и использовалась в качестве контрразведчиков. Другие агенты несли охрану заводов на территории Польши в составе «Веркшутца» («Рабочая охрана») и принимали участие совместно с ГФП в операциях по разоружению польского подполья.

Выходцы из западных областей УССР проходили дополнительный четырехнедельный курс обучения при соединении «Бранденбург-800» в местечке Алленцее, и после окончания перебрасывались с заданиями в Советский Союз. Переброску таких агентов осуществляла специальная резидентура через переправочные пункты в Венгрии и Словакии.

Одним из первых крупных украинских формирований был так называемый Легион полковника Романа Сушка или Війсковий Виддил Націоналістів, в немецких документах он значился как «Bergbauernhilfe» (BBH). За этим «горно-вспомогательным» названием скрывался хорошо вооруженный отряд членов ОУН полковника А. Мельника численностью в 200 человек. Подразделение было сформировано после встречи шефа абвера адмирала Канариса с руководством мельниковской ОУН.

Отряд формировался в Германии (город Гаммерштейн) для ведения диверсионно-разведывательной деятельности в тылу польской армии в первые дни нападения Германии на Польшу, в состав которой тогда входила значительная часть Западной Украины. Новобранцами стали украинцы из ОНОКС, успевшие понюхать порох в борьбе за независимость этого никем не признанного государства.

Легион состоял из двух рот, те, в свою очередь, из трех взводов. Личный состав прошел горнострелковую и десантную подготовку в Альпах. Помимо этих дисциплин в курс обучения также входили топография, конспирация, диверсионная и строевая подготовка. Штаб-квартира легиона располагалась в Бреслау, а учебный центр в Зауберсдорфе (Австрия). Легионеры были одеты в стандартную униформу вермахта (по другой информации — в чехословацкую, изготовленную из черного материала), но без знаков различия, вооружены автоматами МП-38 и имели свое подразделение мотоциклистов.

К 25 августа 1939 года легионеры были сосредоточены в районе Меджилаборца — Выдрань — Полота, но в бой с польскими частями командование решило их не вводить. Впоследствии легион был отведен с передовой и 1 сентября 1939 года приказом майора фон Деммеля (начальник штабного отдела Абверштелле «Краков») переформирован в «Индустриальную охрану» («Werkschutz»), несшее впоследствии охранную службу промышленных объектов в Западной Польше. Часть легионеров поступила на службу в полицию, другие разошлись по домам. Наиболее подготовленные и преданные ОУН легионеры вошли затем в состав батальонов «Роланд» и «Нахтигаль».

В «Веркшутце» украинская молодежь проходила военную подготовку и рассматривалась руководством

ОУН (М) как основа для развертывания в будущем национальных воинских подразделений. Личный состав был одет в зеленую униформу австрийской полиции, было разрешено ношение трезубца на головных уборах.

Некоторые украинские источники сообщают, что легион Романа Сушко все же был использован на польско-немецком фронте и успешно провел захват города Самбор, который впоследствии отошел к советской оккупационной зоне. Помимо создания легиона, полковник Роман Сушко также производил подбор украинских кадров для обеспечения вермахта переводчиками и в этом деле преуспел. К моменту нападения на СССР украинские националисты продвигались вместе с передовыми частями армии и, будучи членами ОУН, способствовали созданию местных органов власти и полиции из коренного населения.

В марте 1940 года руководство ОУН, используя возможности абвера, отправляет диверсионные группы во Львов и Волынь для организации саботажа и акций гражданского неповиновения. В районы Бялы-Подляски и Влодава также забрасываются группы оуновских диверсантов, большую часть из которых нейтрализует НКВД. Об этом было рассказано в предыдущей главе.

Дивизия СС «Галичина»

В истории борьбы Украины за независимость, написанной националистами, это войсковое соединение занимает особое место. Оно было единственной армейской дивизией, укомплектованной украинцами, а в апреле 1945 года оно трансформировалось в 1-ю дивизию Украинской народной армии (УНА). При этом почему-то некоторые авторы забывают сообщить, что УНА в апреле-мае 1945 года существовала только в умах украинских националистов, а официальный Берлин не только не передал им укомплектованных украинцами войсковых частей, но и даже официально не объявил о своих планах в отношении УНА. До 10 мая 1945 года дивизией командовал генерал-майор СС Ф. Фрейтаг. Все ее военнослужащие получают германскую военную пенсию за период несения службы в этой дивизии, а также за время пребывания в лагере для военнопленных. Берлин материально обеспечил семьи военнослужащих дивизии.

К этому следует добавить, что с личным составом дивизии обращались согласно канонам прусской дисциплины, даже расстреляли за неподчинение капеллана — ксендза греко-католической церкви В. Стецюка.

Очень жестко пресекались любые попытки политизации и украинизации этого соединения. Так, было запрещено употреблять под страхом сурового наказания слова «украинец», «Украина» и «украинский». Также нельзя было вести разговоры о независимости Украины. Военнослужащие должны были именовать себя не украинцами, а галичанами^[44].

А кем ощущали себя сами военнослужащие? Большинство — солдатами вермахта^[45].

Кратко об истории этого воинского формирования.

28 апреля 1943 года по инициативе председателя Украинского центрального комитета и губернатора Львова Владимира Кубийовича и губернатора Галиции Отто Вехтера началось формирование дивизии войск СС «Галичина». Торжественная церемония по случаю организации дивизии прошла в здании администрации дистрикта «Галиция», в церемонии приняли участие представители власти, национал-социалистической партии, германской армии, ветераны Украинской Галицкой армии.

На призыв откликнулось не менее 70 тыс. галичан, из числа которых в ряды дивизии были приняты 13–14 тысяч. Остальные добровольцы были включены в состав германской полиции и составили пять новых полицейских полков (номера: с 4-го по 8-й — по общей нумерации с полками дивизии). В июле 1943 года были сформированы 4-й (1264 человека) и 5-й полки (1372 человека), в августе — 6-й (1800 человек) и 7-й. Причем они носили форму, аналогичную той, что военнослужащие дивизии, да и подготовку проходили в тех же учебных центрах. Фактически от полков дивизии они отличались лишь тем, что их использовали не на фронте, а в тылу — для проведения карательных акций против партизан и мирного населения. Так, 4-й полк под командованием майора Бинза в феврале 1944 года участвовал в операции против партизан в Галиции. В дальнейшем эти «полицейские полки» были упразднены, а их личный состав направлен на пополнение дивизии; 8-й полк был расформирован вскоре после его создания в ноябре 1943 года.

На основе дивизии СС «Галичина» была сформирована т. н. «Группа Байерсдорфа», которая в феврале 1944 года была направлена в Лубельск для борьбы против партизан. При этом она формально не была «полицейским полком». Вот чем она занималась.

«Операции боевой группы сосредоточились в районе Лубачов — Билгорай — Чешанов... Это была территория на которой действовало почти 2000 советских партизан, которые разрушали мосты, совершали набеги на города и села, уничтожали германские учреждения. Все это приводило к хаосу на этой территории... Операции группы выглядели, как бесконечный марш по территории, занятой партизанами. За исключением нескольких незначительных стычек, группа преимущественно шла по следам партизан».

В мае 1944 года два батальона дивизии участвовали в крупной операции против партизан.

Известны подробности о нескольких акциях, аналогичных названным выше. Так, в ночь с 1 на 2 февраля 1944 года «отряды жандармерии, СС и СС-Галичина в количестве около 3 тысяч человек в ночное время вошли в село Боров, гмина Аннополь, и с применением танков полностью уничтожили село, насчитывающее 280 хозяйств, а население истребили... Карательная экспедиция была возмездием за деятельность партизанских отрядов, которым население близлежащих сел предоставляло укрытие и помощь. Подсчитано общее количество убитых около 300 человек... Установлены фамилии 229 убитых... После уничтожения Борова те же самые гитлеровские подразделения провели карательную операцию в селе Щецин... Погибли несколько сот жителей...» В марте 1944 года «солдаты украинской дивизии СС-Галичина и украинская полиция, состоящая на немецкой службе, провели карательную операцию в селе Гоздов гмина Вербковице, фашисты расстреляли 30 жителей села, в т. ч. несколько детей и женщин...»^[46]

Специфичное использование солдат дивизии требовало специального отбора новобранцев. Не каждый солдат согласится участвовать в расправах над безоружным мирным населением.

К новобранцам предъявлялись следующие требования: рост — не менее 1 м 65 см, возраст — от 18 до 35 лет. Нужно отметить один малоизвестный факт: первые полки дивизии были укомплектованы членами ОУН(м) — «мельниковцами». Их оказалось недостаточно, и тогда начали привлекать тех, кто не был сторонником ОУН(м). Но даже и тогда члены ОУН(б) призыву в дивизию не подлежали. Правда, руководство ОУН(б) обещало не мешать рекрутской компании.

С членами ОУН(б) в дивизии СС «Галичина» все очень сложно и запутанно. Если Степан Бандера категорически выступал против комплектации германской дивизии украинскими националистами (он-то понимал, что Германия уже проиграла войну и нужно искать новых союзников), то один из его сподвижников Роман Шухевич «постановил использовать Дивизию для освободительной борьбы украинского народа, используя как центр подготовки офицеров, унтер-офицеров и солдат... Согласно его замыслу на каждые семь солдат дивизии должен приходиться, по меньшей мере, один член ОУН...» Это цитата из воспоминаний сотника Б. Пидгайного, который по приказу Романа Шухевича поступил на службу в дивизию.

В мае 1943 года один из лидеров украинских националистов профессор В. Кубийович обратился с воззванием к галичанам:

«Украинские граждане!

Пришло долгожданное время, когда украинский народ вновь получит в свои руки оружие, чтобы вступить в борьбу против грозного врага — большевизма. Вождь Великогерманского рейха дал свое согласие на создание отдельной украинской добровольческой формации под названием СС-стрелковой дивизии «Галичина».

Мы должны использовать эту возможность взять в руки оружие, ибо это является делом национальной чести и в нашем национальном интересе.

Участники освободительной борьбы, офицеры и солдаты УПА!

22 года назад, вы с глубоким сожалением прощались со своим оружием, когда бороться уже не было силы. Кровь ваших товарищей по оружию, что погибли на Поле Славы, зовет вас завершить начатое дело, исполнить великий обет, данный в 1918 году. Вы можете плечом к плечу с непобедимой немецкой армией уничтожить большевистскую свору, что ненасытно упивается кровью нашего народа и невиданно дикими способами доводит его до полного уничтожения. Вы сможете отомстить за невинную кровь миллионов ваших братьев, замученных в казематах НКВД, на Соловках, в Сибири, в Казахстане, за миллионы братьев умерших от голода в насильственно организованных большевиками колхозах.

Вы, что прошли тернистым, но геройским путем УГА, прекрасно понимаете, что такое неравная борьба. Вы представляете, что против такого врага, как красная Москва, можно идти лишь при поддержке, с полным оснащением и вооружением, другими словами: лишь плечом к плечу с той армией, что в силах разбить красную свору. Недавние антибольшевистские планы европейских держав 1918-1920 годов только подтверждают то, что в Европе есть только одна держава, которая может победить СССР, — Германия. Целых 22 года со святым терпением ждали мы святой войны против диких красных орд, что угрожали Европе.

Нечего говорить, что в этом всемирном сражении решается судьба украинского народа. Поэтому, нам следует с ясно понять всю важность настоящего момента и принять участие в вооруженной борьбе. Теперь эта борьба не является неравной и безнадёжной. Теперь против нашего вечного врага встала самая лучшая вооруженная сила мира. Теперь, или никогда!».

Пропаганда, способствовавшая притоку добровольцев, утверждала, что дивизия является

продолжательницей «славных традиций Украинских сечевых стрельцов». Селянам говорилось, что сокращение «СС» в названии дивизии расшифровывается как «сечевые стрельцы». Ее результаты немцы ощутили очень быстро.

Немецкий руководитель призыва гауптштурмфюрер СС К. Шульце сообщал в Берлин следующие окончательные итоги кампании:

1. Всего записалось добровольно — 80 тыс. человек,
2. Были признаны подлежащими призыву — 53 тыс.,
3. Включено в списки призывников — 42 тыс.,
4. Призвано — 27 тыс.,
1. Ходатайствовали об освобождении от службы — 1400,
6. Получили призывную повестку — 25 600 человек,
7. Призвано на службу — 19 047,
8. Фактическая численность новобранцев — 13 245,
1. Освобождено из лагерей подготовки вследствие болезней — 1487,
10. Пребывает в учебных лагерях — 11 578.

Кроме указанных категорий лиц, охваченных призывной лихорадкой, немцами были выделены людские излишки, образовавшиеся в результате работы комиссий, и направлены на формирование пяти полицейских полков и одного резервного батальона «Хайденхейм».

Отбор новобранцев производился специальными комиссиями под председательством немецкого окружного руководителя либо районного комиссара. В состав комиссии также входили офицер местной полиции, священник, учителя, чиновники и общественные деятели. В соответствии с установками руководства в дивизию брали исключительно украинцев.

Присяга членов дивизии была такой же, как у членов других добровольческих подразделений рейха:

«Я служу тебе, Адольф Гитлер, как фюреру и канцлеру германского рейха верностью и отвагой. Я клянусь покоряться тебе до смерти. Да поможет мне Бог!».

Хотя многие из офицеров дивизии были галичанами, большинство старших командных должностей занимали немцы (в том числе фольксдойче). Немцами были и два первых командира дивизии — генерал-лейтенант войск СС В. Шимана и сменивший его 20 ноября 1943 года Ф. Фрейтаг. По общей номенклатуре войск СС дивизии был присвоен № 14, а трем ее гренадерским полкам — 29-й, 30-й и 31-й.

Учебные центры дивизии СС «Галичина» были расположены в 45 населенных пунктах, в т. ч. на территории Голландии, Германии, Польши и Франции^[47].

В июле 1944 года, так и не завершив своего обучения, дивизия прибыла на фронт и была брошена против наступающего 1-го Украинского фронта под город Броды во время Львовско-Сандомирской операции. Попав в окружение вместе с немецкой 1-й танковой армией, в девятнадцатидневных жестоких боях она была почти полностью уничтожена. Из 11 тыс. солдат и офицеров лишь 3 тыс. вырвались из окружения. Оставшиеся военнослужащие погибли или попали в плен.

От 1000 до 1300 военнослужащих, которые выжили под Бродами, направили в танковую дивизию СС «Викинг» с целью обучения, а также приобретения опыта. Затем они оказались в Словакии, где в составе дивизии «Викинг» вторично вступили в бой с Красной армией. Как минимум 500 украинцев тогда погибли.

Повторное формирование началось 7 августа 1944 года на полигоне Нойхаммер, куда были направлены запасной полк дивизии СС «Галичина», насчитывавший около 8 тыс. человек, а также добровольцы, служившие

в 4-м и 5-м полицейских полках, сформированных из «избытка» апрельского набора 1943 года.

22 сентября 1944 года первый усиленный батальон (боевая группа «Батальон Вилднера»), сформированный из дивизии СС «Галичина», был погружен в три эшелона и отправлен в Братиславу. Там он был передан в распоряжение генерала войск СС Готтлиба Бергера, которого Гиммлер 31 августа 1944 года направил в Словакию с целью борьбы с просоветскими партизанами.

28 сентября 1944 года «штаб СС издал приказ, что бы все отряды дивизии, включая 14-й резервный полк, покинули Нойгаммер и отправились в Словакию, где должны были быть переданы под немецкое командование того округа... Боевые действия против партизан были выгодны для солдат дивизии, прежде всего, с пополнения запасов...» Поясним, что речь идет об изъятии у населения продовольствия, коней и телег. К концу 1944 года вермахт испытывал значительные трудности со снабжением, вот дивизию и перевели на «самообеспечение»^[48]. В Словакии дивизия находилась до конца 1944 года.

В январе 1945 года вся дивизия была отправлена в Югославию для борьбы с местными партизанами, где находилась до марта 1945 года, пока не была переброшена на территорию Австрии.

1 апреля 1945 года два полка дивизии (29-й и 30-й) при поддержке двух дивизионов полевой артиллерии участвовали в боях на территории Австрии. Затем фронт стабилизировался. В середине апреля 1945 года дивизия находилась в подчинении 6-й армии, которой командовал генерал танковых войск Герман Балк, 6-я армия передала ее в распоряжение IV-го танкового корпуса СС под командованием генерала войск СС Герберта Гилле. Таким образом, Украинская дивизия стала правым флангом 6-й армии. На день капитуляции дивизия имела на каждую пушку 10–15 снарядов.

После капитуляции Германии судьба военнослужащих дивизии сложилась по-разному. Около 1,5 тыс. военнослужащих попали в плен американцам — около 1 тыс. человек на территории Германии и 500 — Австрии. Около 10 тыс. украинцев попали в плен в английской зоне оккупации^[49]. Еще 4,7 тыс. ее солдат и офицеров были взяты в плен советскими войсками.

В отличие от большинства других восточноевропейских коллаборационистских соединений служащие дивизии не были выданы Советскому Союзу, им было разрешено эмигрировать в Канаду. Это было связано с тем, что западные союзники СССР по антигитлеровской коалиции (США и в первую очередь Британия) не признавали границы государств в Европе, к изменению которых имела отношение гитлеровская Германия. Лондон, признававший в полной мере Польское правительство в изгнании, считал население Западной Украины (в том числе и солдат 14-й дивизии, которые были в основном из Галичины и в меньшей мере Волыни) гражданами Польши, но не СССР, поэтому выдача их Советскому Союзу не представлялась британцам и США очевидной.

Диверсанты, ставшие карателями

Весной 1941 года 2-й Сбор ОУН(б) одобрил решение руководства организации о создании собственных военных формирований. Поясним, речь идет именно о создании собственных вооруженных сил с собственной униформой, знаками различия и т. п. Идея была одобрена в Берлине. В предстоящей войне с Советским Союзом этим формированиям отводилась роль подразделений охраны тыла вермахта. С другой стороны, немцы рассчитывали на определенный пропагандистский эффект, особенно на территории Западной Украины. Однако основная роль для боевых подразделений ОУН все же оставалась прежней — разведка и диверсии в тылу врага.

В связи с этим возникла изрядная путаница из-за различного понимания сторонами как статуса украинских формирований, так и их назначения. ОУН(б) с самого начала рассматривали союз с немцами как временный (до момента освобождения Украины от власти «москалей») и равноправный, а вооруженные отряды — как свои собственные подразделения: из-за этого в документах ОУН и вообще в изрядной оуновской историографии бытует название «Дружины украинских националистов» (ДУН). В Берлине считали иначе. С точки же зрения немецкого командования речь шла о создании при вермахте двух батальонов — специального отряда «Нахтигаль» (Spezialgruppe «Nachtigall») и «Организации Роланд» («Organisation Rolland»).

Формирование батальона «Организация Роланд» началось в середине апреля 1941 года на территории Австрии. Его личный состав был в основном укомплектован эмигрантами первой волны и их потомками. Кроме того, до 15 процентов от общей

численности составляли украинские студенты из Вены и Граца. Командиром батальона был назначен бывший офицер польской армии майор Е. Побигущий. Все остальные офицеры и даже инструкторы были украинцами, в то время как германское командование представляла группа связи в составе трех офицеров и восьми унтер-офицеров. Обучение батальона проходило в замке Зауберсдорф в 9 км от г. Винер-Нойштадт.

В первых числах июня 1941 года батальон отбыл в Южную Буковину, где еще около месяца проходил интенсивное обучение, по завершении которого походным маршем двинулся в район Ясс, а оттуда через Кишинев и Дубоссары — на Одессу.

В апреле 1941 года ОУН (Б) направила в учебный центр около 400 добровольцев, из которых и была сформирована специальная группа «Нахтигаль» (в послевоенных оуновских источниках — Северный куринь ДУН). Она была создана на основании договора между Верховным командованием немецкого вермахта (ОКВ) и руководством ОУН(б), благодаря поддержке руководителя военной разведки абвера адмирала Канариса.

Набор добровольцев проводило Бюро ОУН в Кракове под руководством сотника Романа Шухевича. Местная организационная сетка отсылала кандидатов в Краков, где они проходили медосмотр, а потом уже отправлялись в учебные лагеря.

Основной учебный лагерь размещался в городе Нойгаммере (Силезия), в расположении полка «Бранденбург-800». В Нойгаммере курсантов переодели в униформу, разделили на группы и подгруппы. Начался курс полноценной боевой подготовки под руководством инструкторов абвера. Продолжался он с начала мая 1941 года до 17 июня 1941 года.

Поскольку батальон «Нахтигаль» сам по себе не был крупной оперативной единицей, его прикрепили к 1-му

батальонному полку «Бранденбург-800».

18 июня 1941 года батальон перебросили в приграничные с СССР районы. В 03.15 утра 22 июня 1941 года 1-й Бранденбургский батальон получил задание наступать на Перемышль и перешел реку Сян. Он должен был атаковать оборонные рубежи Львова с северной стороны, а «Нахтигаль» шел в передовой линии как его резерв.

В полночь с 29 на 30 июня 1941 года командир «Бранденбурга» приказал захватить Львов. Обе части вошли в него в 04.30, не встретив сопротивления подразделений Красной армии. Еще накануне ночью последние части РККА покинули город.

Сотни «Нахтигалья» заняли некоторые стратегические и промышленные объекты, например ратушу и радиостанцию. При вступлении в город батальон разделили: часть первой сотни пошла охранять собор св. Юра, часть на улицы Лонского и Пелчинскую, вторая и третья сотни пошли на Замарстинов, где заняли тюрьму. Около 10.30 отряд в соборе св. Юра занял дом городской управы на площади Рынок. Часть 1-й сотни охраняла тюрьму НКВД на Лонского и была заменена отрядом немецкой полиции на следующий день, 1 июля, в 10.00.

Сотник батальона Роман Шухевич сразу после взятия города 30 июня 1941 года принял участие в ассамблее украинских представителей, которая провозгласила Акт независимости Украины. После этого украинские офицеры батальона были сняты с командных постов, а батальон перевели в непосредственное подчинение немецким командирам.

Отдельные военнослужащие батальона совместно с националистами из подполья ОУН и оперативно сформированными немцами подразделениями вспомогательной полиции приняли активное участие в карательных акциях во Львове и ряде других городов, в

ходе которых погибло несколько тысяч человек, преимущественно из числа еврейской и польской интеллигенции.

Из состава батальона были выделены небольшие группы, в задачу которых входила ликвидация людей, занесенных в составленные в соответствии с инструкцией ОУН от мая 1941 года «черные списки». Информация об этом содержится в послевоенных показаниях военнослужащего «Нахтигаля» Григория Мельника:

«В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа legionеров общей численностью около восьмидесяти человек. Среди них были Лущик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие.

Через 4–5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

Панькив и Лущик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определенные места, среди которых я запомнил названную ими бурсу Абрагамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреляли. Мне Лущик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских ученых, и назвали их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши».

«Черные списки» фигурируют и в показаниях другого оуновца, Ярослава Шпиталя. Он прибыл во Львов 2 июня и был включен в состав личной охраны одного из руководителей ОУН(б) Николая Лебеда.

«Мы размещались в доме по улице Драгоманова (бывшая Мохнацкого), № 22, в левом флигеле первого этажа. В подвале этого дома находились арестованные, которых ночью выводили по одному во двор и там расстреливали.

Расстрелы производили немцы и легионеры из батальона “Нахтигаль” из малокалиберных винтовок и пистолетов, чтобы было меньше шума.

Я сам видел, как лежащих во дворе людей освещали электрическими фонарями и тех, кто еще был жив, расстреливали. Потом их увозили в неизвестном мне направлении.

Я все это видел из окон комнаты, в которой мы размещались.

В одну из ночей привезли на автомашинах группу арестованных, их сразу отвели на второй этаж, где учинили им допрос и избивали. Ругань, крики, стон и плач были хорошо слышны в нашей комнате. Через некоторое время этих арестованных сбросили с балкона второго этажа на бетонированную площадку двора, после чего достреливали. Убитых быстро увезли.

За эти три дня там было расстреляно несколько десятков человек. Аресты и расстрелы производились по заранее подготовленным спискам».

Сведения об участии военнослужащих «Нахтигалья» в расстрелах львовских евреев были получены и западногерманским судом. Так, например, один из бывших членов оперативной команды СД «Львов» на допросе в 1964 году показал:

«Здесь я был свидетелем первых расстрелов евреев членами подразделения “Нахтигаль”. Я говорю “Нахтигаль”, так как стрелки во время этой казни... носили форму вермахта... Казнь евреев... была произведена во дворе гимназии или школы членами подразделения вермахта... Что это были члены подразделения “Нахтигаль”, я понял лишь позже, так

как я этим заинтересовался... Я установил, что участвовавшие в этой казни стрелки в немецкой форме говорили по-украински»^[50].

В активном участии украинских националистов в истребление мирного населения нет ничего удивительного. В пункте 17 постановления так называемого II Великого сбора ОУН, который состоялся в апреле 1941 года говорилось:

«Жи́ды в СССР являются наиболее преданной опорой господствующего большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине... Организация украинских националистов “поборюс” жидов как подпорку московско-большевистского режима...» Этим же «постановлением» евреи признавались «врагами украинской нации». Хотя не только их, но и «нежелательных польских, московских и жидовских элементов...»

Уже после начала Великой Отечественной войны во всех управах (националистических администрациях, созданных в помощь оккупантам) были развешаны лозунги и транспаранты^[51], призывающие украинское население физически истреблять «москалей, жидов, ляхов и чехов».

7 июля 1941 года батальон выехал на Тернополь и Гримайлов. Вместе с 1-м батальоном Бранденбургского полка «Нахтигаль» прикрепили к альпийской охранной дивизии. Около Браилова батальон вел тяжелые бои с частями Красной армии.

9 июля 1941 года «Нахтигаль» вошел в Винницу. После двух недель пребывания в городе «Нахтигаль» был отведен в город Юзвин. Там бойцы батальона узнали о присоединении Галичины к генерал-губернаторству Ганса Франка и про создание Рейхскоммисариата «Украина» во главе с Эрихом Кохом. Там же стало известно про аресты руководства ОУН (б),

которое 30 июня 1941 года попыталось во Львове провозгласить независимость Украины.

13 августа 1941 года был получен приказ о снятии батальона с фронта и отправку его в Нойгаммер для «дополнительной подготовки». Там «Нахтигаль» был расформирован, а бойцам приказали сдать оружие. Перспективы в связи с этим открывались достаточно неприятные и ничего хорошего в будущем не обещали. Среди бойцов начались аресты членов ОУН. Посему выбор у них был небогатый: оставить военную службу и искать какую-то работу в Германии (непонятно где и непонятно какую) или записаться в обновленную украинскую часть. Основная масса солдат и офицеров выбрала последнее.

В октябре личный состав «Нахтигаля» был отправлен во Франкфурт-на-Одере, где на его «Роланда» был сформирован 201-й батальон охранной полиции под командованием майора Е. Побигущего («Рен»).

Полицейские подразделения

На Украине, как и в других оккупированных областях, летом 1941 года при поддержке германского командования на местах стали создаваться многочисленные отряды самообороны и милиции. Их главным назначением было уничтожение оказавшихся в немецком тылу вооруженных красноармейцев, борьба с советскими разведывательно-диверсионными группами и партизанскими отрядами.

Активное участие в организации полицейских формирований приняли активисты ОУН, которые двигались на Восток вместе с германскими войсками в составе походных групп и дружин, как правило, под видом переводчиков, сотрудников хозяйственных органов или рабочих колонн. На базе трех таких колонн из добровольцев Буковины и Бессарабии был образован так называемый Буковинский курень общей численностью до 1,5 тыс. человек, выступивший 14 августа 1941 года в направлении Киева.

В это время на территории Белоруссии из военнопленных красноармейцев уже формировались первые украинские полицейские батальоны. 10 июля 1941 года в Белостоке началось формирование «1-го украинского батальона», в который было завербовано около 480 добровольцев — как украинцев по национальности, так и тех, кто за них себя выдавал. В августе батальон был переведен в Минск, где его численность выросла до 910 человек. В сентябре на основе части 1-го батальона началось формирование 2-го. Позднее они стали 41-м и 42-м батальонами вспомогательной полиции. К концу 1941 года они насчитывали 1 086 бойцов.

Во Львове, в котором украинцы составляли перед войной только около 15 процентов населения, штат местных полицейских формировался исключительно из украинцев. Данные формирования участвовали в геноциде евреев. Украинская полиция согнала в синагоги и там сожгла еврейское население Добромиля, Жолквы и Клевани. По свидетельствам поляков и евреев, в погромах, избиениях евреев во Львове и перемещению их в лагеря и тюрьмы участвовали украинская полиция и украинские националисты.

Из числа украинских коллаборационистов (не в последнюю очередь — Киевского куреня и Буковинского куреня) были сформированы батальоны украинской охранной полиции (шуцманшафт-батальоны или «шума») под номерами 109-й, 114-й, 115-й, 116-й, 117-й и 118-й. Главным их назначением была борьба с советскими партизанами.

До конца 1943 года на территории рейхскомиссариата «Украина» и в тыловых районах действующей армии удалось сформировать сорок пять украинских батальонов вспомогательной полиции (с 101-го по 106-й, с 108-го по 110-й, с 113-го по 125-й, с 129-го по 131-й, 134-й, с 134-го по 140-й, с 143-го по 146-й, 157-й, 158-й, с 161-го по 169-й).

На территории рейхскомиссариата «Остланд» и в тыловом оперативном районе группы армий «Центр» немцы сформировали десять украинских батальонов (41-й, 42-й, с 50-го по 57-й), в том числе один артиллерийский дивизион (56-й). Еще три батальона (с 61-го по 63-й) были созданы в Белоруссии в начале 1944 г. на основе кадров нескольких частей, формировавшихся ранее, а именно — 102, 115 и 118-го батальонов. Кроме того, 8 батальонов «шума» (201-й, с 203-го по 208-й, 212-й) были организованы в 1942–1944 годах на территории польского генерал-губернаторства.

Общая численность украинских полицейских батальонов оценивается в 35 тыс. человек.

Специально для вооруженной борьбы с белорусскими партизанами из числа легионеров «Нахтигаля» и «Роланда» в конце октября 1941 года был сформирован 201-й шутцманшафт-батальон, которым командовал майор Е. Побигущий. В середине марта 1942 года батальон был переброшен в Белоруссию. Здесь он стал именоваться подразделением 201-й полицейской дивизии, которая вместе с другими бригадами и батальонами действовала под верховенством обергруппенфюрера СС Эриха фон дем Бах-Зелевски. На счету 201-го батальона — десятки сожженных белорусских хуторов и деревень, а также волынское село Кортелисы, где было расстреляно 2800 жителей.

Большинство украинских батальонов вспомогательной полиции несли охранную службу на территории рейхскомиссариатов, другие использовались в антипартизанских операциях — главным образом в Белоруссии, куда в дополнение к уже созданным здесь батальонам с Украины был направлен целый ряд частей, включая 101-й, 102-й, 109-й, 115-й, 118-й, 136-й, 137-й и 201-й батальоны. Их действия, как и действия других подобных частей, задействованных в карательных акциях, были связаны с многочисленными военными преступлениями в отношении гражданского населения, наиболее известным из которых стало участие роты 118-го батальона под командованием хорунжего В. Мелешко в уничтожении деревни Хатынь 22 марта 1943 года, когда погибло 149 мирных жителей, половину из которых составляли дети.

50-й украинский охранный батальон участвовал в антипартизанской операции на территории Белоруси «Зимнее волшебство» (Winterzauber) в треугольнике Себеж — Освея — Полоцк, проведенной в феврале-марте 1943 года. Во время этой операции было разграблено и

сожжено 158 населенных пунктов, в том числе вместе с людьми сожжены деревни Амбразеево, Аниськово, Булы, Жерносеки, Калюты, Константиново, Папоротное, Соколово.

Украинские батальоны участвовали в охране 50 еврейских гетто и 150 крупных лагерей, созданных оккупантами на Украине, также в депортации евреев из варшавского гетто в июле 1942 года. Украинская полиция участвовала в ликвидации еврейского населения в Чуднове (500 человек, 16 октября 1941 года), в Радомышле и Белой Церкви украинские полицейские уничтожили еврейских детей. В Дубно 5 октября 1942 года украинские полицейские расстреляли 5 тыс. евреев.

В апреле 1943 года часть украинских полицейских батальонов была включена в состав пяти полицейских стрелковых полков (номера с 31-го по 35-й). Каждый такой полк имел в своем составе три батальона, в том числе один немецкий и два местных, однако с немецким кадром в 130 человек. Имеются данные по численному составу 31-го полицейского полка (включал в себя 51-й и 54-й батальоны), дислоцировавшегося в районе севернее Минска, на 23 ноября 1943 года. Немцев: офицеров — 18, унтер-офицеров — 127, рядовых — 250; добровольцев: офицеров — 4; унтер-офицеров — 55; рядовых — 245.

Из украинских полицейских полков один (31-й) формировался на территории Белоруссии, один (33-й) — на территории Украины и три (32-й, 34-й и 35-й) — на территории генерал-губернаторства. Один полк (32-й) так и не был сформирован, и его личный состав в конце августа 1943 года влили в другие части. В апреле 1944 года был расформирован 35-й полк, в конце августа того же года — 31-й. Что же касается последних двух (33-го и 34-го), то они оставались в боевом расписании соответственно до февраля и марта 1945 года.

В течение 1943 года ряд батальонов «шума» был расформирован немцами. Это относится, прежде всего, к 201-му батальону. Когда срок заключенного на один год контракта подошел к концу, офицеры и солдаты батальона отказались продлевать его и были распущены. Многие из них вступили затем в ряды Украинской повстанческой армии (УПА) и заняли в ней должности командиров и инструкторов.

В Белоруссии в феврале 1943 года на сторону партизан, в полном составе перешел 53-й полицейский батальон из числа сформированных в Могилеве. После этого случая немцы разоружили несколько других батальонов, из состава которых 1350 человек были отправлены в лагеря военнопленных, а 40 — расстреляны. Массовый переход к партизанам под воздействием советской пропаганды имел место в марте того же года в 121-м батальоне. Неблагонадежный батальон был также расформирован, а его остатки включены в состав другой части.

Большинство украинских полицейских батальонов прекратило свое существование с освобождением Украины советскими войсками. Одни батальоны были уничтожены в боях, другие дезертировали и перешли на сторону отрядов УПА, третьи были выведены в тыл и расформированы, а их личный состав передан в дивизии СС и другие формирования, в том числе и в РОА. Лишь единицы, как 208-й батальон, просуществовали до последних месяцев войны.

Помимо «активных» батальонов вспомогательной полиции, для охранной службы на местах была создана т. н. Украинская народная самооборона, общая численность которой в середине 1942 года достигала 180 тыс. человек, однако лишь половина из них имела винтовки. В 1943 году к этим формированиям под влиянием германской пропаганды о совместной борьбе с большевизмом, присоединилась часть бойцов УПА,

образовавших несколько т. н. легионов самообороны (Selbstschutz-Legions). Один из таких легионов — Холмский легион самообороны был организован бывшими офицерами армии УНР и имел собственную униформу и знаки различия.

Наиболее известным из формирований такого рода был Волынский легион самообороны, созданный в марте 1943 года активистами мельниковского крыла ОУН для защиты населения от реквизиций советских партизан и террора со стороны боевиков польской Армии Крайовой и немецких карателей. В самом конце 1943 года командование отряда достигло соглашения с немцами о совместных действиях, и в марте 1944 года легион вошел в оперативное подчинение германской Службы безопасности (СД), которая прислала в отряд двух офицеров связи. Теперь легион стал именоваться Украинским легионом самообороны, а официально — 31-м батальоном СД.

Еще одно подобное формирование, известное как Буковинская украинская самооборонная армия (БУСА), было создано в мае 1944 года и включало около 600 человек — в основном также из числа мельниковцев. Эта часть организовывалась в соответствии с приказом командующего 17-й армией и при поддержке 7-й пехотной дивизии вермахта, но в отличие от Украинского легиона самообороны не имела ни немецких офицеров связи, ни статуса германской воинской части. С приходом Красной армии одни бойцы БУСА присоединились к УПА, а другие — те, кто отступил в Словакию, в начале 1945 года влились в состав других украинских формирований, действовавших на стороне Германии.

Говоря об украинских охранных формированиях, следует упомянуть также отряды охраны промышленных предприятий (охоронні промислові відділи) и охранные команды концлагерей, в которых,

помимо украинцев, служили русские, литовцы и другие выходцы из СССР^[52].

Из карателей в повстанцы

30 июня 1941 года стремительно продвигавшиеся на восток немцы заняли Львов. Вслед за ними в город вошли бойцы батальона «Нахтигаль» во главе с Романом Шухевичем. В этот же день от лица руководства ОУН(б) Ярослав Стецько зачитал «Акт возрождения Украинского государства», сообщавший о создании «нового украинского государства на материнских украинских землях».

Вот текст этого документа:

«1. Волею украинского народа, Организации украинских Националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает восстановление Украинского государства, за которое положили головы целые поколения наилучших сынов Украины.

Организация Украинских Националистов, которая под руководством ее создателя и вождя Евгения Коновальца вела в последние десятилетия кровавого московско-большевистского порабощения упорную борьбу за украинскую национальную революционную свободу, призывает весь украинский народ не складывать оружие до тех пор, пока на всех украинских землях не будет создано Украинское суверенное государство.

Суверенная украинская власть обеспечит украинскому народу процветание и порядок, всестороннее развитие всех его сил и удовлетворение всех его потребностей.

2. На западных землях Украины создается украинская власть, которая подчиняется Украинскому Национальному правительству, которое будет создано в столице Украины Киеве в соответствии с волей украинского народа.

3. Восстановленное Украинское государство будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под руководством Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и мире и помогает украинскому народу освободиться из-под московской оккупации.

Украинская Национальная Революционная Армия, которая будет создана на украинской земле, в дальнейшем будет бороться совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенное Соборное Украинское Государство и новый порядок во всем мире.

Пусть живет Суверенное Соборное Украинское государство, пусть живет Организация Украинских Националистов, пусть живет Проводник Организации Украинских Националистов Степан Бандера!

Слава Украине! Героям слава!»^[53].

О том, что происходило в тот и на следующий день, подробно описано в «Информационном листке Президиума Украинского национального комитета». Документ датирован 1 июля 1941 года:

«УКРАИНЦЫ!

Исполняется наша вековая мечта. Украинские западные земли освобождены от кровавого врага — большевистских банд, пробуждаются для новой самостоятельной жизни. В столице Западной Украины — городе Львове развеваются украинские флаги и флаги победной союзной немецкой армии.

На волнах эфира звучит впервые вольное, не скованное украинское слово. Это передача первой Украинской националистической радиостанции им. полковника Евгения Коновальца во Львове. 30 июня 1941 г. в вечернее время дважды в эфире радиостанции от Организации Украинских Националистов звучал призыв к украинскому народу, и сообщения, и директивы о создании украинской власти во Львове и на

местах, о формировании Украинской народной милиции и создании собственной армии. Немецкий докладчик живо описывал свои впечатления от первого дня пребывания во Львове и спонтанных проявлениях приязни и братства со стороны украинского населения и его руководящих чиновников к непобедимой союзной немецкой армии и ее вождю Адольфу Гитлеру. Пропет ряд украинских и немецких песен, завершивших событие национальным гимном, песней “Не пора” и возгласом “Слава Украине!”.

В пламенных словах передан привет Проводнику Организации Украинских Националистов Степану Бандере.

* * *

В день 1 июля 1941 г. в 11 часов Украинская националистическая радиостанция им. полковника Евгения Коновальца сообщила: в переломный день исторической борьбы украинской нации, 30 июня 1941 г. во Львове в 20 часов состоялось Законодательное Собрание Западно-Украинских земель. Собрание провозгласило своей задачей заложить фундаментальные основы нового украинского строя.

Заместитель Проводника Организации Украинских националистов Ярослав Стецько зачитал от имени украинского народа, Организации Украинских Националистов и ее Проводника Степана Бандеры акт восстановления Украинской соборной государственности. Учредительное собрание и краевое управление Западно-украинских земель является временной украинской властью до создания Правительства Украинской соборной державы в ее исторической столице Киеве.

Собрание состоялось в родных стенах товарищества “Просвита”. Там долгие десятилетия ковались украинские национальные идеалы. Сегодня в этих самых стенах провозглашен самый важный акт — проявление украинской всенациональной воли.

После с речью выступил о[тец] др. Иван Гриньох, некогда студенческий капеллан, теперь капеллан Украинского националистического легиона Степана Бандеры под командованием сот[ника] Романа Шухевича. Он, в серой шинели, передал радость всей украинской нации в великую для нее минуту на пороге новой жизни.

Зачитан декрет ч. 1 Проводника Организации Украинских Националистов Степана Бандеры о назначении главой Краевого управления Ярослава Стецько. Проводник ОУН Степан Бандера письменно выразил пожелание украинскому народу на пути дальнейшей борьбы. На основе декрета ч. 1 глава Краевого управления Ярослав Стецько созывает членов Краевого управления.

Среди великого воодушевления принимались первые решения в делах Украинского государства. Краевое законодательное собрание закончилось пением украинского гимна и “Не пора”. Долго звучали овации в честь строительства новой украинской действительности во главе с Проводником ОУН Ст. Бандерой и в честь вождя Германии Адольфа Гитлера, немецкого народа и немецких вооруженных сил. Их представляло высшее офицерство немецкой армии.

Передано также приветствие митрополиту Кир. Андрею Шептицкому. Представитель немецкого правительства др. Кох передал привет украинской власти и украинскому народу.

Великий исторический день уже за нами. Впереди нам предстоят еще тяжелые испытания и борьба. Украинская нация борется плечом к плечу с немецким

народом и немецкой армией за новый порядок в мире. Немецкая армия является другом и союзником в украинской борьбе. Украинские вооруженные силы готовы кровью скреплять братство по оружию с немецким союзником. Выразителем этого является отдельный привет — декларация, направленная вождю Германии Адольфу Гитлеру, немецкому народу и победной немецкой армии.

* * *

Первая Украинская националистическая радиостанция им. полковника Евгения Коновальца во Львове представила для сведения украинского народа пастырское письмо Митрополита Кир. Андрея Шептицкого. Великий украинец обращает внимание на Божьи законы, на которые опирается справедливость и всякий строй. Засияла справедливость и для украинского народа. Защита этой справедливости потребует еще многих жертв. Украинский народ принесет их, если будет необходимость. Дальше Митрополит призывает к послушанию и подчинению главе Краевого управления Ярославу Стецько, который несет великую и тяжелую миссию в построении новой судьбы украинской нации. В конце Митрополит Андрей удостоил своим пасторским благословением Украинскую власть и украинский народ на его новом пути...»^[54]

В последующие несколько дней представители ОУН(б) сформировали исполнительный орган — Украинское государственное правление (УГП), организовали Национальное собрание, заручились поддержкой греко-католического духовенства, включая митрополита Галицкого Андрея (Шептицкого).

В Берлине среагировали на происходящее так:

«Оперативная группа В сообщала 2 и 3 июля 1941 г. о попытке украинских националистов под предводительством Бандеры провозглашением украинской республики, созданием милиции поставить немецкие власти перед свершившимся фактом.

Сверх того группа Бандеры в последнее время развила особенную активность по распространению листовок и др. В одной из таких листовок среди прочего говорится о том, что украинское освободительное движение якобы подавлялось раньше польской, а теперь подавляется немецкой полицией.

Далее Бандера, чтобы выставить себя лидером украинского освободительного движения, образовал Украинский Национальный комитет, причем сумел объединить в нем почти все группы эмигрантов, которые противостояли друг другу как мировоззренчески, так и политически. И лишь группа ОУН под предводительством полковника в отставке Мельника и группа УНО под руководством подполковника в отставке Омельченко не приняли в нем участие.

Принимая во внимание повышенную активность, особенно группы Бандеры, был отдан приказ о запрете на пребывание здесь различным руководящим украинским эмигрантам.

Несмотря на это, часть эмигрантов, очевидно, по поручению немецких властей, устремилась в Генерал-губернаторство. Так как понятным образом отдельные группы эмигрантов хотят повысить свою активность, 2 июля 1941 г. были приняты следующие меры:

- 1) Различные политические руководители из украинских эмигрантов отправлены в отставку, особенно на территории Генерал-губернаторства, в том числе и Степан Бандера.

- 2) От проживающих в рейхе лидеров украинских эмигрантских организаций под угрозой принятия более строгих государственных мер полицейского характера

еще раз настоятельно потребовать, всеми средствами заботиться о том, что бы члены их организаций придерживались данных им директив.

3) Всем украинцам, находящимся на территории генерал-губернаторства, однако, постоянно там не проживающим, будет предписано немедленно покинуть генерал-губернаторство и вернуться по месту жительства, в противном случае они будут арестованы»^[55].

3 июля 1941 года состоялась беседа представителей немецкой администрации и вермахта с членами Украинского национального комитета и Степаном Бандерой, где последним было сообщено о незаконности провозглашения независимого украинского государства и создания его правительства.

Степан Бандера появился на этой встрече не сразу, часть разговора прошла без его участия. Поэтому мы процитируем тот фрагмент беседы, где он присутствовал:

«Появляется Бандера, ему сообщают содержание предыдущего разговора.

Кундт: Я разъяснил господам, подписавшим информационный листок № 1 от имени Украинского национального комитета, не как Национальному комитету, а как частным лицам, что содержание этого информационного листка не соответствует фактам. Украинский главный комитет — единственная признанная организация украинцев в Г[енерал]-г[убернаторстве]. Но и он не правомочен представлять какие-либо политические интересы за пределами Г[енерал]-г[убернаторства].

Мы знаем, что разные украинцы, прежде всего пожилые и молодые эмигранты, неоднократно собирались и высказывали свои пожелания и мнения, и мы этому не препятствовали. В отношении поляков мы здесь совершенно открыто проводили разную политику.

Если бы поляки собирались и говорили о политике, мы бы арестовали их. К украинцам, которые живут здесь как гости, отношение особое.

Сначала нужно выиграть войну против Советского Союза. Пока вся область оперативных действий под властью германского вермахта. Что решит фюрер потом, когда боевые действия здесь закончатся, мы не знаем. В любом случае решать будет он, и только он.

Полагаю, это теперь понятно. Теперь я хочу спросить г-на Бандеру:

В этой загадочной передаче лембергской радиостанции или, может быть, другой, вражеской радиостанции, работавшей на той же волне, утверждается, что г-н Бандера был провозглашен фюрером свободного государства западных украинцев и что после этого он огласил или велел огласить декрет № 1, в котором назначил Стецко ландесфюрером.

Вопрос 1: Спрашивали ли Вас, г-н Бандера, хотите ли вы взять в свои руки бразды правления украинским государством, и по вашей ли воле была озвучена прокламация по радио?

Вопрос 2: От Вас ли исходит декрет № 1?

Пер[еводчик]: Г-н Бандера хотел бы попросить кое-что добавить по поводу украинской позиции.

Кундт: Но я указываю, что только германская позиция имеет решающее значение.

Бандера: Украинцы уже 20 лет ведут борьбу против большевизма, причем до сих пор в революционной форме. Они вели ее сами. Руководство ОУН вело борьбу против всех оккупантов на захваченной Украине революционными методами. До последнего времени эта борьба велась самостоятельно, от имени самостоятельной, независимой Украины. В этой борьбе ОУН всегда пыталась найти единомышленников и союзников до великого похода 1939 г. против Польши и России, а в последнее время только против

большевизма. Великогерманское государство, особенно национал-социалистическое, наш главный друг и в данном случае тот, кто до сих пор всегда стоял на нашей стороне. ОУН искренне во всех отношениях сотрудничала со всеми немецкими инстанциями. Она вместе с ними боролась с поляками, несла потери, наконец, сотрудничала в той форме, в какой с начала войны ей это позволяло германское правительство. Борьба против большевизма велась уже и в эти два года, но в полной тайне и только в той форме, в какой это допускали немецкие инстанции, с которыми она работала, то есть так, чтобы никоим образом не повредить политическому положению Германии или поставить его под угрозу.

Это время организация использовала для того, чтобы подготовить все факторы укр. условий к решающему сражению против своего величайшего врага на все времена — против русских, и особенно против большевизма. В этой работе ОУН в течение двух лет несла потери, потери во имя совместной политической борьбы. Организация подготовилась к вооруженной борьбе и сделала все для того, чтобы вступить в это решающее сражение с оружием в руках и в той форме, в какой ей определит германское правительство.

Кундт: Я сообщил в Берлин о желании Комитета УН сформировать укр. легион. Решения пока нет.

Бандера: ОУН вступила в сражение вместе [с Германией], часть в рядах немецкого вермахта, часть в качестве организаторов в тылу большевистских войск, где они должны выполнять задания по согласованию с вермахтом, часть в советской армии ради ослабления большевизма в сотрудничестве с немецкой армией.

Кундт: Все, о чем Б[андера] до сих пор сказал, известно мне и тем, кто имеет с этим дело, как в масштабах [содеянного], так и в его значении.

Ба[ндера]: Я хочу еще раз подчеркнуть это потому, что в этой борьбе мы не пассивные зрители, а активные участники в той форме, в какой сейчас нам дается возможность участвовать в этой борьбе.

Кундт: Это правильно, покуда вы связаны с немецкими учреждениями. Ваша работа будет также по достоинству оценена.

Ба[ндера]: В борьбе, которая сейчас идет, все борются за самостоятельную, независимую и свободную Украину. Мы боремся за укр. помыслы и укр. цели. Когда началась решающая битва, я отдал моим людям приказ сделать все, чтобы сражаться вместе с немецкими войсками. Я дал указание немедленно создать в занятых немецкими войсками областях администрацию и правительство. Это поручение я отдал еще перед войной.

К[ундт]: С ведома какого-либо немецкого учреждения?

Бан[дера]: Основой нашего полного и успешного сотрудничества с немецкими учреждениями была цель создания самостоятельного укр. государства. В эти два года мои люди шли ради нее на смерть и сегодня продолжают сражаться за нее.

Кундт: Я задал конкретный вопрос, по Вашему ли приказу после вступления немецких войск было провозглашено укр. земельное правительство и знало ли об этом какое-либо немецкое учреждение. Значение имеет не то, что вы представляли себе в результате сотрудничества с Германией, а только вопрос, знало ли немецкое учреждение о провозглашении правительства.

Ба[ндера]: Прежде чем вы начали боевые действия, я приблизительно 15 июня подал в рейхсканцелярию меморандум, в котором сказано, что следует немедленно приступить к формированию правительства. Я отдал приказ после освобождения украинцев создать в небольших областях правительства земель, а в более

крупных государственное правительство. Этот приказ перед началом операции был передан через границу повстанческим группам с распоряжением, чтобы эти группы тотчас же вступили в бой и создали на освобожденных территориях земельное и государственное правительство.

Кундт: Поставили ли Вы об этом в известность Абвер?

Ба[ндера]: Да, но Абвер и до и после начала войны заявлял, что некомпетентен в решении этих вопросов. Это было в Берлине. Подчеркиваю, это было не в форме некоего соглашения. Мне сказали, что офиц[иальные] инстанции еще не приняли никакого решения и что, возможно, возникнет укр. правительство, которое будет передано в руки укр. Это был просто разговор, а не обещание.

Ку[ндт]: На основании Вашего приказа Ваши люди после вступления немецких войск в Лемберг провозгласили Вас временным главой первого укр. прав[ительства] на Западной Укр.?

Ба[ндера]: Я отдал этот приказ как руководитель организации ОУН, т. е. как руководитель украинских националистов, так как эта организация возглавляет украинский народ. По поручению ОУН я объявил себя вождем украинского народа. ОУН была единственной организацией, которая вела борьбу и которая имеет право на основании нынешней борьбы сформировать правительство.

Ку[ндт]: Это право принадлежит немецкому вермахту и фюреру, который завоевал страну. Он имеет право назначить украинское правительство.

Ба[ндера]: Это было бы правительство, созданное по приказу германского правительства. И все же временно оно образовалось само, также с целью сотрудничать с немцами.

Ку[ндт]: Произошло ли это по согласованию с немецким военным комендантом?

Ба[ндера]: Я не знаю, сделали ли люди это на местах с согласия немецких инстанций или нет. Я дал инструкции делать все, что можно сделать по согласованию с немцами. Я полагал, что это согласовано, так как об этом сообщили по радио вместе с сообщениями немецкими.

Ку[ндт]: Интересно, что упоминания о немецком фюрере и немецком вермахте передавались на немецком и украинском языках, все остальное же только на украинском.

Ба[ндера]: Насчет событий в самом Лемберге я не был поставлен в известность. На собрании Украинского национального комитета в Лемберге присутствовал Стецко. Был ли там Старух, когда все это случилось в Лемберге, не знаю. Гриньох присутствовал там в качестве военного священника в немецкой форме.

Ку[ндт]: Моя задача сегодня заключалась в том, чтобы, во-первых, разъяснить вам, господа, какой ответ я на данный момент получил на запрос, который в свое время отправил в Берлин, а во-вторых, внести ясность во все лембергское дело. Дальнейшее меня не касается, мое дело только проинформировать об этом.

Хочу кое-что сказать господину Бандере: То обстоятельство, что он подал меморандум в рейхсканцелярию, еще не означает согласия относительно того, что его собственные замыслы совпадают с желаниями правительства рейха. Таким образом, он не может сказать, что то, что он сделал, было правомерным, а вследствие этого и то, что господа из Абвера, ведомства фюрера, эти намерения не одобрили. В какой мере и каким образом фюрер поддержит или не поддержит идеи и не только г-на Бандеры — очень многие другие украинские политики

также передавали свои меморандумы — зависит исключительно от фюрера.

Ку[ндт]: Кроме того, как человек, 20 лет наблюдавший борьбу украинцев в бывшей Польше и Советской России, я хотел бы еще отметить, что, по моему мнению, не только группа Бандеры, но и другие украинцы боролись и жертвовали собой, и, по-моему, могли бы изъяснить подобные притязания. Этим заявлением я не хотел бы умалить достижения г-на Бандеры и его людей, а только сказать, что мы, кто по долгу службы занимается этими вопросами, хорошо осведомлены о борьбе украинского народа, и что фюрер, когда сочтет, что время пришло, воздаст ей должное. Но никто не может действовать самовольно без ведома германского правительства. Я дам г-ну Бандере и другим господам хороший совет, ничего не предпринимать без соответствующего одобрения компетентных инстанций и, обращаю на это внимание, понимать, что, пока немецкий вермахт воюет с Советской Россией, страна является областью оперативных действий и остается таковой, пока фюрер не решит, что будет дальше. Я разъяснил все, что хотел, и дал присутствующим господам еще один добрый совет вести себя сообразно сказанному мной. Кто-нибудь хочет еще что-нибудь сказать?

Ба[ндера]: Я хочу еще раз заявить и дать понять, что, отдавая все свои приказы, я не опирался на приказ или согласие со стороны какой-либо немецкой инстанции. Во всех приказах, которые я отдал, я опирался не на какие-либо немецкие инстанции или согласие немецких инстанций, а только на мандат, полученный мною от украинцев. Строительство и организация украинской жизни возможны, в первую очередь, руками украинцев на территории, населенной украинцами, и, разумеется, это может произойти только тогда, когда будут привлечены к этому украинские

факторы. Я считаю, что пока это может произойти лишь в согласии с немцами.

Ку[ндт]: Что там будет происходить, решает только Адольф Гитлер»^[56].

Спустя три дня после этой встречи, 5 июля 1941 года немцы поместили Степана Бандеру «под почетный домашний арест»^[57]. В январе 1942 года его отправили в специальную тюрьму для политиков Целленбау при концлагере Заксенхаузен, в сентябре 1944 года он был освобожден.

Пока он находился в заключении, «бандеровцы» создали вооруженные формирования — УПА (Украинскую повстанческую армию), которая воевала сначала с советскими партизанами, при этом иногда уничтожая мирное польское население на Волыни, а потом с Красной армией и внутренними войсками, убивая при этом советское мирное население.

Рождение Украинской повстанческой армии

Первое упоминание о вооруженном формировании ОУН(б) содержится в тексте «Акта провозглашения украинской государственности от 30 июня 1941 года»:

«Украинская национальная революционная армия создается на украинской земле, будет бороться дальше совместно с союзной немецкой армией против московской оккупации за Суверенную Соборную Украинскую Державу и новый порядок во всем мире».

С началом операции «Барбаросса» ОУН(б) на «освобожденных» вермахтом территориях началось формирование отрядов украинской милиции. 25 июня 1941 года Ярослав Стецько в своем письме-отчете Степану Бандере писал: «создаем милицию, которая поможет убирать евреев»

С осени 1941 ОУН(б) уделяет внимание наполнению украинской вспомогательной полиции своими сторонниками не только на западе, но и на востоке оккупированной немцами территории Украины — «украинская национально-сознательная молодежь должна массово добровольно записываться в кадры украинской полиции» на восточнукраинских землях. Именно подразделения украинской полиции (4–6 тыс. человек) стали важной составляющей частью формирования УПА весной 1943 года.

Украинская милиция была широко задействована в уничтожении советских граждан и прежде всего евреев, цыган и коммунистов. Так, к концу осени 1941 эти формирования приняли активное участие в уничтожении от 150 до 200 тыс. евреев только на территории Рейхскомиссариата Украина. В 1942 году они продолжили участие в уничтожении еврейского

населения в западных и восточных областях Украины. Подразделения милиции были задействованы в охране концентрационных лагерей для военнопленных и еврейских гетто. К концу октября 1941 года «Украинский легион» в составе около 650 человек был перебазирован во Франкфурт-на-Одере, где с 25 ноября с его членами началось заключение индивидуальных контрактов на службу в немецкой армии сроком на 1 год — с 1 декабря 1941 по 1 декабря 1942 года.

К концу марта 1942 года «Украинский легион», где будущий командующий УПА Роман Шухевич был заместителем командира, направили в Белоруссию в ведение 201-й охранной дивизии вермахта. В апреле 1942 года решением проходившей под Львовом второй конференции ОУН(б) «вооруженная борьба против немецкого оккупанта» откладывалась на неопределенный срок. Основными задачами ставилась борьба «против московско-большевистских влияний, против пропаганды партизанщины» и против «оппортунистов» — ОУН(м) и УНР.

За девять месяцев пребывания в Белоруссии, по собственным данным, «Украинский легион» уничтожил более двух тысяч советских партизан, потеряв сорок девять убитыми и сорок человек ранеными.

В начале декабря 1942 года его начали перебрасывать обратно в генерал-губернаторство.

В конце 1941 года во Львове собралась «военная конференция бандеровского ОУН», на которой было принято решение об ускорении работы по созданию вооруженных сил ОУН. В итоговом документе подчеркивалось, что «все боеспособное население должно стать под знамена ОУН для борьбы против смертельного большевистского врага». В целом тезис «любая наша вооруженная акция против немцев была бы помощью Сталину» отображал основную направленность действий ОУН(б) в 1942 году.

После разгрома немцев в Сталинграде и приближении Красной армии к Украине активность советских партизан на ее территории значительно возросла. Зимой 1942-1943 года на ее территорию перебазировалось два крупных партизанских соединения из Беларуси. Все большее число населения ассоциировало советских партизан с защитниками от немецких оккупантов, в то время как ОУН(б) все больше теряло свою популярность.

Обстоятельства вынуждали их действовать: 17-23 февраля 1943 года в Олевске Львовской области на III конференции ОУН было принято решение об активизации своей деятельности и начале вооруженной борьбы.

Этот шаг имел такие цели:

- оторвать от влияния Москвы те элементы украинского народа, которые ищут защиту от угрозы со стороны немецкого оккупанта;

- демаскировать московский большевизм, который свои империалистические намерения и далее угнетать Украину прикрывает лозунгами защиты украинского народа и других угнетенных народов от немецкого оккупанта;

- добыть для украинского народа и для национально-освободительной борьбы независимую позицию на внешнеполитической арене.

Несмотря на призывы М. Степняка (руководитель ОУН на западноукраинских землях) о развертывании широкого вооруженного восстания против немцев большинство конференции поддержало Дмитро Клячковского и Романа Шухевича, по мнению которых основная борьба должна быть направлена не против немцев, а против красных партизан и поляков. Борьба же против немцев должна была вестись исходя из интересов ОУН, и иметь характер самообороны украинского народа.

Ряды будущей УПА в период с 15 марта по 4 апреля 1943 года пополнило от четырех до шести тысяч членов украинской полиции. Большинство этих людей принимали активное участие не только в карательных операциях против советских партизан, но и уничтожение местных жителей.

К 1 мая 1943 года была создана Главная команда УПА, которую возглавлял В. Ивахив, а после его гибели 13 мая 1943 года — Дмитро Клячковский («Клим Савур»). По его приказу в конце мая 1943 года «вооруженные подразделения самостийников-государственников» получили наименование Украинская повстанческая армия (УПА).

В июне 1943 года в УПА создана военно-полевая жандармерия и СБ (служба безопасности).

В июне — начале августа 1943 года УПА состояло из двух групп: первая группа УПА (УПА-Юг) и УПА-Север.

После проведения III чрезвычайного большого сбора ОУН (на котором было принято решение о «стратегии борьбы на два фронта — против «московского и немецкого империализма») произошла первая крупная реорганизация структур УПА. В связи с увеличением численности рядов были сформированы:

Северо-Западная группа (военный округ «Туров»);

Северная группа (военный округ «Заграва»);

Южная группа (военный округ «Эней»);

Восточная Группа (военный округ «Верещаки»)^[58].

27 августа 1943 года Главная команда УПА издала указ, согласно которому все члены УПА именовались казаками и делились на три группы: казаки-стрельцы, подстаршины и старшины. Вводились воинские звания и ранги: подстаршинские, старшинские и генеральские.

В ноябре 1943 года в УПА был создан Главный военный штаб.

В декабре 1943 года, согласно инструкции Главного военного штаба и Главной команды УПА «Про военные

ступени и функции», личный состав УПА состоял из:

- рядовых;
- подстаршин;
- старшин;
- генералов.

Структура УПА в тот период: три роя (отделения) объединялись в чот (взвод), три чота — в сотню (роту), три сотни — в курень (батальон), три куреня — в отряд (полк), три отряда — в группу (дивизию)^[59].

Вводились награды:

- Бронзовый крест УПА за боевые заслуги;

- Серебряный крест УПА за боевые заслуги (I и II ступени);

- Золотой крест УПА за боевые заслуги (I и II ступени);

- Медаль «За борьбу в особо сложных условиях»;

- Бронзовый крест УПА за заслуги;

- Серебряный крест УПА за заслуги (I и II ступени);

- Золотой крест УПА за заслуги (I и II ступени)^[60].

В конце января 1944 года УПА на Волыни — Полесье была преобразована в УПА-Север.

На базе Украинской Народной Самообороны (УНС)^[61] была создана УПА-Запад.

27 января 1944 года Д. Клячковский стал командиром УПА-Север, а Роман Шухевич становится главнокомандующим УПА.

В силу ряда причин объективного и субъективного характера УПА-Юг и УПА-Восток так и не были созданы. Под их названиями действовали подразделения военных округов «Богун» и «Лисоня» (УПА-Юг) и «Тютюнник» (УПА-Восток).

Численность УПА весной — в начале лета 1944 года достигла 25–30 тыс. вооруженных бойцов. Согласно данным одного из командиров УПА, 60 % старшин и стрелцов были галичанами, 30 % — волынянами и жителями Полесья, и лишь 10 % — жителями Приднепровья.

До вступления Красной армии на территорию Западной Украины главным противником УПА было польское мирное население. По данным украинских ученых, в результате действий УПА погибло от 60 до 100 тыс. мирных поляков. По оценкам историка Нормана Дэвиса, от рук УПА погибло от ста до 500 тыс. этнических поляков.

Другой противник УПА — советские партизаны. Первые сообщения об активизации украинских националистов в действиях против советских партизан относятся к началу весны 1943 года, хотя и в 1942 году националисты стремились уничтожать небольшие разведывательно-диверсионные группы советских воинов, сбрасываемых с самолетов на территорию Волыни, и им это иногда удавалось.

С момента формирования УПА в 1943-1944 годах уничтожение советских диверсионных групп отрядами националистов стало нормой. В то же время попытки вести действия против партизанских отрядов и попытки засылки своих агентов в них для уничтожения командного состава заканчивались безрезультатно. Так, операция шести сотен УПА (курень «Осипа» и курень «Крапивы») 22 июля 1943 года против отряда советских партизан из двухсот человек не принесла им желаемого результата, а попытки уничтожить партизанское соединение О. Федорова силами групп УПА «Туров» и «Заграва» в октябре 1943 были легко отбиты. Рейд Ковпака (июнь-сентябрь 1943 года) в Галицию привел к экстренному формированию Украинской национальной самообороны (УНС). Уже в августе 1943 года отряды УНС нападали на мелкие группы ковпаковцев, отходивших к месту сбора в Полесье.

С конца 1943 года УПА противодействовала крупным соединениям советских партизан, получивших задание пробиться в тыл немецких войск. С конца февраля — начала марта 1944 года советские партизаны сообщали

о совместных действиях немцев и националистов против них. Основным негативным фактором от действий УПА указывалась утрата одного из важнейших козырей партизан — скрытности перемещения, — наблюдатели ОУН и УПА сообщали немцам о местонахождении партизанских отрядов. Им же УПА передавало захваченных партизан и парашютистов.

На территории генерал-губернаторства (Холмщина, Подляшье) в боях с польскими партизанами с осени 1943 года УПА действовало совместно с подразделениями дивизии СС-Галиция. Бои в южной Люблинщине в 1943–1944 годах считаются польскими историками наиболее крупными столкновениями между УПА и польскими партизанами на территории современной Польши — обе стороны потеряли от трех до четырех тысяч человек, преимущественно гражданского населения.

В начале 1944 года действия УПА против польских партизан активизировались и в Восточной Галиции и длились до подхода фронта летом 1944 года. Здесь они также взаимодействовали с подразделениями дивизии СС-Галиция и немецкими подразделениями.

Резня на Волыни

Весной 1943 года Волынский краевой провод ОУН(б) принял решение об изгнании с Волыни местных поляков. Действия украинских вооруженных отрядов первоначально были направлены против охранявших леса и государственные поместья (легеншафты) поляков — служащих немецкой администрации. Затем они распространились также на проживающих в сельской местности поляков — сначала на прибывших в межвоенный период, а затем и живших там постоянно. Своего пика события достигли 11 июля 1943 года, когда одновременно было атаковано более 150 польских населенных пунктов. В течение 1943 года на территории Волыни было создано до 100 польских баз самообороны, большая часть которых была уничтожена отрядами УПА. Уцелели лишь крупные, имевшие хорошую материальную поддержку со стороны Армии Крайовой и пользовавшиеся помощью советских партизан.

В ходе проведенного в Польше исследования «Карта» было установлено, что в результате действий УПА-ОУН(б) и СБ ОУН(б), в которых принимала участие часть местного украинского населения и порой отряды украинских националистов других течений, число погибших на Волыни поляков составило не менее 36543–36750 человек, у которых были установлены имена и места гибели. Кроме того, тем же исследованием было насчитано от 13,5 до более чем 23 тыс. поляков, обстоятельства гибели которых не выяснены.

Когда вернулась советская власть

В июле 1944 года по инициативе ОУН и УПА создается объединенный Украинский главный освободительный совет (УГВР), который возглавил Кирилл Осьмак. Этот пост он занимал недолго. Чекисты арестовали его 13 сентября 1944 года. Умер во Владимирской тюрьме в 1960 году.

На территории Южной Белоруссии 250 групп УПА численностью от 25 до 500 человек только с 1944 года по 1946 год провели 2384 диверсий и терактов, убив 1 012 человек. По данным некоторых историков, отдельные подразделения Украинской повстанческой армии в 1943–1944 годах имели на своем вооружении танки и самолеты! Группы УПА с 1944 по 1947 год действовали на территории центральной (Киевская и Житомирская области) и Южной Украины. До начала Великой Отечественной войны эти регионы считались безопасными с позиции существования националистического подполья.

Структура УПА была тщательно продумана и глубоко законспирирована. Территория, на которой действовали боевики, была разбита на четыре части: УПА-Запад (Галичина, Польша, Закарпатье), УПА-Север (Волынь, Полесье), УПА-Юг и УПА-Восток (Средне-Восточная Украина). Регионы, в свою очередь, делились на Военные округа, те же дробились на тактические отрезки, курени, сотни, рои и т. д. Всего за период с 1943-го по 1954 год через УПА прошло около 100 тыс. боевиков.

Не следует забывать и о подпольном аппарате ОУН, который взял на себя основные функции поддержки скрывающихся в лесах повстанцев: контрразведка (печально знаменитая своей жестокостью СБ — «служба безпеки»); подготовка резервов (в каждом селе

создавались «отряды самообороны»); связь; разведка; снабжение продовольствием и медицинское обслуживание.

Если в годы немецкой оккупации между советскими партизанскими отрядами и националистическими формированиями происходили отдельные боевые столкновения, то с момента освобождения территории Западной Украины на этих землях началась настоящая война. Достаточно сказать, что только с июня по октябрь 1944 года в Волынской области УПА нанесло 800 ударов по армейским тыловым объектам. Были случаи нападения на маршевые колонны и уничтожение командного состава. В ответ к операциям против повстанцев широко привлекались части 2-й гвардейской, 13-й, 38-й и 52-й армий, а также оперативные возможности военной разведки и «СМЕРШа».

Для усиления армии на Волынь до апреля 1944 года перебросили Сухумскую и Орджоникидзевскую дивизии, пять бригад, 18-й кавалерийский полк внутренних войск НКВД, несколько бронепоездов, танковый батальон Особой дивизии внутренних войск имени Дзержинского из Москвы; им содействовали семь отрядов и 42-й мотострелковый полк Пограничных войск НКВД^[62].

С февраля 1944 года по июнь 1945 года на территории Западной Украины было проведено 17 733 чекистско-войсковых операций. В результате убито 91 615 человек, 96 446 человек захвачено живыми и 41 858 человек добровольно сдались в плен^[63].

Прочтя приведенную выше статистику можно решить, что бойцы УПА сражались до последнего, как их предшественники в 1940 году. На самом деле это не так. В первые месяцы противостояния советской власти и ОУН-УПА первой удавалось достаточно легко выигрывать схватки. Одна из причин — у большинства повстанцев не было реального боевого опыта. Так, с 10 по 31 января 1945 года в ходе чекистско-войсковых операций^[64]:

	Убито	Ранено	Явилось с повинной
Львовская	711	4 732	4 335
Дрогобицкая	876	1 729	3 677
Станиславская	994	1 323	1 155
Волынская	Нет данных	400	636
Тернопольская	Нет данных	461	438
Черниговская	Нет данных	198	604

В начале 1945 года руководство НКГБ Украины планировало до начала лета полностью ликвидировать УПА на территории республики. По ее данным, на 25 января 1945 года имелось 496 отрядов общей численностью 25 353 «боевика». По данным предоставленным обкомами 15 марта 1945 года в Львовской области осталось 49 банд (1200 бойцов), Волынской — семь (704 бойца); Ровенской — 55 (1160 бойцов); Дрогобицкой — 69 (1384); Станиславской — 11 (2150) и Тираспольской — 79 (1908)^[65].

Были и другие данные — о количестве нейтрализованных повстанцев на Волыни^[66].

	Убито	Взято в плен	Арестовано членов ОУН	Задержано дезертиров	Задержано повстанцев	Явилось с повинной	Всего
По состоянию на 1.XI.1944 г.	3541	2461	1228	5379	676	1583	14767
Ноябрь 1944 года	551	265	166	341	56	35	1416
Декабрь 1944 года	624	30	103	981	140	974	3072
Январь 1945 года	871	436	110	1018	337	1108	4026
Февраль 1945 год	924	857	97	2 278	340	1544	6050
Март 1945 года	823	961	65	1109	167	1411	4535
Апрель 1945 года	348	410	49	702	238	958	2700
Май 1945 года	198	226	48	240	279	413	1304
Июнь 1945 года	162	120	13	322	98	156	871
Итого	8042	6046	1886	12320	2271	8117	38742

К сожалению, быстро ликвидировать вооруженные формирования западноукраинских националистов Москве реализовать не удалось. Бои с ними продолжались до середины пятидесятих годов прошлого века.

Противники мирной жизни

В августе 1945 года высокопоставленный функционер ООН Василий Дьячков-Чижевский в Мюнхене в течение двух часов беседовал со Степаном Бандерой. Первому предстояло нелегально проникнуть в Советский Союз, а второй инструктировал его.

В январе 1946 года Дьячков-Чижевский на допросе в НКГБ рассказал:

«В мою квартиру пришел Степан Бандера с Николаем Климишиным. Разговор касался моего отъезда для налаживания связей с организацией и УПА на украинских землях...

Если я встречу кого-то из руководителей, то нужно разузнать об обстановке на украинских землях. Передать данному проводнику я должен был такие дела:

Положение эмиграции на данный момент тяжелое. Эмиграция живет только мыслью о том, вынудят ли ее вернуться, а если останется, то как и где она будет жить. В таких условиях и работа организации осложнена. И доныне (август 1945 г.) не удалось отыскать всех людей из руководства. Бывшие руководителя Организации разбрелись по всем странам, по разным оккупационным зонам кто куда мог, так что наладить с ними постоянный контакт — задача не из легких. Например, Лебедь выехал куда-то на юг во время разгрома Германии, и до сих пор от него не было известий. Говорить можно только о тех, кто находится сейчас на территории Баварии и с кем есть контакт. Действовать организация продолжает как зарубежное представительство УГВР. Говорить можно только о работе среди украинцев.

Среди всего этого наступившего хаоса активизировались другие группировки и партии. Мельниковцы вербуют новых членов и любой ценой стремятся усилить свое влияние. Также активными стали и УНРовцы под предводительством Дмитра Левицкого. Эти в большинстве своем действуют среди старой эмиграции.

Более активными также стали гетманцы. Правда, гетман погиб, будучи раненным во время бомбардировок, но движение возглавил Дорошенко.

Вне всех этих партий встал крайне активный Бульба, и сразу же была организована какая-то украинская демократическая партия, украинские комбатанты, и даже клуб бывших украинских парламентариев (польских), который организовал Васыль Мудрый.

Каждая из этих партий выдвигает свои концепции, а мельниковцы и гетманцы выдвигают предложение по объединению всех партий для общего дела.

Специально Мельник высказывал мысль о межпартийном взаимопонимании четырех группировок (Мельниковцев, Бандеровцев, Гетманцев и УНР) и создание общего совета с равной численностью членов. Письменно предлагал даже общее заседание по этому вопросу, однако Ст. Бандера этого предложения не принял...

Проводник требует сообщить, что после четырех лет своего отсутствия он снова встал у руля организации за рубежом. Никаких пока что инструкций и приказов не издает, поскольку совсем не ориентируется в ситуации, которая сейчас имеется в крае. Знает о ней только из отчетов тех, что эмигрировали, и из рассказов некоторых беглецов. При этом его пожелания [адресованы] специально Отделу Безопасности, о котором знает по отчетам и рассказам, чтобы та борьба, которая ведется, велась по возможности под лозунгом "как можно меньше пролитой по возможности крови".

Надеется, что, когда получит исчерпывающий отчет о текущей ситуации, точно определит свое отношение ко всем вопросам.

Степан Бандера был арестован немцами в начале июля 1941 года. Вначале его держали в Берлине, а вскоре он был переведен в концентрационный лагерь вблизи Ораниенбурга. Там он сидел почти до конца 1944 года. В конце 1944 года немцы забрали его из концлагеря в Берлин, где его как будто освободили, но предоставили ему квартиру в доме, где на нижнем этаже жили гестаповцы, которые за ним следили.

Тут ему предложили, чтобы он возглавил украинский освободительный комитет, который должен быть создан в Германии (по аналогии с освободительным комитетом ген. Власова). Этому комитету должны подчиняться все украинские группировки и даже УПА. Степан Бандера заявил, что он не может создать такой комитет, так как за четыре года концлагеря он не был политическим проводником, а совершенно частным лицом, который не имел ровным счетом никакого влияния на УПА и УГВР. Посоветовал немцам обратиться к другим тематическим объединениям и деятелям. Сам Бандера в феврале 1945 года при помощи членов организации сбежал из квартиры в Берлине и по фальшивым документам переехал в Южную Германию (на границе с Веной). Там ему удалось скрыться от гестапо до конца войны»^[67].

Живя за «железным» занавесом

В сентябре 1944 года из концлагерей и тюрем было выпущено на свободу несколько сотен узников-украинцев, включая Степана Бандеру и Андрея Мельника (был арестован немцами в ноябре 1943 года). Первый остался жить в Берлине. Тем временем Роман Шухевич высказал мнение, что руководство над организацией следует вновь передать Степану Бандере. В феврале 1945 года последний снова встал во главе ОУН(б)организации, а Ярослав Стецько стал его заместителем.

В феврале 1946 года, выступая от имени УССР на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Лондоне, советский украинский поэт Николай Бажан потребовал от стран Запада выдачи многих украинских националистов, в первую очередь Степана Бандеры, назвав его «преступником против человечества». В том же году, понимая, что силами одних украинских националистов антибольшевистскую борьбу вести невозможно, Степан Бандера инициировал организационное оформление образовавшегося еще в 1943 году Антибольшевистского блока народов (АБН) — координационного центра антикоммунистических политических организаций эмигрантов из СССР и других стран соцлагеря. Во главе АБН встал ближайший единомышленник Бандеры Ярослав Стецько.

С 28 по 31 августа 1948 года в Миттенвальде (Западная Германия) проходила Чрезвычайная конференция 34 (заграничные части) ОУН. Присутствовавший на ней Степан Бандера выступил с инициативой отправиться на Украину, чтобы лично принять участие в подпольной работе, однако присутствовавшие «краевики» (представители ОУН-УПА)

возразили против этой идеи — не помогло даже цитирование писем Романа Шухевича, в которых тот называл Степана Бандеру проводником всей ОУН. В ходе конференции Бандера и его сторонники в одностороннем порядке лишили мандатов делегатов-«краевиков» и передали их представителям ЗЧ ОУН, о чем уведомили краевой Провод, однако руководство Провода это обстоятельство не приняло и обеспечило своих делегатов новыми мандатами. Это лишь усилило разногласия среди членов ОУН(б). В итоге конференция завершилась выходом Степана Бандеры из Коллегии уполномоченных — органа, членам которого предстояло коллективно руководить ЗЧ ОУН.

Что происходило за «железным занавесом»

26 июля 1945 года нарком внутренних дел СССР Василий Рясной направил в Москву Лаврентию Берия под грифом «Совершенно секретно» сообщение, в котором докладывал о первых результатах оперативной деятельности так называемых «специальных» (агентурно-боевых) групп, которые, по словам Рясного, «играли и продолжают играть значительную роль в деле ликвидации оуновского бандитизма в западных областях УССР». Тогда автор документа не предполагал, что его послание спустя полвека произведет эффект разорвавшейся бомбы и станет главным козырем в развернувшейся в Украине кампании по героизации бандеровщины.

«Спецгруппы» НКВД будут объявлены главными виновниками террора над мирным населением Западной Украины, а донесение Василия Рясного (в оборванном и искаженном виде) наряду с еще некоторыми документами представлено как основное доказательство того, что зверства над простыми людьми совершали не воюки ОУН-УПА, а чекисты, которые, переодевшись в форму «повстанцев», проводили против граждан карательные акции с целью дискредитации «повстанческого движения» и лишения его «народной поддержки»^[68].

В реальности «специальные агентурно-боевые группы» выполняли на территории Западной Украины следующие задачи:

«1. Проверка агентурных данных в отношении лиц, причастных к оуновскому подполью либо бандитской группе; установление занимаемого ими положения в подполье ОУН, практическая деятельность их в ОУН,

ближайшие организационные связи и места укрытий этих связей.

2. Реализация агентурных и следственных данных по захвату либо ликвидации руководителей и участников оуновского подполья и вооруженных групп.

3. Установление организационных связей с руководителями и отдельными членами ОУН с целью захвата этих связей, внедрение в эти каналы нашей агентуры, а при невозможности — ликвидация выявленных оуновских связей.

4. Получение показаний от арестованных руководителей и участников оуновского подполья путем допроса их от имени СБ бандгруппы или вышестоящих центров ОУН.

5. Разложение малоустойчивых членов ОУН и бандитов и склонения их к явке с повинной. Организация негласной встрече оперативного состава органов МГБ с оуновскими нелегалами и вербовка их в качестве агентуры.

6. Проверка и установление двурушничества агентуры органов МГБ, работающей по линии ОУН. Розыск, захват или ликвидация агентов-двучников.

7. Раскрытия отдельных случаев бандитских проявлений; выявление участников бандгруппы и их активных пособников, совершивших злодеяние или оказывавших бандитам в этом помощь»^[69].

Справедливости ради отметим, что аналогичные группы существовали и у ОУН-УПА. Переодетые в форму военнослужащих Красной армии и внутренних войск, бандиты из этих подразделений специализировались на уничтожении мирных жителей и мелких воинских подразделений противоборствующей стороны.

Как правило, повстанцы использовали униформу и документы, изъятые у попавших в плен и погибших красноармейцев и сотрудников правоохранительных органов. Так, банда «Касьяна» из отряда УПА «Шагай»

была полностью одета в униформу военнослужащих Красной армии. Точно так же были одеты отряды «Герасима» (140 человек) и «Морозенко» (60–80 человек). Кроме того, униформа противника была популярна среди членов СБ и полевой жандармерии, носили ее и курьеры^[70].

В середине января 1945 года нарком госбезопасности Украины Сергей Савченко направил наркому госбезопасности Всеволоду Меркулову докладную записку, в которой информировал «об ухищрениях, применяемых бандитами ОУН-УПА». Прочитируем этот документ.

«Возросший удар органов НКВД-НКГБ по разгрому оуновского подполья и бандформирований УПА и усилившееся в связи с этим стремление населения западных областей Украины к оказанию активной помощи нашим органам и войскам, понуждают СБ и руководителей бандформирований УПА, при проведении своих бандитских налетов, становиться на путь провокационных ухищрений и маскировки бандитов под бойцов и офицеров Красной армии, войск НКВД и сотрудников НКВД и НКГБ.

Бандиты, прикрываясь формой войск Красной армии и наших органов, зачастую с орденами и медалями Советского Союза, группами появляются в селах и под видом офицеров и бойцов Красной армии или сотрудников НКВД-НКГБ, в ряде мест проводят свою террористическую и другую подрывную деятельность, уничтожают низовой советско — партийный актив, официальных работников наших органов, агентурно — осведомительную сеть и членов их семей.

Находясь под постоянным страхом возрастающего внедрения нашей агентуры в ОУН и бандформирования УПА, СБ прибегает к убийству всех лиц, вызывающихся по каким бы то ни было причинам в органы НКГБ и НКВД.

Семьи заподозренных в связях с нами, как правило, также уничтожаются СБ.

Из числа зафиксированных нами фактов ухищрений бандитов в проводимой ими террористической и подрывной деятельности следует отметить:

6.10.44 года в селе Волошиново, Старосамборовского района, Дрогобычской области, бандитами, одетыми в форму милиции, повешен председатель сельского совета КРИЧКОВСКИЙ Михаил Иванович.

В тот же день в селе Караевичи, Ровенского района, Ровенской области, бандгруппа численностью до 15 человек, одетых в форму войск НКВД, ворвалась в дом местной жительницы МЕЛЬНИК и предложила ей отвести их к председателю сельсовета.

Выполнить требование бандитов МЕЛЬНИК отказалась, за что была избита шомполами, а затем в присутствии остальных членов семьи расстреляна.

10.10.44 года в селе Сварзево, Краснянского района, Львовской области, 3 вооруженных бандита, одетых в форму военнослужащих Красной армии, внезапно напали на сотрудника Краснянского РО НКГБ, обезоружили его, отобрали документы, а затем нанесли ему несколько огнестрельных ранений и скрылись.

19.10.44 г. в село Подберезцы, Залещицкого района, Тернопольской области, ворвалась бандгруппа УПА в количестве 4 человек, одетых в форму бойцов Красной армии и, выдав себя за сотрудников НКВД, забрала 14 человек призывников, 1924 года рождения, и увела их в лес.

27.10.44 года, в 11 часов дня, бандгруппа в количестве 12 человек, одетых в форму офицерского и рядового состава Красной армии, совершила налет на сельсовет села Шубренцы-Борисполе, Садогородского района, Черновицкой области, где проводилось совещание местного советского актива.

Разогнав актив, бандиты зверски убили председателя сельсовета СТАРОГО и лейтенанта войск НКВД, трупы которых оставили в подожженном ими помещении сельсовета.

Бандитами убит также уполномоченный по вербовке рабочей силы в Донбасс ЛЕНСКИЙ Петр Иванович.

29.10.44 г. бандгруппа в количестве 12 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, совершила налет на Комаровский сельсовет, Почаевского района, Тернопольской области.

Бандиты уничтожили все документы и, забрали с собой председателя и секретаря сельсовета, скрылись.

30.10.44 г., в 6 часов вечера, в Ивано-Золотовский сельсовет, Золотопотоцкого района, Тернопольской области, зашли 9 бандитов, одетых в форму военнослужащих Красной армии и, выдав себя за сотрудников НКВД, прибывших в село для мобилизации населения в Донбасс, потребовали от находившегося там секретаря сельсовета собрать истребительный батальон.

По прибытии в сельсовет бойцов истребительного батальона К. и П. последние были убиты бандитами.

В ночь на 4.11.44 г. в селе Цеперево, Ново-Ярычевского района, Львовской области, банда в составе 12 человек, одетых в форму военнослужащих Красной Армии, в здании пожарного депо повесила депутата районного совета КУЛАЧКОВСКУЮ Анну Дмитриевну.

6.11.44 г. бандитами, переодетыми в красноармейскую форму, убиты председатель и заместитель председателя сельсовета села Волоща, Медыничского района, Дрогобычской области.

В ночь на 6.11.44 г. к жителю села Девятинки, Ново-Стрилковского района, Дрогобычской области, ЩЕПАНСКОМУ Павлу, 53 лет, постучались в дверь и потребовали открыть ее несколько человек, одетых в красноармейскую форму. Приняв бандитов за бойцов

Красной армии, ЩЕПАНСКИЙ открыл дверь. В дом вошли 7 человек, отрекомендовавшиеся красноармейцами. Спросив у ЩЕПАНСКОГО, есть ли в селе бандеровцы, бандиты приказали его жене — ЩЕПАНСКОЙ Юлии выйти из дома. Вышедшие вслед за ЩЕПАНСКОЙ пять бандитов повесили ее на углу дома, после чего вывели на улицу ЩЕПАНСКОГО Павла и повесили его на другом углу дома.

В ту же ночь бандиты ворвались в дом жителя села Девятинки БЫК Степана Васильевича и убили его, его жену 65 лет и дочерей: Анну 18 лет, Агафью 23 лет и Марию 28 лет. Всех убитых бандиты повесили затем на изгороди возле дороги. На воротах дома БЫК Степана бандиты написали: “Забрали кровь нашей карающей рукой”.

В ночь на 7.11.44 г. в с. Милякинцы, Кицманского района, Черновицкой области, появилась банда УПА, вооруженная винтовками, автоматами и гранатами. Бандиты были одеты в форму военнослужащих Красной армии с медалями Советского Союза. Бандиты в сельсовете, колхозе и школе сожгли все документы, уничтожили портреты вождей и лозунги и, забрав с собой бригадира колхоза МИЦКЕВИЧА, направились в сторону Селищанского леса. Выйдя за село, бандиты избили, а затем задушили МИЦКЕВИЧА.

В ночь на 13.11.44 г. группой бандитов, одетых в офицерскую форму Красной армии, совершен налет на село Гавриловцы, Кицманского района, черновицкой области. Бандитами, под видом мобилизации в Красную армию, уведено 11 человек местных жителей, возвратившихся на родину из Румынии.

18.11.44 г. группа бандитов, в количестве 5 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, в селе Олив, Золотопотоцкого района, Тернопольской области, захватили и увели с собой директора местной школы ТИЩЕЦКОГО, судьба которого неизвестна.

20.11.44 г. группа в составе 6 человек, одетых в форму НКВД и офицеров Красной армии, в селе Долина Чортковского района, Тернопольской области, забрала с собой председателя сельсовета.

23.11.44 г. первый секретарь Велико-Борковского райкома КП(б)У тернопольской области — БЕЛОКОНЬ, в 6 часов вечера выехал по личным делам к своей знакомой ЗВАРИК, проживающей на хуторе Рудаковка и у нее остановился ночевать. В 9 часов вечера в дом ЗВАРИК вошла бандгруппа, в количестве 6 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии. Бандиты произвели обыск в доме, затем вывели БЕЛОКОНЬ во двор, где его убили, а труп повесили на дереве. Забрав документы БЕЛОКОНЬ, бандиты скрылись.

7.12.44 года, в селе Седлярки, Сенкевичского района, Волынской области, бандгруппа в количестве 20 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, окружила дом председателя сельсовета СОБЧУКА И.А., предложив ему забрать все документы сельсовета и с ними вместе, якобы, поехать в райцентр. Последний, не подозревая, что это бандиты, собрал все документы сельсовета, сел на подводу и уехал. Судьба увезенного СОБЧУКА неизвестна.

В ночь на 21.12.44 г. банда неустановленной численности в форме военнослужащих напала на село Лужки, Рава-Русского района, Львовской области, в котором расстреляла 11 человек из числа местных жителей.

29.12.44 г. бандгруппой, численностью до 50 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, убиты председатель Осьмигвичского сельсовета, Турийского района, Волынской области ЧУДИНОВИЧ, секретарь того же сельсовета КОВАЛЬЧУК и член группы охраны общественного порядка ЗИЛИНСКИЙ.

29.12.44 г. четыре бандита, один из которых в форме НКВД, ворвались в квартиру фельдшера поликлиники

гор. Жолкев, Львовской области — МЕНГРАЛЯ и, отрекомендовавшись сотрудниками НКВД, забрали его с собой. Судьба МЕНГРАЛЯ неизвестна.

1.1.45 г. на перегоне шоссейной дороги Торчинск — Владимир-Волинский, Волинской области, бандгруппой, в количестве 10 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, взорван деревянный мост и срезан 21 телефонно-телеграфный столб.

Наряду с этим ОУН прибегает к созданию в отдельных местах банд, которые под видом воинских частей Красной армии и оперативных групп наших органов, совершают налеты на села и районные центры.

По агентурным данным, в окрестностях села Дермань, Мизочского района, Ровенской области, дислоцируется кавалерийская часть УПА под командованием некоего “ЛЕБЕДЯ”. Все стрелки УПА подразделения “ЛЕБЕДЯ” одеты в воинскую красноармейскую форму, многие носят офицерские погоны, знаки различия и боевые награды. “ЛЕБЕДЬ” хвастался, что ему со своей “кавалерией” не так давно удалось среди белого дня проехать через гор. Здолбуново и не вызвать у советских людей никакого подозрения.

В ночь на 19.11.44 г. в селе Лубянки, Бережанского района, Тернопольской области, появилась банда УПА, численностью до 50 человек, одетых в форму красноармейцев. Бандиты ворвались в дом секретаря сельсовета КАЗАК и сельского активиста ПОДЧЕНКО, вывели их за село и расстреляли, оставив на трупах убитых записки — “За измену народу”. Жена секретаря сельсовета КАЗАК опознала бандитов и просила не убивать ее мужа, в связи с чем она также была расстреляна бандитами.

23.11.44 г., в 10 часов утра, в село Бегета, Владимир-Волинского района, Волинской области, вошла банда УПА, численностью до 100 человек, одетых в форму

военнослужащих Красной армии. Бандиты под предлогом показать им дорогу, забрали с собой бойца истребительного батальона К. Василя, который ничего не подозревая, взял винтовку и повел бандитов в с. Бискупичи. Войдя в помещение Бискупичского сельсовета, бандиты, отрекомендовав себя военнослужащими Красной армии, потребовали от председателя сельсовета собрать фураж для лошадей. В это время в сельсовет зашел управляющий районной конторой “Заготскот”, член ВКП(б) ВАЦЕК. Главарь банды в форме майора Красной армии потребовал у ВАЦЕКА документы, в том числе и партийный билет. Отдать документы ВАЦЕК отказался, за что тут же был избит бандитами. В селе Бискупичи бандиты насильственным путем согнали население к сельсовету и организовали «митинг», на котором требовали от жителей села не выполнять распоряжений органов Советской власти и не сдавать хлеб государству. Затем, спев несколько националистических песен, бандиты, в присутствии собравшихся, повесили ВАЦЕКА, а К. тут же расстреляли. На трупе ВАЦЕКА бандиты оставили записку: “За измену украинскому народу будем всех так карать”. В лоб К. бандиты вбили гвоздь с дощечкой, на которой наклеили листок бумаги с надписью: “Так будет наказан каждый, кто будет работать на большевиков. Собаке — собачья смерть. Украинские повстанцы”.

В ночь на 30.11.44 г. банда УПА численностью до 200 человек, под видом войск НКВД, прибыла в село Большой Камень, Олесского района, Львовской области. Бандиты под предлогом оказания им помощи в проведении государственных заданий, вызвали к себе 18 бойцов истребительного батальона и расстреляли их. Кроме того, бандитами расстреляны: участковый уполномоченный РО НКВД, второй секретарь РК ВЛКСМ, семь бойцов Красной Армии, находившиеся в селе. Оставив село Большой Камень, бандиты по пути

следования ворвались в село Ожидово, где разгромили маслозавод и, захватив с собой 250 кгр. масла, скрылись.

4.12.44 г. в селе Тарновка, Чортковского района, Тернопольской области, бандиты собрали местных жителей на “митинг” и, развесив националистические флаги и портреты бандитов, провозгласили на нем “Самостийну Украину”.

В том же районе, в ночь на 6.12.44 г. бандой, численностью до 300 человек, одетых в форму военнослужащих Красной армии, совершено нападение на село Залесье. Бандитами сожжено здание сельсовета и 25 домов польских граждан.

(...)

10.12.44 г. бандой УПА, в количестве 50 человек, переодетых в форму НКВД, под видом операции, была произведена облава в селе Силки, Краснянского района, Львовской области. Бандиты захватили в селе 3-х поляков, одного из которых расстреляли, судьба остальных неизвестна. Кроме того, командованием УПА созданы банды, которые экипированы в форму германской и венгерской армий.

(...)

20.11.44 г. в селе Орелец, Снятинского района, Станиславской области, появилась банда УПА в количестве 15 человек, одетых в немецкую форму. Бандиты сожгли здание сельсовета и сарай, принадлежавший председателю сельсовета ГАВЛЮКУ.

Зафиксированы случаи, когда в целях маскировки бандиты, появляясь в селах, переодеваются в женскую одежду.

8.12.44 г. два бандита, переодетые в женское платье, вошли в здание сельсовета села Бабье, Рожищанского района, Волынской области и пытались убить находившегося там председателя сельсовета. В завязавшей перестрелке бандитами убита

находившаяся в помещении сельсовета жительница села Бабье — МАЙСТРУК.

3.1.45 г., в 13 часов 30 минут, в помещение Лучицкого сельсовета, Сокальского района, Львовской области, вошла группа боевиков СБ, переодетых в женское платье. Бандиты убили находившегося в сельсовете бойца истребительного батальона Б., и тяжело ранив участкового уполномоченного и секретаря сельсовета ПЕЛЕХ, скрылись.

НКГБ СССР, своевременно разоблачив замыслы и провокационные методы ОУН и УПА, дал специальные указания своим УНКГБ западных областей Украины о выявлении и ликвидации бандитско — террористических групп ОУН-УПА, маскирующихся под военнослужащих Красной армии и НКВД-НКГБ.

В результате принятых мер, нами разгромлен ряд бандитских групп и “боевок” СБ, оперировавших в экипировке бойцов и офицеров Красной Армии, НКВД и НКГБ.

Кроме того, при проведении чекистско-войсковых операций по материалам органов НКГБ, разгромлен ряд крупных банд, действовавших под видом подразделений наших войск, в частности:

В конце декабря 1944 года, при проведении чекистско-войсковой операции в Ровенской области, убит командующий дивизией УПА “Холодный Яр” и Киевским генеральным округом УПА — генерал-хорунжий УПА “ЯСЕНЬ”, носивший форму военнослужащего Красной армии с гвардейским значком.

20.12.44 г. в селе Хоров, Острожского района, Ровенской области, боевой группой Ровенского УНКГБ “ЯСТРЕБ”, во время операции было убито 5 бандитов, в том числе ХОТЮК Стасько, 1924 года рождения, уроженец и житель села Хоров, Острожского района, заместитель подрайонного коменданта СБ под кличкой

“КАЛИНА”. ХОТЮК был одет в форму майора внутренних войск НКВД.

Мероприятия по выявлению действующих провокационными методами бандгрупп УПА и “боевок” СБ и ликвидацию их продолжаем».

Кто истреблял граждан Украины

Активные участники компании по политической реабилитации бандеровцев старательно избегают в своих выступлениях темы количества погибших мирных граждан в результате деятельности ОУН-УПА. Списать всех жертв на деятельность «спецгрупп» не получается. Крайне сложно опровергнуть выводы, содержащиеся во множестве уголовных дел и сделанные самими бандеровцами признания. Проще игнорировать страшные данные статистики.

Из 11725 зарегистрированных убийств, совершенных бандеровцами с февраля 1944 года по декабрь 1946 года, в более чем половине случаев, жертвами были местные мирные жители — украинцы^[71].

Были потери среди сотрудников правоохранительных органов, пограничных войск и Красной / Советской армии. Так, с 1944 по 1953 год погибло 687 чекистов; 1864 сотрудников МВД; пограничников, военнослужащих армии и внутренних войск — 3199^[72].

Первый выигранный раунд

В результате совместных действий внутренних войск, воинских частей Красной армии и погранвойск погранвойск НКВД крупные формирования УПА были разгромлены. Так, 26 января 1945 года оперативно-войсковой группой Камень-Каширского райотдела НКГБ и 169-го стрелкового полка внутренних войск под командованием старшего лейтенанта Савинова в селе Рудка-Червинская Волынской области был захвачен командир соединения УПА-«Север» Юрий Стельмащук («Рудый»). На допросах он откровенно рассказал об ухудшении положения УПА. По его словам, УПА-«Север» потеряла до 60 % личного состава и около 50 % вооружения. Особенно пострадал боевой потенциал «повстанцев» от ликвидации сотен складов-«криевок» с оружием, боеприпасами и продовольствием^[73].

О крупных поражениях бандеровцев свидетельствуют данные советских органов госбезопасности. Так, по данным управления по борьбе с бандитизмом НКВД УССР на протяжении 1944 года было уничтожено 57405 и задержано 50387 участников националистических бандформирований^[74].

В качестве примера кратко расскажем о том, как в 1945–1946 годах Москва сражалась с Краевым проводом «Карпаты-Запад», опорой которого служили труднодоступные горно-лесные массивы Станиславской и Дрогобычской областей. Это был крайне сложный для повстанцев период. Помимо армейских соединений, власти сосредоточили на Галичине до трети внутренних войск НКВД СССР. В одной лишь Дрогобычской области аппарат госбезопасности составлял 105 оперативных работников, не считая прикомандированных из других областей. Пограничники, милиция, около тысячи бойцов

истребительных батальонов и особо губительные для повстанцев агентурно-боевые группы из бывших соратников.

Зимой 1945–1946 годов была проведена операция «Большая блокада». Во все населенные пункты Прикарпатья ввели гарнизоны, а мобильные группы разыскивали «бандбоек» в горах. Повстанцы были вынуждены укрываться в лесных лагерях, без поддержки местного населения, в морозы и снегопады. Их базы штурмовали с воздуха Илы 6-го авиаполка НКВД. По данным самого же подполья, блокада сократила численность УПА в регионе процентов на шестьдесят. На Станиславщине в 1945–1946 годах погибли свыше 20 тыс. участников движения сопротивления, ликвидирована 1231 подпольная группа, 15,5 тысячи сломленных борцов явились с повинной... [\[75\]](#)

Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах Украины. Формально Москва одержала победу. По данным МВД СССР к апрелю 1946 года численность ОУН-УПА составляла всего лишь 3735 бойцов. Однако успех был иллюзорным. Несмотря на кажущуюся малочисленность, это была очень опасная сила. Достаточно сказать, что только на протяжении 1948–1955 годов подпольщики уничтожили 436 партийных и советских работников, 231 председателя колхоза, 329 председателей сельсоветов. Боевые потери внутренних войск за послевоенные годы в регионе превысили 4,5 тысячи человек, «истребительных батальонов» — 2,5 тысячи...

Фактически произошел естественный отбор «боевиков». Слабые погибли, были арестованы или сложили оружие, а сильные продолжили борьбу. На месте уничтоженных в ходе оперативно-войсковых операций «проводов» (организационно-территориальных звеньев ОУН) как Феникс из пепла восставали новые. Так, провод «Буг-2» возобновлялся трижды, «Подолье»

— пять, «Запад-Карпаты» — шесть раз! Против них чекистско-войсковые операции оказались малоэффективными. Потребовалось разрабатывать новые методы.

Одна из причин такой живучести структур бандформирований — гибкое реагирование на происходящее.

Смена тактики борьбы

Летом 1945 года лидеры ОУН-УПА приняли решение о переходе к тактике террора и роспуска крупных отрядов. Одновременно произошла трансформация всей структуры подпольной военизированной организации.

Теперь она состояла из Центрального провода на Украине и двух т. н. больших краевых проводов — «Северо-Западные украинские земли» («ПЗУЗ») и «Галичина».

«ПЗУЗ» состоял из малых краевых проводов «Москва» (Волынская обл., ряд южных районов Белоруссии), «Одесса» (Ровенская обл. и часть Тернопольской) и «Подолье».

В провод «Галичина» входили «малые» краевые провода «Буг-2» (Львовщина) и «Карпаты-Запад» (Карпатский край и Буковина).

Основными звеньями ОУН выступали окружные, надрайонные (по 2–6 в окружном), районные (по 3–5 в надрайонном), кустовые и станичные провода (последние — на уровне населенного пункта).

Это позволило организовать эффективное командование множеством небольших (10–20 человек) боевых групп. Причем основными объектами их атак должны стать не военнослужащие внутренних войск и Красной армии (прекрасно вооруженные и обученные), а активисты советской власти, низовые сотрудники партийных, административных и хозяйственных органов на местах. Часто бандиты применяли «п'яткування» (уничтожение каждого пятого) в селах, жители которых, по мнению бандеровцев, лояльно относились к советской власти. Аналогичные указания встречались в официальных документах ОУН-УПА того времени.

Еще одна проблема, с которой столкнулись правоохранительные органы, — массовое строительство «схронов». Подземные убежища сельские жители Западной Украины начали строить еще зимой 1943–1944 года. Почти в каждом крестьянском дворе к весне 1944 года было вырыто «схрон», «укрытие» или «убежище». В нем хранились запасы продовольствия и одежды. Также в нем семья могла спрятаться на случай визита в село врагов — немцев, советских партизан или Красной армии, банд дезертиров и коллаборационистов. После освобождения территории от немецкой оккупации такие схроны военнослужащие Красной армии обнаруживали в каждом четвертом дворе. На самом деле их было значительно больше.

Отдельные убежища — шедевр саперного искусства. Так, одно из них находилось под огородом и имело четыре выхода! Один на сеновал, другой — в печь в хате, третий — в овраг, четвертый — в дупло старого дерева. Вход в другой схрон закрывала небольшая откидная дверь, замаскированная землей и растущей сосенкой, поднимающейся и опускающейся вместе с люком.

«Схроны» различались размерами. От одноместных, площадью два квадратных метра, больше похожих на могилы, до многокомнатных, оборудованных нарами и столами. В последних можно было жить месяцами, не выходя на поверхность, в относительно комфортных условиях. Часть «убежищ» изначально предназначалась для размещения в них библиотек, госпиталей, типографий, архивов и т. п. ^[76]

Неукоснительно соблюдалось главное требование к таким объектам — их тщательная маскировка. Потому что в случае обнаружения «схрона» противником у находящихся там людей не было шансов на спасение: погибнуть в бою (а точнее, в большинстве случаев, быть

уничтоженными с помощью гранат) или сдаться на милость победителю.

Выше мы писали о том, что в начале 1945 года бандеровцы сменили тактику. На смену огромным отрядам пришли компактные группы. Последние активно начали использовать «схроны» не только в качестве мест базирования, но и для хранения оружия и боеприпасов.

В свою очередь сотрудники правоохранительных органов и военнослужащие внутренних войск приложили максимум усилий для обнаружения «схронов». В результате только за 1945–1946 годы на территории Западной Украины было обнаружено 28 969 «укрытий»^[77].

Рейдирующие группы

Москва оперативно среагировала на произошедшие в стане противника изменения, а порой даже опередила руководство ОУН-УПА. Так, 26 февраля 1945 года в Киеве состоялось заседание Политбюро ЦК КП(б)У, на котором было принято постановление, во многом определившее дальнейшие действия советской стороны в борьбе с националистическим подпольем на Западной Украине. В документе говорилось:

«...Если недавно в большинстве западных областей Украины были банды, насчитывающие по 400-500 человек, то в настоящее время... все крупные банды ликвидированы, а многие главари... уничтожены или арестованы.

...Потерпев крупное поражение, украинско-немецкие националисты в последнее время меняют свою тактику и методы борьбы с советской властью и переходят главным образом к террору и диверсиям. Действуют мелкими бандами, которые стараются маневрировать и не принимать открытых боев, а политическая сеть ОУН с целью сохранения своих кадров уходит в глубокое подполье....»

Исходя из вышесказанного, предписывалось:

«...для уничтожения каждой мало-мальски крупной банды выделять специальный, подвижной боевой отряд с включением в него хорошо подготовленных разведчиков, оперативных, партийных и советских работников.

Указанный отряд обеспечивать агентурными данными, средствами связи и не обременять тыловым хозяйством (обозы, кухни и т. п.).

Отряд должен, увязавшись за бандой, преследовать ее до полного уничтожения, независимо от того, в какой

район или область эта банда будет уходить...»^[78]

Новая тактика борьбы с повстанцами доказала свою эффективность. Во всех районах Западной Украины были сформированы рейдирующие оперативно-войсковые (чекистско-войсковые) группы. Они были укомплектованы оперативными сотрудниками органов госбезопасности и военнослужащими внутренних войск. Главной задачей этих подразделений была быстрая реализация оперативных данных от территориальных органов внутренних дел и госбезопасности путем поиска и нейтрализации участников националистических бандформирований. Все ОБГ были радиофицированы, снабжены необходимым количеством боеприпасов и продуктов. Задача считалась выполненной лишь при полной ликвидации банды.

Спустя какой-то время выяснилось, что местные органы госбезопасности и внутренних дел в силу ряда объективных и субъективных причин не могут предоставить всю необходимую информацию по бандформированиям (численность, места дислокации, вооруженность, имена главарей, связи и т. п.).

Участники состоявшегося 26 февраля 1945 года заседания Политбюро предусмотрели и это. Было обращено внимание на необходимость:

«...еще больше расширить сеть нашей агентуры, обратив особое внимание на улучшение ее качества.

Шире и смелее практиковать засылку агентуры в оуновское подполье и бандформирования УПА.

Усилить работу по воспитанию агентуры, обучая ее правилам конспирации и методам работы по выявлению и раскрытию участников и организаций ОУН...»

Эту задачу решить за несколько недель решить было невозможно. На подготовку и внедрение агентов в бандформирования требовались месяцы, а то и годы (если говорить о руководящих органах). Поэтому основное внимание было обращено на использование

бывших бандеровцев. В первую очередь тех, кто добровольно явился с повинной. Добровольно советской власти в 1944–1945 годах сдавались многие. Начиная от насильственно мобилизованных в отряды УПА крестьян и заканчивая профессиональными боевиками, кто разочаровался в идеях западноукраинских националистов и не хотел участвовать в уничтожение мирных жителей.

По данным Управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР, только за первый год явилось с повинной 29 204 участника националистического подполья. За период с февраля 1944 года по июль 1946 года этой возможностью воспользовалось 52 452 человека.

Если еще учесть количество задержанных при проведении операций (напомним, за первый год их было 50 387 человек), то станет ясно: чекистам было кого привлекать к негласному сотрудничеству.

Разумеется, основная масса явившихся с повинной и задержанных не представляла оперативного интереса для чекистов. Большинство были насильственно мобилизованные крестьяне, которые при первой же возможности, не оказав вооруженного сопротивления, спешили сдаться бойцам ОВГ.

Чекистов интересовали прежде всего проводники ОУН разных уровней, командиры подразделений УПА, боевики и референты СБ — то есть все те, кто мог обеспечить оперативно-войсковые группы серьезными агентурными данными и тем самым способствовать выявлению линий связи, конспиративных квартир, явочных пунктов областных проводов ОУН с целью установления местонахождения Центрального провода, внедрения в его состав проверенной агентуры для последующей ликвидации.

На 1 июля 1945 года в регионе насчитывалось 11 214 местных жителей сотрудничающих с правоохранительными органами: 175 резидентов, 1196

агентов и 9843 осведомителей. Почти половина из них (42,7 %) была привлечена к сотрудничеству в первой половине 1945 года — 156 резидентов (89,1 %), 527 агентов плюс 41 агент-«маршрутник» и 84 агента-«внутренника» (всего 652 человека или 52,3 %), а также 4483 осведомителя (45,6 %)^[79].

Стремительно возросшее число агентов, а также тот факт, что многие из них благодаря своему активному сотрудничеству с чекистами отрезали себе путь возврата в бандформирования, позволили органам госбезопасности начать создавать на местах спецгруппы. Справедливости ради отметим, что украинские чекисты были не первыми, кто в середине сороковых годов прошлого века активно применял этот метод борьбы с повстанцами.

На территории Прибалтики еще весной 1945 года рейдировало несколько таких групп. Хотя выдавали они себя не за «лесных братьев», а за власовцев, военнослужащих вермахта и коллаборационистов.

Аналогичные подразделения действовали на территории Западной Украины. Так, в мае 1944 года УНКВД по Ровенской области была сформирована спецгруппа «Орел». Ее возглавлял младший лейтенант Б. Коряков. До момента своего расформирования в апреле 1945 года ею было проведено более двухсот операций.

Кругом одни чекисты

После того как на практике была доказана высокая эффективность использования спецгрупп, началось их массовое формирование. Так, в Волынской области на 20 февраля 1945 года были созданы 42 специальные боевые группы, или, как назвал их в своем отчете секретарь Волынского обкома КП(б)У И.И. Профатилов, «контрбанды», общей численностью 650 агентов-боевиков.

На успехи чекистов обратило внимание партийное руководство, и 26 февраля 1945 года в принятом Политбюро ЦК КП(б)У было одобрено создание спецгрупп. 15 мая 1945 года на совещании секретарей обкомов, начальников областных УНКВД и УНКГБ западных областей УССР во Львове создание спецгрупп одобрил секретарь ЦК КП(б)У Н. Хрущев, указав, что считает «правильным создание спецгрупп из бывших бандитов».

В Ровенской области из лиц, пришедших с повинной, было создано 49 спецгрупп общей численностью 831 человек.

В Станиславской области было сформировано 46 спецгрупп, вот только по утверждению самих чекистов, эффективно действовали только шесть. Несмотря на это, «боевками убито 21 человек крупных работников ОУН, 263 человека взяли живьем... Взяли 4 станковых пулемета, ручных пулеметов — 6, противотанковых ружей — 7, винтовок — 80, автоматы «ППШ».

По состоянию на 20 июня 1945 года на территории Западной Украины действовало 156 спецгрупп (1783 человека). Из них в Черновицкой области (по состоянию на 20 апреля) — 25 спецгрупп (106 человек); Львовская — 26 спецгрупп (219 человек); Станиславская — 11

спецгрупп (70 человек); Дрогобицкая — 10 спецгрупп (52 человека); Тернопольская — две спецгруппы (34 человека); Ровенская (на 20 мая) — 49 спецгрупп (905 человек); Волынская — 33 спецгруппы (397 человек).

В результате спецопераций^[80]:

	Убито	Захвачено в плен
Черновицкая область	62	126 бандитов и 72 бандпособника
Львовская	24	40
Станиславская	34	149
Дрогобицкая	52	3
Тернопольская	18	31
Ровенская	1 604	614 бандитов и 139 бандпособников
Волынская	168	272

«... Было захвачено трофеев:

станковых пулеметов — 1;

ручных пулеметов — 31;

автоматов — 172;

винтовок — 439;

пистолетов — 79;

гранат — 216;

патронов — 38 030;

мин — 34;

радиостанций — 1;

коней — 72.

Убиты руководители ОУН-УПА:

заместитель командира УПА “Клима Савура” — полковник Охримович — 04. 03. 1945 г.

начальник штаба “Дубового” — “Макаренко”.

заместитель Волынского областного коменданта СБ — “Кук” — 25. 01. 1945 г.

Захвачены спецгруппами командиры ОУН-УПА:

член Волынского областного провода “Степан” — 15. 12. 1944 г.

начальник связи областного провода ОУН “Комар” — 02. 02. 1945 г.

районный комендант “СБ” “Василько” — 25. 01. 1945 г.»[\[81\]](#)

По советским данным, за период существования спецгрупп было ликвидировано 1163 повстанца, арестовано 2000 и принудительно сдалось — 700.

В 1951-1953 годах существовало семь легендированных окружных и четыре районных провода ОУН. С их помощью до 1954 года было захвачено и арестовано 300 подпольщиков[\[82\]](#).

Приступить к ликвидации

Было бы несправедливо приписывать все успехи советских правоохранительных органов в борьбе с бандформированиями на территории Западной Украины исключительно действиям спецгрупп. Продолжали проводиться чекистско-войсковые операции.

В крае были сосредоточены 62-я и 65-я дивизии внутренних войск, более десяти бригад и частей внутренних войск, не считая войсковых соединений, а также значительные силы оперативного состава МГБ-МВД. К началу 1946 года агентурно-осведомительный аппарат органов превышал 14 тыс. «штыков». Все это позволило нанести подполью ощутимые потери.

По состоянию на сентябрь 1946 года были уничтожены или задержаны пять членов Центрального провода (ЦП) ОУН, 138 краевых и областных «проводников», 4698 других функционеров подполья и тысячи рядовых его участников.

Острые оперативно-войсковых мероприятий направлялось на верхушку движения сопротивления — членов центрального провода ОУН. В августе 1946 года МГБ и МВД СССР создали специальную группу — координационный центр по розыску и нейтрализации руководителей подполья. Разворачивается масштабное долгосрочное оперативное мероприятие «Нора»^[83] (название оперативного мероприятия изменено. — *Примеч. авт.*)

В октябре 1946 года Москва приняла решение обезглавить организацию повстанцев — ликвидировать руководителей ОУН-УПА, скрывающихся на территории Польши и Украины. Было решено сосредоточить основные усилия на поимке четырех человек: проводника УПА Романа Шухевича; руководителя «СБ»

Михаила Арсенича; проводника ОУН «Западноукраинских земель» Романа Кравчука и шефа штаба УПА Василя Кука.

В этой операции управлению «ДР» МГБ СССР, руководимому Павлом Судоплатовым, отводилась одна из ключевых ролей. Кому, если не ему, сумевшему в годы Великой Отечественной войны создать эффективно работающую систему Четвертых управлений и отделов, сейчас не организовать аналогичную структуру! К тому же необходимо было координировать действия территориальных органов госбезопасности многочисленных спецгрупп, действующих на враждебной территории.

В процессе этой драматической охоты на лидеров повстанческого движения происходило уничтожение их ближайшего окружения. Фактически чекисты ликвидировали центральный аппарат повстанческого движения. Многочисленные областные и районные подразделения вынуждены были действовать автономно и не могли координировать свои акции. Многочисленные аресты и попытки захвата хорошо законспирированных руководителей движения спровоцировали рост взаимного недоверия и взаимоистребления среди активных членов ОУН-УПА. По своему драматизму эта охота на оуновских главарей не имела себе равной во всей советской истории ВЧК-КГБ. Ежедневно сводки о ней шли на стол самому Иосифу Сталину!

При этом шло активное истребление и рядовых членов повстанческих формирований. Только с 1 декабря 1948 по 1 марта 1949 года было ликвидировано 44 провода, 102 организации, 58 отдельных групп подполья ОУН, погибло 352 руководителя ОУН разного ранга. Сюда следует добавить тысячи рядовых боевиков, десятки тысяч депортированных, расстрелянных по приговорам военных трибуналов или получивших свой «четвертак» — 25 лет лагерей.

Окруженный чекистами, в бункере застрелился Михаил Арсенич («Михаило»). Перед смертью он застрелил свою жену «Веру» и личную связную «Зоряну»^[84].

На Романа Шухевича охотилось около 700–800 человек. Их усилия завершились успехом в марте 1950 года. Подразделения внутренних войск МГБ и милиции окружили село, где скрывался «Волк» (такой псевдоним ему присвоили чекисты). В результате перестрелки Роман Шухевич погиб. После его смерти УПА возглавил Василий Кук.

В декабре 1951 года в Карпатах во время перехода попал в засаду и погиб Роман Кравчук («Максим», «Петро»). По другим данным, чекисты обнаружили «схрон», где он скрывался^[85].

В мае 1954 года в результате многоходовой агентурной комбинации Василий Кук («Лемеш») был арестован чекистами. Шесть лет он сидел в тюрьмах КГБ Киева и Москвы и активно сотрудничал со следствием. В 1960 году был освобожден и жил в Киеве.

К середине пятидесятих годов прошлого века оуновское подполье на территории Украины прекратило свое существование. В 1954 году повстанцы провели всего лишь 13 акций, включая 7 терактов. К марту 1955 года на территории Западной Украины было зарегистрировано всего 11 боевых групп (32 человека), 17 боевиков-одиночек и 500 человек в розыске.

Подводя итоги

По данным современных украинских историков с 1944 по 1956 год было ликвидировано 563 провода ОУН (в т. ч. центральный, десять краевых, 32 областных и окружных, 84 районных и 436 районных); 1888 групп. Среди убитых и арестованных 21 центрального, 154 краевого, 57 областных, 303 окружных, 2 800 руководителей межрайонных и районных проводов, а также 81 командир округов и групп УПА, 58 куренных и 326 сотенных командиров повстанцев. Общее число погибших бойцов ОУН-УПА — 155 108 человек, в т. ч. 1746 в соседних с Украиной регионах. Явилось с повинной 76 753 человека. Арестовано за принадлежность к повстанцам 103 866 человек, из них 87 756 было осуждено^[86].

С 1944 по 1952 год было депортировано 203 тысячи человек, из них большинство — «бандпособники».

В 1972 году по данным УКГБ Украины на территории республики проживало 132 тыс. бывших участников ОУН-УПА, из них 40 % «занимали вражеские позиции, установили связь с шестидесятниками». По состоянию на август 1981 года под наблюдением находилось 75 тыс. бывших повстанцев^[87].

ОУН и УПА провело 14 424 акции, в т. ч. 4 904 теракта, 195 диверсий, 645 нападений на представителей советской власти и председателей колхозов. Жертвами повстанцев стали 30 676 человек. Среди них: 687 военнослужащих и бойцов истребительных батальонов, оперработников МВД; 1864 оперработника НКВД-МГБ; 3199 военнослужащих пограничных и внутренних войск; два депутата Верховного Совета; один начальник облвоенкомата; 40 руководителей гор и райвоенкоматов; 1 454

руководителей сельсоветов; 1235 работников соввласти; пять секретарей горкомов и тридцать секретарей райкомов; 216 партсекретарей; 205 комсомольских активистов; 314 председателей колхозов; 676 рабочих; 1931 представителей интеллигенции (врачи, агрономы, учителя и т. п.); 15 355 крестьян и колхозников; 860 детей, стариков и домохозяек^[88].

Ликвидирован по приказу Москвы

До середины пятидесятих годов Степан Бандера мог не опасаться за свою жизнь. В Москве не воспринимали его в качестве серьезного политического противника. От Западной Украины, где действовали многочисленные банды бандеровцев, его отделял «железный занавес». Реальным лидером западноукраинских националистов он перестал быть еще летом 1941 года, когда немцы заключили его в концлагерь. Когда он вышел на свободу в 1944 году, то на территории Западной Украины действовала УПА, которая не только ему не подчинялась, но и создана она была без его участия.

Шесть неудачных и одна удачная

Известно о шести неудачных попытках убийства Степана Бандеры. Информация о большинстве из них основана на сообщениях людей из ближайшего окружения жертвы. Поэтому в реальности их могло и не быть.

В 1947 году Степана Бандеру должен был ликвидировать по приказу МГБ СССР некий Александр Мороз. Покушение было раскрыто Службой безопасности ОУН.

В начале 1948 года из Польши в Западную Германию прибыл агент МГБ Владимир Стельмашук (оперативные псевдонимы «Жабски» и «Ковальчук»), капитан подпольной польской Армии Крайовой. Снова профессионально сработала Служба безопасности ОУН и предотвратила убийство лидера западноукраинских националистов.

В 1950 году Москва санкционировала подготовку очередного покушения на Степана Бандеру. Осенью 1952 года из Чехословакии прибыли два агента Москвы с документами на имена Легуди и Леман. Правоохранительные органы ФРГ арестовали их по подозрению в шпионаже.

На следующий год данные о жертве начал собирать агент МГБ, немец с Волыни Степан Либгольц (оперативный псевдоним «Липпиц»). В Мюнхене он попал под наблюдение Службы безопасности ОУН и спешно перебрался в Восточную Германию.

В 1957 году за Степаном Бандерой начал наблюдать агент чехословацкой военной разведки Никифор Горбанюк. Он проживал в Мюнхене с 1923 года. В 1958 году, обнаружив за собой слежку, он исчез из ФРГ.

В марте 1959 году в Мюнхене был арестован немецкой криминальной полицией некий Винчик, якобы работник какой-то чешской фирмы. Этот человек активно разыскивал адрес школы, где учился тринадцатилетний сын Степана Бандеры — Андрей.

Партия приказала, КГБ выполнил

В мае 1959 года в Москве состоялось Всесоюзное совещание работников КГБ. 14 мая на нем выступил один из ближайших соратников Никиты Хрущева того времени — кандидат в члены президиума ЦК КПСС и секретарь ЦК Алексей Кириченко.

Мы не будем пересказывать всю речь, а лишь процитируем три фрагмента, в которых упоминался Степан Бандера и ОУН:

«Хотелось бы мне остановиться на вопросах борьбы с буржуазными националистами. Неуклонное осуществление принципов ленинской национальной политики нашей партии, крупные хозяйственные успехи в нашей стране выбили почву из-под ног буржуазных националистов. Ликвидированы вооруженные банды и организованное подполье буржуазных националистов в западных областях Украины, в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии. Решительно пресекались националистические проявления и в других республиках, краях и областях. Наши успехи в строительстве коммунизма нанесли смертельный удар по националистам. Однако было бы ошибкой полагать, что с националистами покончено, что можно ослабить борьбу с ними. Закордонные центры националистической эмиграции, а также националистические элементы внутри страны не прекратили борьбу. Они сейчас изменили свою тактику подрывной деятельности против нашей страны. Главари ОУН (организация украинских националистов) ведут линию на сохранение старых кадров, на то, чтобы между этими сохранившимися кадрами не было связи или поменьше было бы этой связи, чтобы националисты действовали тонко, в одиночку, чтобы они там, где

нужно, себя показывали активистами, продвигались по службе. Многие буржуазные националисты — белорусские, украинские, из Прибалтийских республик, когда их реабилитировали, рассыпались по всей стране. Нельзя быть уверенными в том, что они стали совершенно честными, преданными людьми...

Я бы считал одной из главных задач: нужно активизировать работу по ликвидации закордонных центров. Я считаю, что у нас эта работа идет еще плохо, а возможности у вас в этом отношении очень большие...

Надо активно разоблачать Бандеру, Мельника, Поремского, Окуловича и многих других. Кто такой Бандера? Он был агентом гитлеровской разведки, потом английской, итальянской и ряда других, ведет развратный образ жизни, жадный к деньгам. Вы же, чекисты, все это знаете и понимаете, как можно скомпрометировать того же Бандеру»^[89].

По странному стечению обстоятельств через несколько месяцев после этого выступления Алексея Кириченко Степан Бандера погиб.

Выполняя приказ Москвы

Седьмая попытка покушения на Степана Бандеру была успешной. Поздним утром, в четверг, 15 октября 1959 года жильцы одного из домов в Мюнхене сообщили в службу «Скорой помощи» о мужчине, лежащем на лестничной площадке. Лицо у него было в синяках и пошло черными и синими пятнами, а костюм запачкан кровью. Умиравший страшно и визгливо что-то кричал по-украински. Рядом с ним стояла сумка с продуктами. В левой руке он сжимал связку ключей. По дороге в больницу этот человек скончался.

Врач при осмотре тела обнаружил спрятанную под пиджаком кобуру с пистолетом и сообщил о находке в правоохранительные органы. Полиция быстро установила личность умершего — некий Стефан Поппель, а судмедэксперт констатировал факт «наступления смерти вследствие насилия, путем отравления цианистым калием». При тщательном осмотре трупа на лице были обнаружены микроскопические осколки оболочки ампулы с ядом. А верхняя губа имела глубокий порез.

Через несколько часов выяснилось, что владельца паспорта на самом деле звали Степаном Бандерой. После этого вопрос о том, кто «заказал» жертву, у полиции отпал сам собой. Разумеется, Москва! Теоретически жертву могли убить бывшие соратники по ОУН — между ними шла жесткая борьба за власть, но в конце пятидесятых годов, прожив много лет в эмиграции, они уже были неспособны, как в молодости, на радикальные действия. Да и умереть в тюрьме никому из них не хотелось.

Еще один важный факт — необычное оружие убийства. Члены ОУН-УПА использовали традиционные

средства умерщвления: веревку, нож, пистолет и т. п. Цианистый калий — это из арсенала спецслужб.

Советская официальная пропаганда поспешила обвинить в совершении этого преступления министра по делам беженцев ФРГ Теодора Оберлендера, с которым Степан Бандера тесно сотрудничал в годы Второй мировой войны. Якобы по приказу этого политика «ликвидировали» руководителя ОУН. В Бонне к этой версии отнеслись скептически.

Также среди украинских эмигрантов начали стремительно распространяться слухи о том, что Степан Бандера стал жертвой западногерманских спецслужб. Эту версию полиция сразу же отвергла. Руководитель ОУН активно сотрудничал с британской разведкой. Маловероятно, что Бонн решил спровоцировать конфликт с Лондоном.

Третье предположение — Степан Бандера покончил жизнь самоубийством. Называли даже мотив этого поступка — ближайший соратник Мирон Матвиейко («Усмих») начал сотрудничать с КГБ в 1951 году и несколько лет обманывал его. Здесь нужно пояснить, кто такой «Усмих».

Вот что о нем в своей книге «Поединок без компромиссов» написали Дмитрий Веденеев и Иван Быструхин:

«Матвиейко Мирон Васильевич (1914, с. Беремовцы Зборовского р-на Тернопольской обл. — 10 мая 1984, с. Павлово Радеховского р-на Львовской обл.) Из семьи греко-католического священника. Псевдонимы — “Див”, “Жар”, “Рамзес”, “Усмих”.

Член ОУН с 1930 г. Образование незаконченное высшее медицинское. Ответственный сотрудник референтуры СБ Провода ОУН (Б). По заданию ОУН с 1941 г. сотрудничал с контрразведкой Абвер. С весны 1949 г. — руководитель референтуры СБ ЗЧ ОУН. Занимался вопросами контрразведывательной защиты

ячеек украинской политической эмиграции, подрывной работы против оппозиционных бандеровцам украинских политических организаций за рубежом.

Один из особо приближенных к Бандере людей. Жена М. Евгения Кошулинская — крестная мать сына С. Бандеры — Андрея, технический сотрудник СБ ЗЧ ОУН. По словам лидера ОУН в Украине в 1950–1954 гг. В. Кука, “способен на провокацию, может добиться признания даже от невинного человека”. За рубежом прошел обучение в спецшколе английской разведки под псевдонимом “Модди”. Получил задание С. Бандеры нелегально прибыть в Западную Украину и подчинить силы движения сопротивления ЗЧ ОУН. В ночь с 14 на 15 мая 1951 г. с группой эмиссаров ОУН был заброшен с английского военного самолета на территорию Тернопольщины. 5 июня того же года захвачен спецгруппой МДБ УССР. Принимал участие в оперативных играх советских органов госбезопасности с зарубежными центрами ОУН и спецслужбами некоторых стран НАТО.

В связи с политической нецелесообразностью имитировать перед иностранным сообществом наличие движения сопротивления в Западной Украине специальные мероприятия были приостановлены. 19 июня 1958 года специальным постановлением Верховного Совета СССР помилован. 24 декабря 1960 года М. выступил в СМИ УССР с осуждением собственного участия в националистическом движении»^[90].

Маловероятно, что предательство заброшенного за «железный занавес» эмиссара спровоцировало добровольный уход из жизни одного из руководителей ОУН. Версию самоубийства Степана Бандеры также опровергли и немецкие криминалисты. Они утверждали — было убийство, а не самоубийство. Об этом

свидетельствовал порез на верхней губе. Да и место, и время для самоубийства были выбраны странно.

Криминалисты так и не смогли реконструировать тип и модель оружия, из которого стреляли в жертву. Если это газовый баллончик, то почему на лицо жертвы попали фрагменты ампулы с ядом? Если убийца использовал носовой платок, смоченный смертоносным веществом, то как он выжил сам, вдыхая пары цианистого калия?

Ответы на эти и другие вопросы западногерманские правоохранительные органы услышали от убийцы, который добровольно явился с повинной. Рассказанная им история выглядела слишком фантастичной и похожей на сюжет бульварного романа. Потребовалось несколько месяцев на ее проверку.

Вечером 12 августа 1961 года в американский разведывательный центр в Западном Берлине позвонили из полицейского участка по обычному делу: человек, представившийся агентом советской разведки Богданом Сташинским, приехал городской железной дорогой в западный сектор, обратился в полицию и требует связать его с американскими властями. Такие инциденты тогда происходили регулярно. Сотрудники ЦРУ первоначально равнодушно отнеслись к этому сообщению и, следуя инструкции, провели первый допрос перебежчика.

Богдан Сташинский признался в совершении двух убийств: Степана Бандры и другого лидера ОУН Льва Ребета. Последний скончался утром 12 октября 1957 года от «острой сердечной недостаточности» на лестничной площадке в подъезде дома редакции газеты «Украинский самостийник». Под медицинским заключением о причинах смерти стояли подписи двух немецких врачей Вальдемара Фишера и Вольфгана Шпанна. В их профессионализме никто не сомневался. Умерший был очень крупной и влиятельной фигурой

среди эмигрантов — западноукраинских националистов. Он занимал пост редактора газеты «Украинский самостийник», был профессором мюнхенского Украинского вольного университета и председателем Политического совета ОУН.

Правда, историки до сих пор не могут объяснить, почему в Москве решили ликвидировать Льва Ребета. Единственная его «вина» перед советской властью — в начале пятидесятых годов прошлого века он написал две книги: «История нации» и «Формирование украинской нации». Правда, их мало кто прочел из проживающих в Европе украинских эмигрантов. А немногочисленным «солдатам» УПА эти творения были неинтересны. У них были свои идеологи, которые не только жили на территории Западной Украины, но и участвовали в боевых действиях. А чего читать произведения жившего с 1944 года в сытой и мирной Западной Германии человека. К тому же в 1948 году вместе с Миколой Лебедем, Иваном Бутковским и Мирославом Прокопом он стал одним из руководителей организации, выделившейся из ОУН(б), так называемой «Заграничной ОУН» или ОУН(з), а с 1956 года возглавлял ее с Зиновием Матлой.

Охота на Льва Ребета

Во время охоты на Льва Ребета «ликвидатор» использовал документы жителя Эссена Зигфрида Дрегера. Приехав в Мюнхен летом 1857 года, агент Москвы располагал лишь описанием внешности жертвы: среднего роста, крепкого телосложения, с быстрой походкой; носит очки, а на бритую голову надевает берет. Еще советская разведка установила адреса двух учреждений, где трудился Лев Ребет.

Богдан Сташинский поселился в отеле вблизи одного из эмигрантских учреждений, где работал Лев Ребет. Несколько дней он крутился в этих местах, пока не заметил из окна гостиницы человека, похожего на жертву. Через несколько часов он уже преследовал незнакомца по улицам Мюнхена до редакции эмигрантской газеты «Самостийная Украина» на Карлсплац. Пытаясь установить маршруты передвижения Льва Ребета, агент КГБ несколько дней ходил за ним по пятам, выбирая место для совершения убийства.

Закончив подготовку, Богдан Сташинский доложил о проделанной работе своему начальству. Из Москвы в Карлхорст приехал специалист, доставивший совершенно секретное оружие убийства.

Алюминиевый цилиндр диаметром два сантиметра и длиной пятнадцать сантиметров весил меньше двухсот граммов. Начинкой служил жидкий яд, герметично запаянный в пластмассовой ампуле. Яд не имел ни цвета, ни запаха. При нажатии цилиндр выстреливал тонкую струю жидкости. Перезарядить его было нельзя. После использования оружие следовало выбросить.

Для надежности, как объяснил убийце московский оружейник, струю яда следовало направить прямо в

лицо жертве, чтобы она ее вдохнула. Но можно целиться и на уровне груди, потому что пары поднимаются вверх. Стрелять следовало с расстояния не дальше тридцати пяти сантиметров. Ядовитые пары при вдыхании поступали в кровь. В результате артерии, снабжающие кровью мозг, почти мгновенно закупоривались — в них откладывалось нечто вроде тромбов.

Московский специалист утверждал, что смерть наступает максимум за полторы минуты и что задолго до того, как сделают вскрытие, яд полностью исчезнет из организма, не оставляя никаких следов.

Ему посоветовали держать оружие завернутым в газету и встретить жертву, когда та будет подниматься по лестнице. Тогда ему будет удобно нацелить цилиндр в лицо жертве, выстрелить и спускаться дальше.

В качестве противоядия исполнителю выдали таблетки атропина и ампулы с веществом, расширяющим артерии и обеспечивающим приток крови. Таблетку Богдан Сташинский должен был принять непосредственно перед покушением, а после выстрела раздавить ампулу и вдохнуть ее содержимое.

Утром Богдан Сташинский подстерег свою жертву около дома. Убийца опередил жертву, первым вошел в подъезд и стремительно поднялся по винтовой лестнице на пару этажей вверх. Услышав шаги жертвы, шагающий следом агент КГБ начал спускаться, держась правой стороны, чтобы Лев Ребет прошел слева. Когда идеолог ОУН был на пару ступенек ниже, Богдан Сташинский выбросил вперед правую руку и нажал спуск, выпустив струю прямо в лицо писателю. Не замедляя шаг, он продолжал спускаться. Он услышал, как жертва упала, но не обернулся. Выйдя на улицу, он зашагал в сторону Кегльмюльбах-канала и выбросил пустой цилиндр в воду.

Эмигрантские газеты лаконично сообщили, что Лев Ребет умер от сердечного приступа.

Охота на Степана Бандеру — 2

«Ликвидировать» вторую жертву агенту Москвы оказалось значительно сложнее. Хотя бы потому, что ее охраняли. Выше мы писали о том, что Службой безопасности было предотвращено несколько покушений на Степана Бандеру.

Богдан Сташинский под именем Ганса-Иоахима Будайта четыре раза ездил в Мюнхен, выслеживая Степана Бандеру. Местожительство жертвы он установил, найдя в телефонном справочнике адрес Стефана Поппеля.

А дальше убийцу ожидали трудности. Он много раз пытался проникнуть в жилой дом, но дверь подъезда всегда была заперта. Черного хода там не было. Пытаться проскочить в подъезд вслед за входящим жильцом было чересчур рискованно. Ему требовались ключ к замку и орудие убийства. Набор из пяти отмычек и новую модель газового оружия он получил в Москве. Это был двухствольный цилиндр. Принцип действия этого оружия не отличался от модели, использованной для убийства Льва Ребета.

Советские отмычки оказались непригодными для этой цели. Одна из них сломалась. Фрагмент извлекли немецкие криминалисты, когда изучали замок. Это послужило одним из подтверждений достоверности показаний убийцы.

С большим трудом Богдану Сташинскому самому удалось изготовить ключ от входной двери. Ему приходилось работать по ночам, соблюдая повышенную осторожность.

Наконец он смог попасть в подъезд. На двери одной из квартир на четвертом этаже увидел табличку «Поппель». Подробно осмотрев подъезд, в том числе

новый лифт, он решил, что готов к выполнению финальной части задания Москвы.

В то утро Богдан Сташинский дежурил около дома жертвы. Увидев, что жертва приехала на «опеле» без охраны и хочет поставить машину в гараж, агент КГБ поспешил в подъезд. Он поднялся по лестнице, рассчитывая, что атлетически сложенный Степан Бандера тоже воспользуется ей, а не сядет в лифт. Однако, услышав на верхнем этаже женские голоса, он понял, что не может задерживаться на лестнице, и начал спускаться. На площадке второго этажа он остановился и нажал кнопку лифта. Он точно не знал, где в этот момент находился руководитель ОУН. В этот момент женщина сверху миновала его, подошел лифт, а Степан Бандера распахнул входную дверь подъезда. Убийце ничего не оставалось, как начать спускаться к выходу. Жертва несла в правой руке тяжелую сумку с продуктами. Лево́й Бандера пытался вытащить ключ из кармана. Богдан Сташинский прошел несколько шагов по вестибюлю, а Степан Бандера, успевший вытащить ключ, придерживал для него дверь ногой.

Богдан Сташинский поднял свое оружие, завернутое в газету, и выстрелил из обоих стволов прямо в лицо жертве. Проходя в дверь, он успел заметить, как Степан Бандера осел набок.

Выслушав рассказ убийцы, немецкие следователи захотели узнать подробнее об оружии убийства. Ликвидатор охотно и подробно описал чудо спецтехники.

Оружие было изготовлено из алюминия и состояло из трех цилиндров, вставленных один в другой. В первом цилиндре находится пружина с толкателем. Спусковой рычаг освобождает пружину, и она выбрасывает толкатель вперед, через второй цилиндр. В этот момент ампула, содержащая смертоносную жидкость, разбивается, и она выпрыскивается в лицо жертве.

Спазм кровеносных сосудов наступает мгновенно, жертва теряет сознание, и через несколько минут наступает смерть. При вскрытии врач может лишь установить, что сердце остановилось, и делает заключение о сердечном приступе.

Это устройство было разработано и изготовлено в оперативно-техническом подразделении КГБ.

Следователей также интересовали причины, заставившие Богдана Сташинского явиться с повинной в органы правосудия Западной Германии. Ведь он понимал — убийство двух человек — уголовно наказуемое деяние. И ему предстоит понести наказание за это деяние.

Долгий путь на Запад

Каноническая версия, которая регулярно появляется в публикациях российских СМИ, звучит примерно так. Вот только она сильно отличается от того, что было в реальности.

Богдан Сташинский родился во Львове. Его семья была униатской и симпатизировала западноукраинским националистам. А вот ему нравилось быть пионером и комсомольцем, петь песни на русском языке и смотреть советские фильмы. В действительности он не просто симпатизировал западноукраинским националистам, а был активным участником ОУН, как и его сестры.

Во время учебы в педагогическом институте он порвал с родными и стал осведомителем местного управления министерства государственной безопасности СССР. Свои сообщения он подписывал псевдонимом «Олег». Да, это так, но там все было сложнее. Об этом подробно расскажем в следующей главе.

Богдан Сташинский активно участвовал в борьбе с ОУН-УПА. Вот только влекла его не советская идеология, а романтика тайной деятельности и острые ощущения. Его способности отметили и отправили учиться в Киев в одно из учебных заведений советской госбезопасности, где готовили нелегалов. Именно это он заявил следователю. На самом деле процесс подготовки «нелегала» — процесс индивидуальный и конспиративный. Да, действительно, после войны существовали учебные заведения, где в массовом порядке готовили агентуру для заброски на территорию советской Западной Украины, но агент «Олег» никаких специальных курсов не оканчивал. А киевские чекисты его тренировали по индивидуальной программе.

В течение двух лет Богдан Сташинский изучал немецкий и польский языки, а также основы разведывательности. В Западной Европе ему предстояло работать под личиной поляка, эмигрировавшего в Германию. Это так.

После окончания подготовки начался процесс стажировки в Восточной Германии. Он жил и работал в этой стране под именем Йозефа Лемана. Периодически он ездил в Западную Германию в качестве курьера и выполнял разовые поручения советской разведки. Богдану нравилась его таинственная жизнь. Раздражали лишь бездействие и мелкие поручения. Хотелось острых ощущений, как во Львове. Ведь там он постоянно рисковал своей жизнью. В действительности сначала он прожил несколько месяцев в Польше и только затем был выведен в ГДР. В Западной Германии он выполнял не «мелкие поручения», а занимался серьезной работой. Да и не раздражало его «бездействие», как утверждают авторы канонической версии.

На танцах в Восточном Берлине он встретил девушку по имени Инга Польш. Когда Йозеф Леман вел ее по танцплощадке, то внезапно осознал, что влюбился в партнершу по танцам. Ей был двадцать один год. Она работала парикмахером и никак не походила на одну из подруг Джеймса Бонда. Наоборот, была антиподом киношных роковых красоток. Обыкновенная внешность, порой даже неопрятная. За столом она вела себя, словно голодный волк. Интеллектуальными запросами не отличалась. Хотя и была яркой антикоммунисткой. А еще была искренне предана своему другу, который без памяти влюбился в нее.

Агент Богдан Сташинский дисциплинированно доложил руководству об изменениях в своей личной жизни. Девушку немедленно проверила восточногерманская полиция и установила, что у нее нет уголовного прошлого и она никогда не подозревалась в

связях с западными разведками. Про ее политические воззрения Москва не знала. Начальство разрешило продолжить контакты, но напомнила, что она немка, а значит — фашистка. А ее отец — капиталист! Ведь он владеет авторемонтной мастерской и эксплуатирует трех наемных рабочих. По советским меркам это был негативный факт.

Сташинского предупредили, чтобы он не рассказывал подруге ничего, кроме своей вымышленной биографии и того, что он работает переводчиком в восточногерманском министерстве торговли.

В перерывах между встречами с возлюбленной Богдан Сташинский выполнил два задания Москвы — убил Льва Ребета и Степана Бандеру. После выполнения первого его наградили фотоаппаратом «Контакс», а после второго — орденом Красного Знамени.

Вернувшись в Москву, он сообщил своему начальству о намерении жениться на Инге Польш. Руководство активно выступало против этого брака. Агенту предложили выбрать невесту из числа сотрудниц советских органов госбезопасности. Богдан Сташинский отказался от такого предложения и упорно настаивал на своем. В действительности в Москве сразу же одобрили его намерение жениться на Инге Польш.

В конце концов ему позволили вернуться в Восточный Берлин и сообщить невесте о том, что он советский разведчик. Затем молодоженам предстояло вернуться в Москву.

На Рождество 1959 года Богдан рассказал Инге о своей работе на советскую разведку. Подруга была поражена и расстроена. Она предложила пожениться и немедленно уйти на Запад. Он категорически отказался бежать. «Я все улажу с начальством», — пообещал Богдан. А она согласилась, хотя бы для вида, тоже сотрудничать с Москвой, чтобы помочь любимому человеку.

Это был первый поступок в карьере Богдана Сташинского демонстрирующий его недоверие к своему руководству.

Возвращение в Москву превратилось для возлюбленных в ад. Их номер в гостинице «Украина» прослушивался. Невесте не нравилась жизнь в СССР, она хотела вернуться домой, в Восточную Германию.

Она становилась все более отчужденной и просилась домой. В марте 1960 года им разрешили съездить в Восточный Берлин и оформить брак, а потом вернуться обратно. Церемония бракосочетания прошла 23 марта 1960 года. В мае супруги вернулись в Москву и стали жить в однокомнатной ведомственной квартире КГБ.

Богдан Сташинский проходил переподготовку. Из-за его брака планы послать агента в англоязычную страну были отложены. Теперь его ждала командировка в Западную Германию.

Хотя Инге и ходила с мужем на уроки немецкого языка, она решительно отвергла все попытки привлечь ее к полноценной разведывательной работе. Ее поведение делалось все более опасным. Она открыто и недвусмысленно призывала мужа порвать с КГБ и уйти на Запад. Его собственные отношения с родным ведомством делались все более натянутыми. Он узнал, что находится под наблюдением КГБ. Их корреспонденция перехватывается. В квартире установлены микрофоны.

Внезапно подготовка Богдана Сташинского была прекращена. Ему приказали ждать.

В сентябре 1960 года Богдан доложил руководству о беременности супруги. Начальники предложили сделать аборт. Это предложение и все остальные события спровоцировали приступ ярости у Инги, и она заявила, что в Москве они никому не нужны.

Женщина оказалась права. Мужа вызвали в КГБ и сообщили о его отставке. Ему предложили подыскать

новую работу. В течение семи лет он не имел права выезжать за рубеж. Инге разрешили уехать в Восточный Берлин.

Тогда они начали разрабатывать план побега на Запад. Супруга планировала выехать в Германию, родить там ребенка и установить связь с американской разведкой.

В январе 1961 года она приехала в Восточный Берлин. Родила там ребенка и попыталась установить контакт с ЦРУ. Все ее наивные попытки закончились неудачей. В августе она решила вернуться обратно в Москву. Гибель сына кардинально изменила ее планы.

Отец приехал на похороны сына в Восточный Берлин. Накануне траурной церемонии в четыре часа дня 12 августа 1961 года Богдан Сташинский с супругой и ее пятнадцатилетний брат Фриц покинули дом Инги через черный ход. Через заросшие кустарником дворы они незамеченными пробрались в центр Дальгова. Оттуда они прошли пять километров пешком до города Фалькензее. Появившись там около шести вечера, они взяли такси до Фридрихштрассе в Восточном Берлине. Пересечь границу между Восточной Германией и Восточным Берлином не стоило никакого труда: Сташинский просто показал документы на имя Лемана, и такси пропустили через КПП. Сорок пять минут спустя они достигли пункта назначения и отпустили такси. Фрицу Полю расхотелось идти с ними на Запад. Сташинский дал ему триста марок — почти все, что у него было, — на оплату похорон своего сына и отослал домой.

Убедившись в отсутствии слежки, Богдан и Инга остановили другое такси и подъехали к станции надземной железной дороги. Им везло. Хотя восточногерманская полиция проверяла документы у пассажиров поездов, шедших в западный сектор, до их вагона проверка не дошла. Около восьми вечера они

спокойно сошли с поезда в Гезундбруннене — первой остановке в Западном Берлине. На такси они приехали к тете Инги, а потом попросили отвезти их в полицию. Когда беглецы входили в помещение участка, в Берлине наступила ночь, в течение которой он оказался разделенным стеной.

Суд над Богданом Сташинским состоялся в октябре 1962 года в Карлсруэ. Учитывая признание и раскаяние подсудимого, его приговорили к восьми годам тюремного заключения за соучастие в убийстве. Оглашая приговор, судья заявил, что главным виновником является советское правительство, которое узаконило политические убийства. Впрочем, отсидел он еще меньше, вскоре попав под амнистию. После освобождения при помощи спецслужб ФРГ он и его подруга сменили фамилию, документы и скрылись в неизвестном направлении, справедливо опасаясь мести как бандеровцев, так и КГБ.

От агента «Олега» до внештатного киллера Тараса»

В предыдущей главе нашей книги мы указали на то, что распространенная СМИ версия биографии Богдана Сташинского лишь частично достоверна. О том, какую же на самом деле жизнь прожил убийца Степана Бандеры, можно узнать из документов, что были подшиты в личное дело спецагента «Олега», которое было заведено на него в УМГБ Львовской области.

Начнем с написанной им 14 октября 1952 года автобиографии. Большинство сообщенных в этом документе сведений чекисты могли легко проверить, поэтому большинство фактов соответствует действительности. Хотя писавший этот документ мог что-то и исказить. Например, умолчать про подробности своего участия в движении западноукраинских националистов во время учебы в старших классах школы. Там вообще какая-то странная история получилась. Но об этом ниже.

«АВТОБИОГРАФИЯ

Я, СТАШИНСКИЙ Богдан Николаевич, родился 4 ноября 1931 года в селе Барщевце, Ново-Ярычевского района, Львовской области в семье крестьянина. Воспитывался в семье.

Отец мой — СТАШИНСКИЙ Николай Васильевич по своим взглядам был националистом. В то время он состоял членом националистической организации “Просвита” и был долгое время председателем местного кружка этой организации, деятельность которого заключалась в распространении взглядов украинских

буржуазных националистов. Поэтому в семье я воспитывался в духе национализма, в духе непримиримой вражды ко всем остальным нациям, в том духе, что украинская нация самая передовая и задача каждого националиста, в том числе и моя в будущем — это бороться за ее освобождение, с тем, чтобы она со временем заняла такое положение, которое должна занять нация стоящая выше всех остальных. Будучи воспитан в таком духе, я в дальнейшем и придерживаюсь таких взглядов.

В 1938 году я поступаю в местную начальную школу, в которой и окончил I класс в 1939 году. В это время Западная Украина принадлежала к панской Польше, поэтому меня воспитывали главным образом в духе ненависти к польскому народу, В 1939 году Западная Украина была освобождена Красной армией и воссоединена в единую украинскую республику. В связи с этим и меняется направление моего националистического воспитания. Теперь мне внушают, что главным врагом украинского народа являются русские, которые захватили Западную Украину. Но в школу меня посылают, и до 1941 года я кончаю I и II классы.

В 1941 году гитлеровская Германия напала на Советский Союз и Западная Украина была оккупирована фашистскими захватчиками по 1944 год. За три года оккупации я дальше учился в местной школе и кончил III-IV классы, т. е. за три года 4 класса. 3 из них стационарно и один класс заочно, потому, что по установленным немцами правилам к 14 летнему возрасту нужно было окончить 7 классов.

Отец, как и другие националисты, смотрел на приход немецко-фашистских захватчиков как на освобождение от русского гнета, а на войну с Советским Союзом, как на единственное средство освобождения от угрозы большевизма. Поэтому понятно, что и я, хотя в этих

вопросах еще не разбирался, под влиянием отца смотрел на фашистских захватчиков как на каких-то освободителей, при помощи которых будет создано украинское независимое государство, и в котором не последнюю роль будет играть мой отец. Все эти соображения я брал из разговоров, которые велись дома между отцом и другими местными жителями — националистами. В этом, что отец будет играть видную роль в будущем — я не сомневался, так как его авторитет на всех националистических собраниях и праздниках, был очевиден.

Уже в последний год оккупации на сцену выступают мои сестры: Ирина и Мария. В то же время я впервые услышал об украинских “партизанах”.

Этому послужил тот факт, что из немецкой части, расквартированной в нашем селе, ушли в лес к украинским «партизанам» несколько человек русских, которые были на положении солдат в немецкой армии.

К этому времени из домашних разговоров я догадывался, что сестры Ирина и Мария имеют к этим “партизанам” какое-то отношение. Но в каком смысле и с кем я не знал.

В 1944 году немецко-фашистские захватчики были изгнаны. В этом же году я поступаю в 7 класс местной школы, который окончил в 1945 году. В 1945 году я поступаю в VIII класс II мужской СШ г. Львова и в этой же школе в 1948 году кончаю среднее образование. До 1947 года про оуновское подпольное движение я зная очень мало, но уже в то время, приезжая из города к родителям, я видел что сестры ведут какую-то работу. Сестра Ирина в это время работала учительницей в одном из сел нашего района. И вот приезжая домой она вела с сестрой Марией разговоры о том, что там у них в селе к ним приходят “партизаны” (причем она их называла по кличкам). Иногда сообщала Марии о том, что того или другого “партизана” убили.

Кроме этого я видел, что к Марии часто приходят девушки из нашего села, иногда из других сел, приносят продукты, деньги. Иногда Мария вечером куда-то уходила и возвращалась поздно.

Хотя это все от меня старались скрывать, но все же я видел, что сестры связаны с этими “партизанами” и, встречаются с ними.

Я пока, что от этого всего стоял в стороне. Толчком к моему более близкому знакомству с националистическим движением явился следующий факт.

В 1947 году в январе месяце я был задержан районными органами НКВД.

Обвинение, которое мне приписывали, заключалось в том, что я якобы на праздник пасхи в 1945 году охранял расклеенные около церкви националистические листовки и не давал жителям их срывать.

Это обвинение было ложное, поэтому пробыв под следствием четыре дня, меня отпустили. Допрашивали меня только по этому вопросу и про сестер ничего не спрашивали.

Если бы даже тогда меня про них и спросили, то я все равно ничего не рассказал бы, потому, что к этому времени под влиянием родителей я смотрел на советскую власть, как на враждебную власть по отношению к местному населению и исходя из этого я был уверен, что если что-нибудь расскажу, то меня тогда уже, наверное, не выпустят.

Кроме этого, тогда я уже воображал, что сказав, что-нибудь, я тем самым выдам других и стану “предателем”. После этого случая отношение ко мне родителей, в особенности сестер, изменилось. От меня больше дома ничего не скрывают, ибо на факте убедились, что я все равно никому ничего не расскажу.

Сестра Мария начинает меня вводить в курс своей деятельности. Она мне рассказывает, что связана с

«партизанами», помогает им, встречается с ними.

Тогда же я от сестры узнал, что она встречается с “партизаном” “КАРМЕЛЮКОМ”, который действует в нашем районе. В то же время я впервые знакомлюсь с таким “партизаном”. Это была девушка-нелегалка под кличкой “Надя”, которая часто приходила к сестре.

В том же 1947 году я во Львове на квартире живу вместе с жителем села Барщевце ВИТИНСКИМ Михаилом Петровичем, 1929 года рождения. Через него и его товарищей я ближе знакомлюсь с националистическим движением. ВИТИНСКИЙ был лично связан с “КАРМЕЛЮКОМ” и встречался с ним. Кроме того он был связан с сестрой. ВИТИНСКИЙ привозил во Львов националистическую литературу, которую ему давал “КАРМЕЛЮК”, и мы ее вместе читали.

Под влиянием этой литературы я начинаю, так сказать, идейно оформляться.

Разобраться в этом писании глубже я не мог и поэтому принимаю все эти националистические идеи за чистую монету. Про себя, конечно, я тогда решил, что пойду по тому же пути, что “КАРМЕЛЮК” и ему подобные.

В 1948 году я поступаю во Львовский государственный педагогический институт на физико-математический факультет. В том же году я впервые встречаюсь с “КАРМЕЛЮКОМ”. Встреча была случайной и происходила в доме родителей. “КАРМЕЛЮК” пришел к сестре, но как раз этой ночью я оказался дома. Правда, немного раньше сестра Мария мне сказала, что “КАРМЕЛЮК” очень хотел бы со мной встретиться. При первой встрече “КАРМЕЛЮК” расспрашивал об институте, об учебе, а также начал рассказывать кто такие бандеровцы, за что они воюют и т. д.

До 1950 года я еще несколько раз встречаюсь с “КАРМЕЛЮКОМ”, “СЛАВКО” и другими.

Все эти встречи носят случайный характер. Условленных встреч у нас с “КАРМЕЛЮКОМ” не было.

При всех этих встречах разговор шел главным образом о новой возможной войне Америки с Советским Союзом, с тем, что в результате этой войны должна быть построена "Самостийна Украина", о задачах националистов в данный момент. Уже тогда "КАРМЕЛЮК" начал внушать мне, что рано или поздно мне придется вступить в организацию и перейти на нелегальное положение, т. е. уйти в "партизаны". Тогда я конечно не имел ничего против того, чтобы уйти с "КАРМЕЛЮКОМ", потому, что не разбираясь в действительном смысле этой борьбы и набив себе голову националистическими идеями из их литературы, она мне представлялась действительно борьбой за "освобождение". Главное же то, что всю эту "партизанщину" я представлял себе в романтическом виде, и она была для меня очень привлекательна.

Но, несмотря на это, занятия в институте, лекции об украинских буржуазных националистах, очевидные успехи советской власти в Западной Украине, все это привело к тому, что я начал сомневаться в правоте националистов.

Этого, конечно, было недостаточно чтобы порвать всякие отношения с националистами и кроме того я был уверен, что заявив в органы про свою связь с оуновцами я тем самым, дам сам на себя показания и меня после этого посадят в тюрьму. На приказ Министра госбезопасности под влиянием родителей и самого "КАРМЕЛЮКА" я смотрел как на своего рода ловушку».

Поясним, что речь шла об очередной амнистии для тех, кто не совершил серьезных преступлений (например, скрывался в лесах от призыва в Советскую армию или помогал бандеровцам). Всего с 1944 года по 1949 год было провозглашено 6 амнистий.

«Сойти с этого ложного пути мне помогли органы МТБ. Весной 1950 года меня вызвали в железнодорожное отделение охраны МГБ ст. Львов-

Подзамче. Там мне разъяснили о действительной роли украинских буржуазных националистов как врагов советской власти и в первую очередь украинского народа и указали, что предо мною стоят два пути, и вся дальнейшая моя жизнь зависит от того, по которому из них я пойду.

Первый — это дальше поддерживать связь с оуновцами, что в конечном счете приведет меня к тюремному заключению и второй — это честно во всем признаться, помочь органам власти уничтожить имеющихся в районе бандитов и стать честным советским гражданином».

Фактически это была попытка вербовки «в лоб». Причем у Богдана Сташинского не было выбора. За ним было организовано наружное наблюдение и о его связях с бандподпольем чекистам было известно. Ситуация радикально отличалась от той, что произошла с ним в 1947 году. Тогда его задержали на основании доноса, ну, и возможно, информации о том, что его ближайшие родственники симпатизируют западноукраинским националистам. Что-то предъявить тогда ему было нечего. А сейчас все было серьезно. Было и еще одно отличие. Если в 1947 году он не был связан с бандподпольем и попав в поле зрения органов госбезопасности он не смог бы вывести чекистов на бандеровцев. А сейчас, даже отказавшись от сотрудничества с МГБ, он все равно бы засветил бандитов. Вот только последние могли бы решить, что он стукач со всеми вытекающими для него последствиями. Был и третий вариант — просто прекратить общаться со всеми, кто так или иначе был связан с бандподпольем, но он почему-то Богданом Сташинским даже не рассматривался или, по тем или иным причинам, был для него недоступен. Например, его бы не позволили реализовать сами чекисты. Все же человек, который знаком с лидером местной банды,

которую почему-то не получается ликвидировать, более ценен как агент, чем обычный мирный обыватель.

«Подумав над этим предложением, я согласился на сотрудничество с органами госбезопасности, т. е. избрал второй путь.

В первое время работа моя заключалась только в собирании сведений. Теперь я часто приезжаю к родителям и поэтому чаще встречаюсь с “КАРМЕЛЮКОМ”, беру от него литературу. Беседы между нами дальше ведутся только на тему, как выразился “КАРМЕЛЮК”, “нашей борьбы” (т. е. оуновской).

В это же время сотрудники все время ведут со мной разъяснительно-воспитательную работу. Став на путь борьбы с оуновским подпольем я стараюсь работать так, чтобы быстрее с ним покончить, ликвидировать “КАРМЕЛЮКА” и других. Но это мне пока не удастся, а одна неудачная операция ставит меня в такое положение, как будто я веду двойную игру».

Говоря другими словами, агент не оправдал надежды чекистов и не смог оказать помощь в ликвидации банды. Возможно, что с ним серьезно поговорили, объяснив, чем может закончиться плохая работа.

«И вот, чтобы быстрее ликвидировать бандитов нашего района, узнать всю бандитскую районную организацию, связь, связи с бандитами других районов, а также показать, что мои обещания помочь органам ликвидировать бандитов не одни лишь обещания на словах — я предложил органам план, по которому должен буду уйти в подполье под предлогом того, что меня преследуют органы с целью ареста.

После согласия последних, и предварительной подготовки в марте 1951 года я ушел в банду “КАРМЕЛЮКА”.

Свой переход к “КАРМЕЛЮКУ” я осуществлял через сестру Марию. Последней я сказал, что меня ищут органы МГБ и поэтому мне нужно уходить в подполье, она в свою очередь рассказала это “КАРМЕЛЮКУ” и он согласился меня взять с собой.

Со стороны “КАРМЕЛЮКА” мне было оказано полное доверие. Прямо у меня дома он мне вручил оружие и повел в свой схрон.

О полном доверии его ко мне свидетельствует еще и тот факт, что “КАРМЕЛЮК” взял меня на свою собственную ответственность, без предварительной проверки и согласия на это высшего провода, и только после двухнедельного моего пребывания в банде заявил об этом своему надрайонному проводнику “БУЙ-ТУРУ” (Роман Щепанский, один из руководителей ОУН на Украине. — *Примеч. ред.*). Последний при этой встрече заявил “КАРМЕЛЮКУ”, что после некоторого времени моего пребывания и знакомства с подпольем он возьмет меня к себе.

Доверию ко мне “КАРМЕЛЮКА” способствовал тот факт, что “КАРМЕЛЮК” дружил с сестрой Марией и считался дома как будущий ее муж (это все намечалось сделать при “Самостийной Украины” (сыграть свадьбу, когда Украина обретет независимость. — *Примеч. ред.*)).

Про мой уход в банду знали только родители и КАЧУР Анна Михайловна и Екатерина Михайловна (жительницы села Барщевце) — брат которых Прослав М. 1932 года рождения, под кличкой “БОГДАН” был в боевке “КАРМЕЛЮКА”».

Далее Богдан Сташинский рассказывает о своем нахождении в банде. Т. к. было начало пятидесятых годов, то бандеровцы крайне редко устраивали акции (убийства, уничтожение государственного и колхозного имущества и т. п.), а больше были озабочены вопросами выживания. Да и численность банд была минимальной.

«В банде я пробыл 3 месяца. За это время кроме “БОГДАНА” и “БОРИСА” встречался с бандитами “СЛАВКО” (ЗАРИЧНЫЙ Михаил 1930 г.), “МОРОЗЕНКО” (1931 г.), “СТЕФАН” (СТАХУР 1932 г.), “СКАЛА” (лет 35).

В первое время нас ходило четверо: “КАРМЕЛЮК”, “БОРИС”, “БОГДАН” и я. Потом “БОГДАН” ушел в другой район, и нас осталось трое. В банде мне дали кличку “ОЛЕГ”.

Вся наша деятельность заключалась в том, что мы периодически обходили весь район, собирали различные сведения, продукты, деньги, распространяли националистическую литературу. Кроме этого два раза в месяц мы ходили на связь к другим бандитам и к “БУЙ-ТУРУ”.

В силу всяких обстоятельств с “БУЙ-ТУРОМ” не встречался ни будучи в банде, ни раньше. В боевке “КАРМЕЛЮКА” я официально числился рядовым боевиком, но в действительности занимал положение другое. Во всех вопросах “КАРМЕЛЮК” всегда со мной советовался и что было обязательно для всех, на меня не распространялось.

Достаточно сказать, что я несколько раз писал во Львов письма сотруднику, с которым я работал, и в которых помещал мероприятия по ликвидации бандитов. “КАРМЕЛЮКУ” я говорил, что пишу эти письма к девушке, но сам он ни разу не поинтересовался, что я пишу, почему не обыкновенными буквами, а азбукой Морзе. Запретить же мне это делать он даже и не думал.

Узнав все то, ради чего я пошел в банду, я решил кончать с этой “партизанщиной”.

14 июня 1951 года была проведена предложенная мною операция. В результате ее “КАРМЕЛЮК” и “БОРИС” были ликвидированы, а я вышел из подполья».

Операция по ликвидации банды была проведена крайне неудачно с позиции сохранения в тайне

информации об агенте, и в результате о связи Богдана Сташинского с МГБ стало известно не только бандеровцам, но и местным жителям. Поэтому ему срочно пришлось уехать из родного села.

«После этого все время я жил во Львове. В июле месяце я узнал, что меня разыскивает сестра Ирина. Встретившись со мной, она сказала, чтобы я больше домой не приезжал, так как родители, в особенности Мария и мать, не хотят меня знать, одним словом, полностью от меня отказываются.

Придерживаясь дальше своих националистических взглядов, они считают меня, со своей националистической точки зрения, предателем. После этого с родителями я больше не встречаюсь.

В августе 1951 года меня определили в одну из спецгрупп при Управлении МГБ по Львовской области.

В этой спецгруппе я работал до последнего времени.

Мои родные:

Отец СТАШИНСКИЙ Николай Васильевич, 1900 года рождения;

мать СТАШИНСКАЯ-КАЧУР Павлина Михайловна, 1893 года рождения;

сестры СТАШИНСКАЯ Ирина Николаевна, 1925 г.р.,

СТАШИНСКАЯ Мария Николаевна, 1928 года рождения.

Родные братья матери:

КАЧУР Павел Михайлович, лет 50, проживал в селе Барщевцах, сослан за связь с бандитами на Север.

КАЧУР Иосиф Михайлович, лет 45, живет в селе Барщевцах, был связан с бандитами».

Свой среди чужих

Официальной датой начала сотрудничества Богдана Сташинского с органами госбезопасности следует считать 22 апреля 1950 года. Именно в этот день под диктовку сотрудника МГБ он написал следующий текст:

«Подписка

Я, Сташинский Богдан Николаевич, даю настоящую подписку органам МГБ в том, что буду честно сотрудничать с органами МГБ в их работе по выявлению лиц, ведущих борьбу против советской власти, антисоветский настроенных, а также из числа участников ОУНовского подполья и их пособников.

О своем сотрудничестве с органами МГБ я обязуюсь никогда и никому не рассказывать, в том числе и своим близким родственникам.

За разглашение настоящей подписки я несу уголовную ответственность, как за разглашение государственной тайны.

В целях конспирации даваемые мною материалы буду подписывать псевдонимом "Олег"».

Реальная жизнь находящихся на нелегальном положении бандеровцев в начале пятидесятых годов очень сильно отличалась от той, что обычно демонстрируют в советских и российских фильмах. Если и бандиты и применяли оружие, то только лишь в момент задержания, а чаще их ликвидации сотрудниками МГБ и военнослужащими внутренних войск. Так же резко снизилось количество убийств представителей советской власти и мирных жителей. Несмотря на это, западноукраинские националисты продолжали оставаться смертельно опасным врагом для чекистов и их агентуры.

16 июня 1951 года «Олег» подготовил первый отчет о своей работе в стане бандеровцев. Вот с чего начиналось его агентурное донесение:

«В соответствии с заданием о моем уходе в подполье ОУН — бандбоекку районного проводника “КАРМЕЛЮК”, я 10 марта 1951 года встретился с “КАРМЕЛЮКОМ” в квартире отца, куда “КАРМЕЛЮК” явился с бандитом “БОРИСОМ” (СЛАБИЦКИЙ Тарас) и под предлогом создавшейся острой обстановки о возможности моего “ареста” ушел с “КАРМЕЛЮКОМ” в подполье. Из квартиры мы трое направились в село Верхняя Билка в усадьбу БЕРКА Михаила, где в помещении коровника находился схрон.

В схроне в момент нашего прихода находился бандит-нелегал “БОГДАН” (КАЧУР Ярослав Михайлович). В указанном схроне мы находились с 10 по 16 марта, никуда не уходя. Продукты питания приносила домохозяйка — БЕРКО Мария. За это время в схрон заходили БЕРКО Михаил, его сыновья Николай и Роман, житель села Верхней Билки — ЛЫС, живет через два дома от БЕРКА. За этот промежуток времени “КАРМЕЛЮК” занимался вопросом инструктирования меня о целях и задачах ОУН, организационная структура и идеологическая программа, одновременно дал мне литературу для ознакомления по указанным выше вопросам.

По вопросу организационной структуры “КАРМЕЛЮК” рассказал, что низовым звеном является куст, которым руководит кущевой и с ним два подчиненных. Кущевой объединяет несколько сел. Районный провод состоит из районного проводника и с ним два-три человека, он же руководит кущевым в районе его деятельности. Следующая ступень является надрайонный провод во главе с надрайонным проводником, объединяющий до десяти районов. При надрайонном проводнике имеется работник “СБ” (служба безопасности. — *Примеч. ред.*).

Окружной провод объединяет несколько десятков районов в пределах одной области. При окружном проводнике имеется “СБ” и группа референтов, по различным вопросам. Более высшими проводами являются краевой и центральный.

В состав провода Ново-Ярычевского района, которым руководит “КАРМЕЛЮК”, входили: “КАРМЕЛЮК”, “БОРИС”, я и кущевой “СТЕФКО” (СТАХУР), уроженец села Ременов, Ново-Ярычевского района, рядовые боевики “БОГДАН” (КАЧУР Ярослав Михайлович, уроженец села Борщевцы) и “МОРОЗЕНКО” (данных о нем я не знаю). Причем “КАРМЕЛЮК” объединял села: Верхняя и Нижняя Билка, Миклашев, Чорнушовичи, Журавники, Сухорычи, Борщевцы, Пикуловичи, Большие Пидлиски, Старый Ярычев, Новый Ярычев, Прусы и Каменополь. “СТЕФКО” объединял: Цеперов, Кукезбе, Руданцы, Ременов, Запытов, Звертов, Сторонятын, Сулимов. По вопросу об идеологической подготовке “КАРМЕЛЮК” рассказал, что она делится на три ступени: первая ступень обязательна от рядовых боевиков до районного проводника включительно, вторая ступень для лиц, входящих в надрайонный и окружной провода и третья ступень — краевой и выше. Говоря о ближайших целях и задачах районного провода ОУН, “КАРМЕЛЮК” рассказал, что согласно указаниям вышестоящего провода они заключаются в следующем: глубокая конспирация своей деятельности, временно воздержаться от совершения открытых диверсионных и террористических актов, подбор наиболее проверенных лиц для связи и сбора сведений о мероприятиях и действиях советских органов и конкретных людей, распространения среди населения антисоветской литературы в виде брошюр и листовок, сбора материальных средств в виде продуктов питания и денег.

В вопросе подбора проверенных лиц особый упор сделать на привлечение молодежи и в частности, уроженцев восточных областей Украины с целью охватить своим влиянием население Восточной Украины, причем “КАРМЕЛЮК” сказал, что высший провод планирует в ближайшее время перебросить группами бандитов-нелегалов в Восточные области Украины для проведения активной оуновской работы, используя уроженцев Восточной Украины, привлеченных в ОУН для установления связи и использования их родственников и знакомых, проживающих в Восточной Украине.

После шести дней пребывания в схроне 16 марта “КАРМЕЛЮК”, “БОРИС”, “БОГДАН” и я пошли в село Большие Подлиски, но в связи с разливом реки Полтвы не сумели перейти на другой берег, а также наступление рассвета мы остались в лесу около села Богдановка, Глинянского района, где находились до ночи 17 марта, затем перешли мост через Полтву в селе Полонице, через железнодорожное полотно и направились в село Большие Подлиски, куда прибыли около 4-х часов ночи. Зашли в стайню (прямоугольная выгородка для лошади в холодном дворе крестьянской усадьбы — прим. ред.) СТАШИНСКОЙ Стефании, забрались на чердак и находились там в течение двух дней 18 и 19 марта. Кушать нам приносила СТАШИНСКАЯ Стефания, но на чердак она не заходила и меня она не видела, так как я этого не хотел, потому, что она меня лично знает. В ночь с 19 на 20 марта мы ушли в село Цеперов и зашли в дом жительницы этого села по имени Мария (живет в доме, который находится с группой других домов недалеко от села за речкой). Она по возрасту 24-25 лет. Вместе с ней живут сестра — 13-14 лет, брат Алексей 17-18 лет и мать. В данном доме были в течение суток. На встречу к “КАРМЕЛЮКУ” приходил житель этого села ДАНЬКО 40-43 года, который вел разговор с “КАРМЕЛЮКОМ” о плохом

отношении председателя колхоза с жителями, проживающими в хуторе, угрожая их выселить оттуда в село. ДАНЬКО просил "КАРМЕЛЮКА" зайти к председателю колхоза и попугать его. "КАРМЕЛЮК" отказался и передал ДАНЬКО несколько штук предупреждающих листовок, которые ДАНЬКО подбросил председателю колхоза.

С 21 по 27 марта находились в селе Кукезов. 4 дня находились в доме КОПИСТЕНСКОГО Михаила и три дня в доме ДАВЫДА Нестора. 22 марта, когда мы находились в доме КОПИСТЕНСКОГО приходил бандит "СЛАВКО" (ЗАРИЧНЫЙ) и "ЗИРКА", я, "КАРМЕЛЮК" и "СЛАВКО" остались в доме КОПИСТЕНСКОГО, а "ЗИРКА", "БОРИС" и "БОГДАН" ушли в дом МАКУХА в этом же селе. О нашем пребывании в доме КОПИСТЕНСКОГО знали: хозяин и вся семья. С 25 по 27 марта находились в доме ДАВЫДА Нестора. 25 марта в этот же дом пришли "БОГДАН", "ЗИРКА" и "БОРИС" и в этот же вечер "СЛАВКО" и "ЗИРКА" ушли, а остальные оставались в этом доме до 27.III. 25 марта приходила житель села Кукезово СОЛЯК Мария, принесла вышитую рубашку "СЛАВКЕ". Вся семья ДАВЫДА Нестора знала о нашем пребывании ДАВЫД Нестор рассказывал нам, что он несколько раз задерживался органами МГБ за связь с бандитами, но его освобождали, так как он якобы не знал что это были бандиты. В действительности дом ДАВЫДА Нестора являлся центром, куда сходились неоднократно бандиты. 27 марта мы направились в село Миклашов и проходя по улице увидел в доме КОПИСТЕНСКОГО освещенные окна и зашли туда, где застали "СТЕФАНА", "МОРОЗЕНКО" и "СКАЛА" (СБ при надрайонном проводе). Побыв с ними до 12 часов ночи мы направились в село Миклашов, где находились 28 и 29 марта. 28 марта находились в доме ПУГАЧ Марии. В этот день приходил житель этого села МОРАВСКИЙ, который знаком с "КАРМЕЛЮКОМ" (сам он старик, жена выслана в Сибирь).

29 пришли в дом жителя этого же села Михаила (работает в кооперативе, лет 30), находились в stodole. В 11 часов пришла жена Михаила и сообщила, что в соседнем доме 6 солдат с собакой делают обыск и нашли самогонный аппарат. Исходя из этого, "КАРМЕЛЮК" решил из села уйти. В 11-30 мы из stodолы вышли к железной дороге вблизи станции Подборце, перешли пути и направились в рощу вблизи села Каменополь. Там провели весь день. В этот же день в 23 часа пошли в село Борщевце, зашли в дом отца и в час ночи направились в село Верхняя Вилка в схрон, где находились до 8 апреля. Из жителей села Верхняя Вилка приходил БЕРКО Андрей, которому "КАРМЕЛЮК" велел принести имевшиеся у него две винтовки: немецкую и русскую, одновременно велел сделать ему приклад к автомату. На другой день сын БЕРКО Михаила — Николай поехал подводой к БЕРКО Андрею и привез от него две винтовки из которых одну "КАРМЕЛЮК" передал мне, а вторая находится в схроне.

С винтовками была отдана пулеметная лента и около 30 патронов к немецкой винтовке. 8 апреля ночью мы ушли в село Кукезово. По дороге заходили в село Борщевце в дом отца и в эту же ночь прибыли в село Кукезов, где находились 9-10 апреля. Зашли в дом КОПИСТЕНСКИХ, куда пришел "СТЕФКО", "МОРОЗЕНКО", "СЛАВКО" и "ЗИРКА". В 5 часов утра я и "СТЕФКО" ушли в дом ДАВЫДА Нестора, "ЗИРКА", "СЛАВКО" и "КАРМЕЛЮК" остались у КОПИСТЕНСКОГО, а "БОГДАН", "БОРИС" и "МОРОЗЕНКО" ушли в дом жительницы по имени Олеська (лет 30, работает в колхозе учетчиком, живет против дома Нестора ДАВЫДА через улицу). 10 апреля ночью "КАРМЕЛЮК", "СТЕФКО" и я пошли на встречу с надрайонным проводником "БУЙ-ТУР", которая должна была состояться в роще около села Звертов. К месту прибыли в 34 часа. В 0-30 часов пришел бандит "ОЛЕСЬ" и сообщил, что "БУЙ-ТУР" заболел и не придет,

и предложил “КАРМЕЛЮКУ” прийти вместе с “ОЛЕСЬ” к нему. Я и “СТЕФАН” пошли в село Звертов и зашли в дом фамилии хозяина не знаю (у него две дочери по имени Парания и Катерина), где пробыли весь день 11 апреля. В тот же день вечером я и “СТЕФКО” пошли в рощу, где должна была состояться встреча с “БУЙ-ТУРОМ”, куда пришел “КАРМЕЛЮК” и “ОЛЕСЬ”. Последний от нас ушел, а мы направились в село Кукезов и находились в доме ДАВЫДА Нестора. 12 апреля вечером направились в село Верхняя Билка. По пути зашли в село Борщевце в дом отца, побыли недолго и направились на Билку. Перейдя железнодорожный переезд и не доходя около 40 метров до моста через Полтву, “БОРИС” услышал шаги и мы остановились. Присев на обочине дороги мы заметили 4 солдат в плащ-палатках, которые вышли на мост, перешли на другую сторону, где мы находились. Солдаты сошли с моста и сели около разваленного каменного моста. Мы отошли метров 200 вдоль Полтвы по направлению села Полонице перешли реку бродом и сенокосом направились в Верхнюю Билку в схрон, где находились до 24 апреля. За это время к нам в схрон заходили несколько раз житель села Лыс и сыновья хозяина Роман и Николай (БЕРКО Роман работает в гор. Львов на Главпочтамте связистом). 24 апреля зашли в село Борщевце в дом моего отца, но побыли несколько минут и ушли, так как сестра Мария нас предупредила, что за домом следят и на следующий день после нашего прихода обязательно появляется гарнизон вместе с работником Ново-Ярычевского райотдела МГБ БУРДЫКИНЫМ. Взяли продукты и пошли обратно к Билке. Но не доходя железнодорожного моста против нашего дома услышали свист, поэтому направились в сторону Пикулович вдоль станционных путей и у входного западного семафора перешли ж.д. полотно, Полтву перешли вброд и направились в село Миклашев и находились весь день в доме ПУГАЧ Марии, которая

живет с дочерью. В этот день к нам приходил житель этого села по имени Андрей, работающий бригадиром тракторной бригады (недавно он случайно попал под тягач и лежит в больнице).

26 апреля вернулись в схрон Верхнюю Билку и в тот же день вечером пошли в село Сухорычи. Находились в лесу вблизи села. К нам приходили жительницы села Сухорычи Екатерина 24-25 лет и Мария 28-30 лет, родные сестры живущие в отдельном поселке на окраине села. Указанные лица принесли продукты питания и передали “КАРМЕЛЮКУ” устно материалы для отчета (состав правления колхоза, истребители (речь идет о местных жителях — бойцах т. н. «истребительных батальонов», которые занимались борьбой с бандитизмом. — *Примеч. ред.*), комсомольцы, выселение, аресты, облавы, данные о выдаче на трудодни, призванных в армию и т. д.). В этот же вечер пошли в село Чорнушовичи, находились в доме жительницы села Марии, которую по-уличному называют “БУНДЗЫК”, возраст 35 лет. У нее в доме живет учительница. У этой женщины “КАРМЕЛЮК” получил сведения для отчета, такие же, как в селе Сухорычи. В тот же вечер ушли в схрон, где находились до 2 мая.

За это время в схрон приходили: ЛЫС, жительница села Вилка ИВАНУХ Мария (25 лет) и ее брат ИВАНУХ Роман (18-19 лет), учится в 10 классе вечерней школы в г. Львове. ИВАНУХ Мария принесла батарейки для карманного фонаря, ружейное масло, иголки, 2 рулона обойной бумаги, указанные предметы она закупила в городе Львове по заданию “КАРМЕЛЮКА”, а брат ее Роман принес “КАРМЕЛЮКУ” большую карту УССР и отдельно Львовской области, которые были куплены по заданию “КАРМЕЛЮКА”.

В разговоре с “КАРМЕЛЮКОМ” последний сказал, что он хочет изучить карту Украины, надеясь быть туда посланным для работы, согласно графика “КАРМЕЛЮК”

со своей группой должен был быть в ночь с 3 на 4 мая в селе Кукезов, где должна была состояться встреча с группой “СТЕФКА” и “СЛАВКА”.

Ночью 2 мая “КАРМЕЛЮК”, “БОРИС” и я по пути в село Кукезов зашли в село Большие Подлиски в дом СТАШИНСКОЙ Стефании и находились там весь день 3 мая. Днем приходила сестра Мария, которая была вызвана грипсом, переданным ей КОЦУР Павлиной (живет в селе Борщевце на Залуче). Сестра принесла мне брюки и вела разговор с “КАРМЕЛЮКОМ”.

Вечером 3 мая мы направились в Кукезов, по пути зашли в дом жителя села Цеперов — ДАНЬКО (единоличник), что бы узнать обстановку в окружающих селах и ДАНЬКО сообщил, что в ночь с 1 на 3 мая в селе Кукезов происходила стрельба и днем была облава, что бандиты ночью наскочили на гарнизон. Исходя из этого, “КАРМЕЛЮК” и его группа вернулись обратно и пошли в поселок Рубашивка, Глинянского района. Находились в лесу, прилегающем к станции Полонице.

К нам приходила на встречу девушка, работающая ремонтнорабочим, по имени Мария, 22-24 лет (брат ее 18-19 лет горбатый, зовут его Петр, отец убит бандитами, живут в последнем доме со стороны Борщевец в Рубашивке). Эта девушка передала “КАРМЕЛЮКУ” продукты питания и сведения к отчету. В указанном лесу были в течение 4 и 6 мая. 5 мая ночью перешли в Полоницкий лес и находились вблизи разваленной будки ж.д. К указанному месту приходили днем в 12 часов сестры Мария и Ирина и КАЧУР Анна. Последняя пришла в надег де увидеть своего брата КАЧУР Ярослава Михайловича — “БОГДАНА”. Они были до 20 часов вечера и ушли в село, а мы пошли в схрон, где находились с 7 до 10 мая. За это время схрон посещали семья хозяина и ЛЫС.

11 и 12 мая мы находились в селе Чорнушовичи. 11 мая были у жительницы этого села Марии по уличной

кличке “БУНДЗЫК”, находились на чердаке. “КАРМЕЛЮК” послал Марию “БУНДЗЫК” за учительницей по имени Иванна, которая работала вместе с сестрой Ириной в школе села Чорнушовичи. В настоящее время работает директором школы семилетки и принимает активное участие в работе ОУН длительное время, в частности, она была участником ОУН вместе с бывшим директором школы в селе Чорнушовичи КОВАЛЬЧУКОМ Степаном Ивановичем. Иванна обещала придти, но почему-то не явилась.

12 числа были в доме жителя села Чорнушовичи Михаила, который до весны 1951 года работал председателем колхоза и работает в настоящее время бригадиром по дорожно-ремонтному строительству. Находились на чердаке дома.

К нам заходил хозяин дома, с которым “КАРМЕЛЮК” вел разговор о международном положении. 13 мая были в роще между селами МИКЛАШОВ, Верхняя Билка, а 14 были в схроне.

15 мая были в Миклашове у ПУГАЧ Марии, К нам приходили Андрей (бригадир тракторной бригады) и председатель колхоза села Миклашов — СКОРОБАТОВ. “КАРМЕЛЮК” вел с ними разговор о международном положении, о неминуемом выступлении Америки против СССР. “КАРМЕЛЮК” дал указание председателю колхоза СКОРОБАТОВУ, чтобы последний дал продукты питания ПУГАЧ Марии, которая нас кормила. СКОРОБАТОВ обещал выполнить указание. Позднее ПУГАЧ Мария сообщила “ШИШКУ”, что СКОРОБАТОВ дал ей 50 кг пшеницы и 10 кг муки. Андрей передал “КАРМЕЛЮКУ” сведения о количестве тракторных бригад и фамилии бригадиров какие бригады прикреплены к селам. С 16 по 18 были в роще около Верхней Билки. 16 и 17 мая ночью заходили в дом жительницы села Верхняя Билка ИВАНУХ Марии у которой получили продукты питания. Ночью 18 мая заходили в дом жителя села Миклашов

МОРАВСКОГО и в ту же ночь ушли в рощу села Каменополь. Там были в течение дня 19 мая. Проходя по роще, мы наткнулись на незнакомого человека в возрасте около 60 лет, который резал прутья. "КАРМЕЛЮК" его остановил и стал интересоваться им кто он и откуда. Последний рассказал, что он является жителем села Подборцы по фамилии БОЙКО, что его сын в 1947 году был арестован и осужден на 25 лет как активный участник ОУН и что его выдал бывший бандит по кличке "ИРОД", действовавший в селах Винниковского района и явившийся в органы МГБ с повинной. "КАРМЕЛЮК" беседовал с БОЙКО около 30 минут, дал ему антисоветские листовки и брошюры для распространения среди населения села Подборцы, одновременно предупредил БОЙКО, чтобы последний никому не говорил о встрече с лесовиками, на что БОЙКО ответил, что он старый националист и его учить не надо. Возвращаясь ночью 19 мая из рощи в село Миклашов и проходя по железнодорожным путям, "КАРМЕЛЮК" разбросал по путям листовки на протяжении около 300 метров.

20 мая были в Миклашове в доме ПУГАЧ Марии. К ней приходил МОРАВСКИЙ, который беседовал с "КАРМЕЛЮКОМ".

21 мая были в роще села Верхняя Вилка. С 22 по 25 мая были в схроне. К нам приходил ЛЫС. Он пришел 24 мая утром и предупредил "КАРМЕЛЮКА", что ИВАБУХ Мария заметила в парке в ночное время каких-то людей, которые устроили засаду. «КАРМЕЛЮК» предупредил нас, что в Миклашов мы не пойдем, где должны были быть 25 мая у МОРАВСКОГО, который должен был купить для "КАРМЕЛЮКА" материал на брюки и там же жить до 25 мая. 25 мая утром пришел ЛЫС и сказал, что участковый и истребители наскочили на гарнизон, в результате чего произошла стрельба.

Придя второй раз днем ЛЫС сказал, что рассказывают, что участковый был пьяный и, проходя мимо парка, услышал шум и начал стрелять.

26 мая были в лесу около села Сухорычи, куда приходили на встречу к “КАРМЕЛЮКУ” Екатерина и Мария, они приносили продукты питания. 27 и 28 мая были в лесу около Рубашквка. На встречу к “КАРМЕЛЮКУ” приходили Мария — рабочая на транспорте. Вместе с ней пришли две девушки Екатерина и Анна. Две сестры, живущие в последнем доме хутора Рубашивка в сторону станции Полонице. Обрабатывают в городе Львове. Анна работает на электроламповом заводе учетчиком выпущенных за день производством лампочек:

28 мая ночью пошли в село Старый Ярычев, где находились весь день 29 мая в доме жителя села фамилии не знаю, живет вблизи мельницы около дороги идущей от мельницы к шоссе. Является “СТЕЛЬМАХОМ” (КОЛЕСНИК). Работает в колхозе, но мастерская находится в его доме, живет вдвоем с женой. Днем приходил начальник истребителей села Старый Ярычев по имени Славко, который передал “КАРМЕЛЮКУ” данные по отчету согласно вопросам. В это же посещение Славко сказал “КАРМЕЛЮКУ”, чтобы последний стер номер на стволе автомата, который он обменял “КАРМЕЛЮКУ”. Этот ствол в настоящее время лежит в схроне в Верхней Вилке. В этот же день к “КАРМЕЛЮКУ” приходил житель села КАЦ, работающий в свиарнике колхоза Старый Ярычев, “КАРМЕЛЮК” вызывал последнего через хозяина дома для того, чтобы КАЦ обеспечил нас продуктами на 2 дня. КАЦ принес 1 кг 500 гр. колбасы, 2 кг сала и буханку хлеба.

До последнего посещения мы были в Старом Ярычеве 7 или 8 апреля и находились в доме НОВАК Цецилии, работающей мелиоратором в Ново-Ярычевском райисполкоме. В этом же доме проживает НОВАК

Николай, работающий лесничим в Ярычевском лесу, “КАРМЕЛЮК” беседовал с последним по вопросу о проведении засад гарнизоном в Ярычевском лесу. НОВАК ответил, что он не заметил фактов устройства засад. 30 мая находились в роще вблизи села Ременов. 30 мая ночью должны были встретиться с “БУЙ-ТУРОМ” в роще около села Звертов.

На месте встречи с 24 часов до 2 никого не оказалось. Проходя по дороге вдали рощи по направлению к селу Звертов, мы были обстреляны неизвестными лицами. По нас было сделано 6 выстрелов. Мы бросились в разные стороны, причем “БОРИСА” мы не нашли, а “КАРМЕЛЮК” предложил мне пойти с ним к “БУЙ-ТУРУ”. Мы пошли в село Артасов, вошли в дом Оксаны (фамилия неизвестна), возраст 25 лет, дом в центре села, работает в колхозе. “КАРМЕЛЮК” обратился к хозяйке дома с вопросом: “Где БУЙ-ТУР?”. Но она ничего не ответила. Этот вопрос был задан два раза, и хозяйка ответила, что его нет. Одновременно Оксана сказала “КАРМЕЛЮКУ”, что 30 мая был “ЧУМАК” — кто этот бандит, я не знаю. Там мы находились весь день 31 мая и ночью пошли в Сторонятын, надеясь встретить “СТЕФКА”, но его там не оказалось. В этом доме, где мы рассчитывали найти “СТЕФКА”, в усадьбе ЧЕХ Емилии в стойне находится схрон “СТЕФКА”. Там провели 1 число. Туда приходила нареченная (невеста. — *Примеч. авт.*) “СТЕФКА” Мария, работающая в колхозе и ее отец, считается в селе пьяницей (он производил обмер земли в 1951 г. выделенной колхозникам для личного пользования). 1 числа ночью пошли в Кукезов, где у КОПИСТЕНСКОГО пробыли 2 число, затем перешли в село Цеперов, нашли “БОРИСА” в доме Марии, после чего вернулись в Кукезов в дом КОПИСТЕНСКИХ, где пробыли в течение дня 3 июня. В этот вечер пришел “СЛАВКО” и “ЗИРКА”, после чего вместе направились в поле, где провели весь день

4 мая. Находясь в доме КОПИСТЕНСКОГО, “СЛАВКО” велел хозяину выкопать литературу, которая была закопана на огороде и передал ее “КАРМЕЛЮКУ”. С 5 по 8 июня находились в селе Цеперов, причем 5 и 6 были в доме Марии. На встречу к “КАРМЕЛЮКУ” приходил один парень по имени Василий, живущий в доме ДАНЬКО и учится в пошивочной мастерской села Борщевце. Он принес две фуражки, которые шил по заказу “КАРМЕЛЮК” и вместе с братом Марии — Алексеем закопали литературу, которая была получена от “СЛАВКА”. От “КАРМЕЛЮКА” получили листовки для распространения. 7 июня в доме жителя села Цеперов, который живет в последнем доме поселка в сторону села Кукезов. Находились там целый день на чердаке, куда заходил хозяин и его дочь Анна, которой “КАРМЕЛЮК” дал националистическую литературу. 8 июня находились в доме жителя по имени Юлик, возрастом около 30 лет, работает в колхозе. Туда приходил ДАНЬКО, который снова просил “КАРМЕЛЮКА” воздействовать на председателя колхоза. 8 июня вечером пошли в село Старый ЯРЫЧЕВ и находились в доме колесника в течение 9 июня. На встречу к “КАРМЕЛЮКУ” приходил КАЦ и просил его привести работника рай финотдела ПАРХАЧ, так как последний должен был передать сведения об агенте госстраха, убитого “КАРМЕЛЮКОМ” в селе Миклашов в конце 1950 года, но ПАРХАЧ не пришел. 9 июня ушли в село Миклашов, находились у ПУГАЧ Марии, на встречу приходил МУРАВСКИЙ, который принес “КАРМЕЛЮКУ” брюки и пиджак. Оттуда пошли в схрон на Верхней Билке, где находились 11 и 12 июня. В схроне находились “СТЕФКО” и “БОГДАН” с 3 июня, ожидая “КАРМЕЛЮКА”. В схрон заходил ЛЫС и семья хозяина. 11 июня вечером “СТЕФКО” и “БОГДАН” ушли в село Сторонятын в схрон. 12 июня вечером пошли мы в рощу между селами Миклашов и Верхняя Билка, где

находились до момента проведения операции. Из рожи никуда не отлучались, и к нам никто не приходил...».

Далее «Олег» подробно рассказал о всех известных ему местных жителях, кто оказывал помощь бандеровцам. Причем не только назвал имена и места проживания, но и конкретные деяния. В частности он проинформировал органы о «30 человеках, принадлежавших к бандподполью ОУН или являвшихся бандпособниками... Из числа выявленных “ТАРАСОМ” националистов в разное время ликвидированы — 7 человек, арестовано и осуждено — 10 человек, разрабатывается по делам — формулярам — 5 человек, состоит на списочном учете — 7 человек, завербовано — 1 человек».

После ликвидации банды «Кармелюка» использовать «Олега» в качестве внедренного в «бандеровское» подполье агента было невозможно. По причине того, что местные чекисты своими непрофессиональными действиями расшифровали его перед ОУН.

Во-первых, когда «Олег» находился в банде «Кармелюка», то единственный из бандитов, кроме главаря, знал о нескольких схронах. «Несмотря на это операции по ликвидации этих схронов проводились немедленно после получения от него данных и без попытки зашифровки».

Во-вторых, местным жителям было известно о том, что из всей банды «Кармелюка» чудодейственным образом уцелел лишь «Олег», что навело многих на мысль о том, что именно он сдал банду. «Ввод его в банду проведен по утвержденному плану, а о выводе никто не подумал».

В-третьих, сестра «Олега» Мария Сташинская, которая была любовницей и связной «Кармелюка», заявила о том, что ее брат — агент МГБ.

В-четвертых, один из руководителей ОУН на Украине «Буй-Тур» в августе 1951 года прислал письмо отцу

«Олега» с угрозой убить сына за сотрудничество с МГБ.

В-пятых, согласно хранящимся в личном деле агента документам: «встречи оперработника с “Олегом” довольно упрощены. «Олег» часто бывает около здания УМГБ, звонит из бюро пропусков».

И это далеко не полный перечень признаков свидетельствующий о расконспирации «Олега».

В составе агентурно-боевой группы «Тайфун»

В июле 1951 года оперуполномоченный 1-го отделения Отдела 2-Н УМГБ Львовской области лейтенант Чингилян, «рассмотрев материалы личного дела № 22083 агента “Олег”... полагал бы... Сташинского включить в оперативно-боевую группу “ТАЙФУН” с присвоенным ранее псевдонимом “Олег” и использовать его в литературных мероприятиях в качестве агента-боевика с выплатой 900 рублей в месяц».

Начальник 4-го отделения Отдела 2-Н УМГБ Львовской области старший лейтенант Ежов согласился с предложением подчиненного.

О том, чем конкретно занимался агент-боевик «Олег» — неизвестно. Согласно «Заключению о дальнейшем использовании» от 17 мая 1952 года в составе «оперативно-боевой группы проявил себя с положительной стороны, как дисциплинированный, смелый, находчивый и инициативный, в быту скромный». Так же в документе указывалось: «недовольство на работу в составе спецгруппы “Олег” не проявляет. В предательстве или двухрушничестве не замечен». Согласно результатам этой своеобразной аттестации было признано возможность его дальнейшего использования в качестве «рядового агента-боевика».

Отметим, что группа «Тайфун» была не единственной. По состоянию на 20 июня 1945 года на территории Западной Украины действовало 156 спецгрупп (1 783 человека). Из них в Черновицкой области (по состоянию на 20 апреля) — 25 спецгрупп (106 человек); Львовская — 26 спецгрупп (219 человек); Станиславская — 11 спецгрупп (70 человек); Дрогобицкая — 10 спецгрупп (52 человека);

Тернопольская — две спецгруппы (34 человека);
Ровенская (на 20 мая) — 49 спецгрупп (905 человек);
Волынская — 33 спецгруппы (397 человек)^[91]. По советским данным за период существования спецгрупп было ликвидировано 1163 повстанца, арестовано 2 000 и принудительно сдалось — 700 бандитов.

Готовясь к работе за рубежом

Еще в конце 1951 года в УМГБ Львовской области начал прорабатываться вопрос о возможности использования агента-боевика «Олега» на закордонной работе.

Окончательное решение принималось не во Львове или в Киеве, а в Москве. Зам. начальника ПГУ (Первое главное управление) МГБ СССР С. Федосеенко направил письмо заместителю министра госбезопасности Украины Даниилу Есипенко, где в частности сообщил:

«Учитывая личные, деловые качества и возраст “Олега”, а также заинтересованность во внедрении нашей проверенной агентуры в разведшколы иноразведок, особенно американских, полагаем, что “Олег” более подойдет для этой цели.

Просим сообщить Ваше мнение по этому вопросу, и имеете ли Вы возможность организовать заброску агента в Мюнхен по нелегальным оуновским каналам».

Ответ на это письмо был отправлен 14 апреля 1952 года. Начальник Первого отдела МГБ УССР Григорий Бурлаченко написал:

«Сообщаем, что МГБ УССР нелегальных оуновских каналов, по которым можно бы было вывести агента “ОЛЕГА” в Мюнхен для внедрения в иноразведки, не имеет.

Считаем целесообразным использовать “ОЛЕГА” на закордонной работе в качестве агента-боевика, о чем сообщено Вам 15 февраля с.г., № 422с».

Такой ответ был предсказуем. Не будешь же объяснять начальству в Москве, что из-за грубых ошибок сотрудников МГБ агент «Олег» фактически был расконспирирован и любая попытка его внедрения в оуновское подполье бессмысленна.

Прибывшие из Москвы начальник отделения 3-го отдела ПГУ МГБ СССР полковник Касьянов и его подчиненный — оперуполномоченный майор Панасенко после беседы с «Олегом» и изучением материалов личного дела, согласились с мнением киевских коллег. В рапорте на имя С. Федосеенко, который был датирован 26 июня 1952 года, они, в частности, написали:

«Мы считаем, что осуществление этого мероприятия по варианту (вывод за кордон по нелегальным каналам оуновского подполья. — *Примеч. ред.*), предложенному МГБ УССР было бы неоправданным риском, имея ввиду, что “Олег” расшифрован перед своим окружением и подпольем ОУН, а также то, что он, кроме польского, не владеет никаким иностранным языком, за границей не был и связей там не имеет.

...полагаем возможным заняться подготовкой для посылки его за кордон на длительное оседание. Для этого, используя знания “ОЛЕГОМ” польского языка, направить в Польшу с задачей обустройства личной семейной жизни, изучения иностранного языка и соответствующей подготовки по нашей линии...»

Говоря другими словами, авторы документа предлагали подготовить разведчика-нелегала, который, выдавая себя за беженца из Польши, переберется в Западную Европу и там легализуется. При этом его бандеровское прошлое никак не будет использовано.

В середине июля 1952 года в МГБ приняли окончательное решение об использовании «Олега» на нелегальной работе за рубежом. Через месяц была определена страна пребывания, и чем конкретно будет заниматься Богдан Сташинский.

«“Олега”» следует готовить для вывода в Зап. Германию. Учитывая то, что там сосредоточены различные украинские националистические антисоветские организации и их главари, а так же его личные качества и характер выполняемых им заданий,

«Олега» следует готовить для возможного проведения различных активных мероприятий (выемки, операции по «Л» или захвату)».

Под словом «выемки» подразумевается тайное проникновение в помещения и изъятие различных документов (например, картотек из штаб-квартир различных антисоветских организаций) — в пятидесятые годы популярное занятие советской внешней разведки на территории ФРГ; «операции по «Л» — ликвидация (убийство), а захват подразумевал не просто незаконное лишение свободы, но и вывоз жертвы на территорию СССР или одной из соцстран Восточной Европы. Было распространено меньше, но практиковалось.

«Олег» может быть залегендирован и отдокументирован как немец, длительное время проживавший в Польше. Промежуточными странами для его подготовки и документирования могут быть Польша и ГДР».

В сентябре 1952 года Богдан Сташинский был исключен из спецгруппы «Тайфун» и передан на связь 1-му отделу МГБ УССР (внешняя разведка). 10 сентября 1952 года «Олег» приехал в Киев. Начался новый этап в его жизни. Именно тогда ему был сменен оперативный псевдоним. Теперь он стал «Тарасом».

В конце сентября 1952 года началась языковая подготовка. Несмотря на то, что всех документах утверждалось, что он владел немецким языком (это была одна из причин того, что его планировалось вывести в Западную Германию) в реальности его знания были очень скромными. А чего ожидать от будущего школьного учителя физики и математики, который отучился три года во Львовском педагогическом институте и бросил учебу из-за того, что бороться с врагами советской власти важнее, чем работать преподавателем. Немецким языком с «Тарасом» должна

была заниматься переводчик 1-го отдела МГБ УССР лейтенант Тамараева.

Начиная с февраля 1953 года в течение 2 месяцев 3 раза в неделю зам. нач. отделения отдела милицейской службы Республиканского управления милиции капитан Яковлев обучал «Тараса» «методам защиты и нападения “Самбо”». Кроме обучения приемам рукопашного боя Богдан Сташинский прошел курс «специальной и политической подготовки», который состоял из двух блоков дисциплин.

Первый блок включал в себя занятия по политической подготовке. Во-первых, «Тарас» самостоятельно изучил краткий курс истории ВКП(б). При этом ему было рекомендовано обратить «главное внимание на борьбу нашей партии с врагами партии и соц. государства и разгром их». Планировалось, что на это он потратит 60 часов самостоятельных занятия и 10 часов семинарских занятий. Во-вторых, 48 часов самостоятельных занятий было потрачено на «политинформации на тему современного международного и внутреннего положения». Рекомендовалось обратить «главное внимание на благородную борьбу советского народа и народов других стран за мир, против американских поджигателей войны». В-третьих, 4 часа было израсходовано на лекции по теме: «Украинские националисты — злейшие враги Советского социалистического государства, агентура англо-американских разведывательных органов».

Второй блок — специальные дисциплины. В частности, в течение 10 часов лекций и 2 часов семинарских занятий «Тарасу» рассказывали о том, «каким должен быть советский разведчик, действующий в тылу врага». Вот тезисы лекций:

«честность;

смелость, стойкость и мужество в борьбе с врагами;

находчивость;

преданность партии Ленина-Сталина и соц. родине;
готовность к самопожертвованию во имя Родины».

Столько же времени «Тарас» должен был потратить на изучение другой темы — «Моральный облик советского разведчика за границей»? По окончании этого курса он должен был усвоить:

«где бы ты не находился, помни что ты секретный представитель Советского Соц. государства, помни о своем долге выполнить задание советской разведки;

не поддавайся вражеской пропаганде, умело отстаивай интересы СССР;

верь в правоту нашего дела и торжество коммунизма;

твои заслуги Родина оценит, а подвиг вознаградит;

всюду и везде сохраняй государственную тайну;

будь всегда начеку, с трезвым умом. Не поддавайся легким увлечениям (вино, женщины, неразборчивые связи и т. п.), ибо это твои враги, могущие привести к невыполнению полученного задания».

В курсе «Методы работы буржуазных контрразведывательных органов» идеологии было значительно меньше, а практики — больше. За 20 часов лекций, 20 часов практических занятий и 4 часа семинаров «Тарас» должен был изучить следующее:

«провокация и шантаж, обман и подкуп — главное в работе иностранных контрразведывательных органов;

наружное наблюдение противника, приемы обнаружения наблюдения и уходы от него;

применение противником техники как средства разоблачения агентуры (подслушивание телефонных разговоров и бесед в квартирах, просмотр переписки, проведение секретных выемок документов и т. п.);

провокаторы и способы их разоблачения, всякое подозрение обязательно перепроверять».

В курсе «Конспирация как основное средство защиты от контрразведывательных органов противника» (20 часов теории, 10 часов самостоятельного изучения и 60 часов практических занятий) основное внимание было уделено таким вопросам:

- «всегда помни о коварных приемах иностранных контрразведывательных органов;

- перепроверка основное средство от провала при деловых встречах;

- работать на проверенных явочных и конспиративных квартирах — залог успеха и гарантия от их расшифровки;

- совершенствовать методы разведывательной работы и связи со своим руководителем;

- легализация и прикрытие;

- не разглашай никому о характере выполняемого секретного задания советской разведки;

- никто не должен знать о Вашем знании русского языка».

В курсе «Как организовать связь в условиях заграницы» (20 часов теории и 80 часов практики) рассматривались следующие темы:

- подбор конспиративной и явочной квартиры;

- подбор кандидата для использования в качестве содержателя конспиративного телефона;

- подбор содержателя конспиративного ящика;

- подбор «мертвого почтового ящика» (тайника);

- сигнализация, где и как она применяется;

- основные требования по связи с центром (непрерывность, надежность связи, дублирование и т. п.).

Следующий курс — «Практическое обучение тайнописи, шифровальной и кодированной переписке» (6 часов теории и 70 часов практики).

На занятия по дисциплине «Практическое обучение по документальной и микрофотографии и способы ее

передачи в центр» было израсходовано 10 часов теоретических занятий и 80 часов практических.

А вот на «Общее знакомство с агентурной обстановкой в Западной Германии» было предусмотрено всего лишь 2 часа теории.

Не была забыта и стрелковая подготовка. На изучение «правил пользования оружием иномарок («Парабеллум», «Вальтер» и др.), а также на стрельбу в тире было предусмотрено 12 часов теории и 16 часов практики.

На профподготовку («изучить специальность шофера, уметь хорошо водить автомобиль») было израсходовано 40 часов теории и 80 часов практики.

На улучшение владения немецким языком («уметь вести разговор с немцем, с акцентом иностранца польского происхождения») отводилось 140 часов теории и 20 часов семинаров.

В июне 1953 года Богдана Сташинского планировалось направить в Польшу для прохождения дальнейшей подготовки, а спустя два месяца — в ГДР. Согласно разработанной легенде, «Франц Мюллер» родился 4 ноября 1931 года «от внебрачных родителей в Дрездене». Когда ему было два года, мать вместе с сыном переехала в Польшу и поселилась в городе Лодзь. Именно там он окончил польскую школу. Это объясняет его слабое знание немецкого языка. В январе 1945 года мать погибла во время бомбежки. Так как «Франц Мюллер» — уроженец Германии, его «всегда тянуло на родину». Поэтому он и переехал в ГДР.

Впрочем, этот план так и не был реализован. В сентябре 1953 года «Тарас» продолжал находиться в Киеве, где началась «шлифовка» его польского языка. Преподаватель пообещал, что «сделает из него настоящего поляка».

В октябре 1953 года в Москве решили, что выводить «Тараса» в Западную Германию для использования на

нелегальной разведывательной работе нецелесообразно. По двум причинам. Во-первых, он «не имеет достаточного жизненного опыта». Во-вторых, слабо владеет немецким языком. Правда, предполагалось использовать его «в качестве связника или установщика, с предварительным выводом и легализацией в Германской демократической республике, как немца польского происхождения».

В середине ноября 1953 года были подведены итоги подготовки Богдана Сашинского. «... с ним проводились занятия по стрелковой подготовке и он обучен вождению автомашины. Из чекистских дисциплин “ТАРАСУ” преподавались темы о способах связи с посредником и без посредника, методы конспиративных встреч, наружного наблюдения и некоторые сведения по установкам.

Кроме этого, “ТАРАС” изучает немецкий язык и может объясняться на не сложные бытовые темы, а так же тренирует разговорную практику на польском языке, которым владеет в совершенстве».

В мае 1954 года была составлена новая «легенда» для агента «Тараса». Согласно ей, его звали Брониславом Николаевичем Качуром. Родился он 4 ноября 1930 года на территории Польши. Отец по национальности — украинец, мать — немка. «Из рассказов родителей я знаю, что отец являлся солдатом русской армии и участвовал в боях с австро-германскими войсками в период Первой империалистической войны. В 1916 году немецкими войсками он был взят в плен и находился в Германии до 1929 года. В этот период времени он женился на немке Шульц Иоганне, являвшийся моей матерью. В 1929 году отец и мать переехали в Польшу, где проживали родители отца». Отец устроился работать на текстильную фабрику, где и погиб в январе 1944 года в результате аварии машины. В 1945 году мать вместе с сыном решила вернуться в

Германию, где проживала ее сестра, но погибла во время бомбежки эшелона. После этого «Бронислав Качур» остался в Польше, где работал шофером. В 1951 году он написал письмо бургомистру восточногерманского города, где проживала сестра матери, письмо с просьбой найти ее. Бургомистр в ответном письме сообщил ее адрес. Он подал прошение о переезде из Польши в ГДР, и власти ему разрешили. «Таким образом, я с 1952 года являюсь жителем ГДР». А вот дальше самое интересное.

«Будучи в Польше, мой отец принимал некоторое участие в работе украинских националистов и особенно в период войны. Он мне рассказал об их “борьбе” за “самостийную Украину”.

Моя мать была недовольна тем, что отец имел связи с националистами, т. к. иногда отлучался из дома и даже отъезжал куда-то на несколько дней.

Под воздействием убеждений отца я также имел связи среди членов молодежной националистической группы украинцев, проживавших в Польше. Этих лиц я знал по кличкам. Мы читали и распространяли среди польских украинцев националистическую литературу».

Руководство советской внешней разведки все же решило использовать «Тараса» для работы против проживающих в эмиграции лидеров украинских националистов. Если бы его планировалось использовать против антисоветских организаций, то в «легенде» были эпизоды подтверждающие факт его неприятия советской власти.

Согласно подготовленной 25 июня 1954 года характеристики «На агента 1 отдела КГБ при СМ УССР», которую подписал старший оперуполномоченный 1 отдела майор Белов и подтвердил начальник отделения 1 отдела майор Карташев:

«...За период с сентября 1952 по июль 1954 года агент “ТАРАС” находился на подготовке при I отделе КГБ

при СМ УССР. За это время он приобрел специальность водителя автомашины, овладел польским языком, успешно изучает немецкий язык, проходил политехнику и обучался некоторым чекистским дисциплинам. К учебе "ТАРАС" относился серьезно и с интересом. По своим личным качествам честный, смелый и способный агент, предан Советской Родине, правильно понимает политику нашей партии и правительства. Аморальных поступков не проявлял. Спиртные напитки употребляет мало, не курит, физически здоров, татуировок и других особых примет не имеет.

За время нахождения в Киеве имел знакомых женщин, с некоторыми из них находился в интимных связях, о чем не скрывал от работавших с ним оперработников.

Весь период подготовки "ТАРАСА" воспитывался в духе честности и правдивости перед органами государственной безопасности. Увлекается чтением художественно! литературы, любит посещать кино и театры, но над политической литературой работал меньше чем над чтением художественной литературы. На это неоднократно обращалось внимание агента "ТАРАС".

Разведывательной работой за кордоном агент "ТАРАС" интересуется. Предложение о работе за границей принял совершенно добровольно.

Агент "ТАРАС" может быть использован для внедрения в разведывательные центры иностранных государств или для работы по спецмероприятиям...»

На закордонной работе

Поздно вечером 9 июля 1954 года Богдан Сташинский на советско-польской границе на участке 2-й погранзаставы 5-го погранотряда был «передан представителю Польской республики». За границей ему предстояло пройти дополнительную подготовку, а так же вжиться в роль жителя Польши и побывать в тех местах, где он проживал согласно разработанной легенде. Ему еще повезло, т. к. часто советским разведчикам-нелегалам приходилось изучать места, где прошло их «детство» и «юность» по фотографиям, туристическим путеводителям и описаниям составленными другими людьми. В силу различных причин у них не было возможности лично побывать в этих местах.

20 ноября 1954 года «Тарас» был переправлен в ГДР. Планировалось, что там он завершит свою подготовку перед отправкой в Западную Германию. Согласно «Справке-характеристике на агента 1 отдела КГБ при Совете министров УССР “ТАРАСА”» от 2 ноября 1954 года: «агента “ТАРАС” может быть использован для внедрения в разведывательный центр иностранного государства или для работы по спецмероприятиям».

В сентябре 1955 года подготовка «Тараса» была завершена. 12 сентября 1955 года он приехал в отпуск в СССР. Планировалось, что после завершения отдыха и возвращения в Восточную Германию Сташинский «через некоторое время будет выведен на Запад». Впрочем, КГБ не спешило с реализацией этого плана. Так, в феврале 1955 года «Тарас» продолжал оставаться в ГДР, где выполнял различные задания.

Вот подробное описание одного из них — встреча с агентом «Максимовым» 7 апреля 1957 года в Мюнхене.

«5-го апреля 1956 г. источник получил задание выехать в г. Мюнхен для встречи с “МАКСИМОВЫМ” с целью окончательной перевербовки последнего, а также для передачи ему писем, средства тайнописи и денег.

С этой целью источник выехал 5-го в Лейпциг, откуда 6-го апреля в 3.25 утра прямым поездом Лейпциг — Мюнхен уехал в Мюнхен. При переезде границы никаких осложнений не было. После прибытия в Мюнхен около 19-ти часов источник устроился на жительство в гостинице “Гельветия” по ул. 46.

7-го апреля в 11 часов источник отправился на место будущей встречи, чтобы изучить это место. Недалеко от места встречи находился кинотеатр, первый сеанс в котором начинался в 15.30, что могло явиться вполне вероятным предлогом для пребывания источника в этой части города.

Согласно заданию источник должен был спрятать письма и фотоснимки в тайнике, но подходящего места он для этого не нашел и решил пойти на встречу с “МАКСИМОВЫМ” с этими материалами. Ознакомившись с местом, источник уехал в город. В 14.50 источник приехал к месту встречи, осмотрел местность, чтобы выявить, не ведется ли за местом встречи наблюдения. Ровно в 15.00 появился “МАКСИМОВ”. Увидев его, источник еще раз осмотрел местность, обождал, пока автобус не увезет людей со стоянки и, убедившись, что никакой опасности нет, источник пошел к “МАКСИМОВУ”.

Подходя к последнему, источник вытащил папиросу и попросил у “МАКСИМОВА” огня. Последний ответил, что нет у него (на немецком языке). После того, как источник убедился, что имеет дело с “МАКСИМОВЫМ”, он спросил “Василий Михайлович?” (на украинском языке).

Последний ответил: “да”. Тогда источник вытащил визитную карточку АДЛЬФА, данную Вами, показал ее “МАКСИМОВУ” и спросил, узнает ли он ее. Тот ответил,

что да, узнает. Тогда источник предложил “МАКСИМОВУ” пройти по улице. “МАКСИМОВ” был удивлен, что встретил незнакомого ему человека, и спросил: “А где же Рудольф?”

“Не Рудольф, а АДОЛЬФ” поправил его тут же источник и объяснил, что АДОЛЬФ заболел и по состоянию здоровья не смог лично приехать на встречу. На это “МАКСИМОВ” ответил, что во время последней встречи АДОЛЬФ его предупредил, что возможно приедет кто-нибудь другой, и что вол получается, что он за два месяца вперед знал, что заболеет. На это замечание источник возразил, что АДОЛЬФ действительно заболел, а во-вторых, особенности работы таковы, что ни один разведчик не может поручиться, что на следующую встречу явится именно он. Поэтому и АДОЛЬФ, встречаясь с “МАКСИМОВЫМ” предупреждал, что на следующий раз с ним может встретиться другой человек. Источник также не может точно сказать сейчас, будет ли он или же кто другой в следующий раз встречаться с “МАКСИМОВЫМ”. С этим замечанием “МАКСИМОВ” согласился. Дальше источник сказал, что у него имеются фотокарточки, на которых Адольф заснят с его родными и эти фотокарточки должны служить доказательством того, что источник знаком лично с АДОЛЬФОМ и является представителем советской разведки. На это “МАКСИМОВ” ответил каким-то неопределенным междометием, что означало, что в этом он не сомневается, однако источник счел нужным подтвердить эту деталь.

После этого “МАКСИМОВ” задал первый вопрос источнику: “Что вы привезли нового?” Источник ответил, что он не знает, что “МАКСИМОВ” под этим подразумевает. Если новое от семьи — то источнику ему привез два письма от жены, кроме того письмо от АДОЛЬФА. Затем источник сказал, что нужно зайти в какой-нибудь гасштетт (небольшой ресторан. — *Примеч.*

авт.), так как погода очень плохая и там будет удобнее вести деловую беседу, и предложил “МАКСИМОВУ” самому выбрать гасштетт. “МАКСИМОВ” ответил, что с этой частью города он не знаком и не знает, где здесь гасштетты. Если источник какой-нибудь знает, то пусть его ведет, так как он “МАКСИМОВ” уже не тот, что был раньше (имея в виду отказ от места встречи в ресторанах, предлагавшихся АДОЛЬФОМ) и пойдет туда, куда источник ему предложит. На это источник ответил, что он знает об осторожности “МАКСИМОВА” в этом вопросе и поэтому и предложил ему самому выбирать место, но раз он уже изменил свое мнение по этому вопросу, то они зайдут в первый попавшийся гасштетт. Затем “МАКСИМОВ” спросил: сколько писем ему было написано нами? Источник ответил: два письма.

“МАКСИМОВ” сказал, что он получил только одно письмо, а второго, большого письма, о котором было сказано в первом письме, он не получил. “МАКСИМОВ” сказал, что в своем первом письме к нам он поднял вопрос о встрече с женой и просил ответить ему на это. В первой нашем письме он ответа на этот вопрос не получил и ждал его от нас во втором большом письме, которого до сих пор не получил.

“МАКСИМОВ” заявил, что все это время он ждал это письмо и что очень обеспокоен судьбой этого письма.

Если оно, заявил “МАКСИМОВ”, попало в чужие руки, то у него могут быть неприятности. На это источник ответил “МАКСИМОВУ”, что поводов к волнению нет никаких. Во-первых, “МАКСИМОВ” допускает некоторые неточности, так как наше письмо оканчивалось не словами: “Ждите второго большого письма”, а “в следующем письме напишу больше”, что это обычная фраза, которой обыкновенно оканчиваются письма и что в данном случае “МАКСИМОВ” неправильно, т. е. буквально понял эту фразу. Во-вторых, по некоторым техническим причинам последнюю часть письма

“МАКСИМОВА” не удалось прочесть (видимо, при писании письма “МАКСИМОВ” сдвинул неосторожно копирку и тем самым размазал текст, из чего следует, что он должен писать более аккуратно, так что мы не знали о его просьбе и поэтому не могли ответить). Он же, не зная этого думал, что получил ответ во втором письме. Отсюда это недоразумение. В-третьих, если бы даже прочли все письмо “МАКСИМОВА”, то все равно не смогли бы ответить, так как никогда в открытом тексте не пишется, что-нибудь такое, что могло бы вызвать подозрение у людей, перехвативших это письмо. Это письмо было самого обыкновенного содержания и если даже оно попало кому-нибудь другому в руки, то никаких поводов для волнений у “МАКСИМОВА” не должно быть.

К этому времени источник и “МАКСИМОВ” нашли гасштетт и зашли в него. “МАКСИМОВ” заказал себе пиво, источник — кофе. Усевшись за столик, “МАКСИМОВ” попросил показать письма. Посмотрев фотокарточки и прочтя письма жены и АДЛЬФА, “МАКСИМОВ” спросил: “С каким заданием вы приехали?” Источник ответил, что никакого специального задания у него нет, что он приехал просто для того, чтобы встретиться, поговорить и выяснить отношения “МАКСИМОВА” к ранее сделанным предложениям советской разведки в деле дальнейшего сотрудничества с нею. Вот по этим вопросам источник и хотел бы поговорить с “МАКСИМОВЫМ”. На это “МАКСИМОВ” сказал: “Я не знаю, насколько вы информированы по вопросу, о котором я говорил с АДЛЬФОМ”.

Источник ответил, что с этим делом он хорошо знаком, даже больше, чем кто-нибудь другой (согласно заданию, источник при необходимости должен представиться как шеф АДЛЬФА). “МАКСИМОВ” ответил: “Я вижу, что несмотря на большую разницу в

годах между вами и АДОЛЬФОМ, вы, видимо, закончили какие-то специальные школы”.

На неопределенное движение источника головой “МАКСИМОВ” сказал: нечего качать головой, я это сразу заметил. Вы хорошо все это сделали, там, на месте встречи. Я должен сказать, что АДОЛЬФ вел себя неправильно. Один раз на встрече в Новом Ульме я даже подумал, что он подослан какой-то другой разведкой”. На это источник ответил, что “МАКСИМОВ”, наверно, плохо понял АДОЛЬФА. Источник объяснил, что сам АДОЛЬФ очень нервный, как музыкант, кроме того, АДОЛЬФ немножко заикается, и “МАКСИМОВ”, видимо, поэтому имел неправильное представление о нем.

В этом месте “МАКСИМОВ” попросил извинения и разрешения сходить по естественной надобности в уборную. “Если вы боитесь, что я убегу, то идемте со мной”, — сказал он. Источник сделал удивленно-непонимающее лицо и даже воскликнул “Господи”, на что “МАКСИМОВ” ответил: “кому-кому, но вам-то не пристало говорить «Господи»”. Источник ответил, что просто он не нашел другого слова, чтобы выразить свое удивление сказанному “МАКСИМОВЫМ”.

Возвратившись к столу, “МАКСИМОВ” продолжил беседу с источником. Он снова спросил: “С каким заданием вы приехали?” Источник ответил так же, что и в первый раз. Тогда “МАКСИМОВ” сказал, что сначала он хотел бы кое-что спросить источника. Источник выразил согласие отвечать.

“МАКСИМОВ”: Вы отсюда или оттуда?

Источник: Мы должны быть с Вами вполне откровенны. Да, я оттуда.

“МАКСИМОВ”: Вы тоже виделись с моей женой?

Источник: Нет, вашей жены я не видел. С женой и родственниками встречался только АДОЛЬФ. Я знал о жене от АДОЛЬФА. Так как АДОЛЬФ сейчас в Союзе, то он снова встретится с вашей женой, но это будет позже,

так как он уедет сначала в санаторий. “МАКСИМОВ”: “Но в какой санаторий?”

Источник: Во всяком случае не тот, который вы помните еще с 1939 года.

“МАКСИМОВ”: Если мой вопрос вам не понравится, то вы можете не отвечать, но я хотел бы знать, как вы сюда приехали, официально или по другим документам?

Источник: Приехал я неофициально. На сегодняшний день у нас нет еще возможности переезжать границу по красной книжечке. После этого источник спросил “МАКСИМОВА” о его намерениях по отношению сотрудничества с советской разведкой.

“МАКСИМОВ”: Я считаю, что раз я уже написал письмо, то это меня к чему-то обязывает. Но пока я не увижусь с женой, серьезно работать не буду.

Источник: Пока вы встретитесь с женой, может пройти довольно много времени. До встречи с женой вы писать нам будете?

“МАКСИМОВ”: Писать я буду, но никаких секретных сведений я вам не дам. А знаю я очень много.

Источник: В этом мы не сомневаемся.

“МАКСИМОВ”: Я хочу узнать от жены всю правду. А она мне скажет. Если вы даже подговорите ее не говорить мне правды, то я с ней так поговорю, что она мне все расскажет. Я узнаю, была ли она на свободе или вы ее специально после того, как заинтересовались мной, привезли из Сибири. В том, что она сидела, я не сомневаюсь. Вы мне снова начинаете доказывать, что неправда, но я не верю. После того, как я встречусь с женой и узнаю, что она действительно не репрессировалась, я вам даю честное слово, что выполню любое задание ваше, даже самое опасное. Я сделаю все, что вы только от меня потребуете.

Источник: Доказывать вам я как раз не собираюсь. Давайте предоставим все это дело вашей жене.

Вы встретитесь, поговорите, сами убедитесь. Главная задача теперь, чтобы вы побыстрее с ней увиделись. Неофициально через границу мы ее везти не можем, так как немецкий язык она знает очень плохо и ее могут арестовать, при переезде границы, а рисковать вашей женой мы не имеем права. Есть только две возможности. Первая, это включить ее в какую-нибудь делегацию, что сделать трудно, так как она ни ученый, ни врач, ни спортсмен. Вторая возможность состоит в том, что, если в сентябре с.г. приедет советская футбольная команда в Западную Германию, ее можно будет включить в число туристов, Но это очень долго ждать. Остается еще Западный Берлин.

“МАКСИМОВ”: В Западный Берлин я могу приехать.

Источник: Тогда давайте устроим встречу в Западном Берлине. Вы прилетите самолетом, устройтесь в гостинице, куда мы и приведем к вам жену.

Затем источник заявил, что “МАКСИМОВ” должен выяснить свои возможности для такой поездки, т. е. сможет ли он по документам, имеющимся у него, взять для себя билет.

“МАКСИМОВ”: А по каким документам ездил ЛЕВИЦКИЙ? По своим или вы ему дали?

Источник: Никаких документов мы ему не давали, он ездил по своим.

“МАКСИМОВ” ответил, что у него такие же документы, как у ЛЕВИЦКОГО.

Источник: Остается только выбрать день.

“МАКСИМОВ”: В апреле я не смогу приехать.

Источник: Тогда давайте на нашу пасху.

“МАКСИМОВ”: Вы еще помните нашу пасху?

Источник: Ну, знаете! Я не помню, я знаю. И если это вас интересует, то могу сказать, что она будет 6-го мая.

“МАКСИМОВ”: Тогда договоримся или на пасху или троицу. Об этом мы договоримся в письмах.

Источник: Вы все хорошо разузнайте и напишите нам, когда вы сможете приехать. Об этом вы должны нам написать не позже, чем за 10 дней до вашего приезда. Так как прибыв в Берлин Вы нам позвонить не можете о месте встречи, а именно возле входа в гостиницу.

“МАКСИМОВ”: Но чтобы это не было за полкилометра от секторальной границы.

Источник: Можете быть спокойны. Это километра три от границы. В письме укажите день, когда вы приедете, и время встречи.

“МАКСИМОВ”: Я бы не хотел указывать дня.

Источник: Хорошо. Тогда напишите, что такого-то числа в столько-то часов приходите в указанное место. А то, когда вы приедете, нас абсолютно не интересует.

“МАКСИМОВ”: Хорошо. Я выясню сначала вопрос моей безопасности и тогда напишу.

Источник: Пожалуйста. Это ваше право, хотя я должен вас заверить, что вам никто не собирается ничего плохого сделать.

“МАКСИМОВ”: Я вам должен сказать, что советской разведке было бы невыгодным меня убирать. Я вам очень много могу дать полезного.

Источник: Почему вы думаете, что вас собираются похитить, убить?

“МАКСИМОВ”: Я это знаю.

Источник: “Должен вам сказать, что вы плохо знаете, если так говорите. У вас осталось плохое воспоминание еще с довоенных лет, но за это время многое изменилось”.

“МАКСИМОВ”: Скажите, что вам лучше всего, чтоб я здесь был, или там?

Источник: Безусловно, чтобы вы здесь были.

“МАКСИМОВ”: Вы очень хитрые:

Источник: Ничего не сделаешь.

“МАКСИМОВ”: Вас еще что-нибудь интересует?

Источник: Да, я хотел бы выяснить несколько вопросов. Как вам известно, БУЛГАНИН и ХРУЩЕВ едут в Англию. Как относятся к этой поездке эмигрантские организации, в частности, УРДП, какие меры предпринимаются в связи с этой поездкой?

“МАКСИМОВ”: Эмиграция считает эту поездку пропагандистской. УРДП приняло решение выступить с пассивным сопротивлением. Устраивать митинги, выступления. Демонстрации должны носить мирный характер, без террористических актов, без выкрикивания всяких нецензурных слов.

Источник: Кто из эмигрантов выехал в ЛОНДОН.

“МАКСИМОВ”: 26-го апреля с.г. в Лондон уехал редактор газеты “Украинские Вести” БЕНДЕР. Официально он поехал жениться и свадьба действительно состоится, но только в мае месяце с.г. Неофициально он поехал как представитель УРДП по организации протеста.

Я хочу вас предупредить, чтобы вы не придавали БЕНДЕРУ особого значения. Как политорганизатор, он большой роли не играет. Он хороший администратор и в Англию он поехал как редактор и представитель УРДП. Главную же роль в организации протеста играют бандеровцы.

Источник: Вы уверены, что никаких террористических актов не будет?

“МАКСИМОВ”: Таковые могут предпринять отдельные личности, не входящие в эмигрантские организации, но не члены организаций.

Источник: Но БУЛГАНИН и ХРУЩЕВ все-таки гости английского правительства, и последнее может запретить эти выступления.

“МАКСИМОВ”: Мы уже имеем согласие английского правительства о невмешательстве.

Источник: Насколько мне известно во время поездки МАЛЕНКОВА по Англии эмигранты предпринимали

попытки устроить митинг протеста, хотели нанять помещение, но владельцы отказались предоставить им эти помещения. Что вы на это скажете?

“МАКСИМОВ”: Дело в том, что никто не думал, что так получится. Все приняли поездку МАЛЕНКОВА, как поездку специалиста по интересующему его вопросу. А это оказалась пропагандистская поездка. Поэтому не было времени провести соответствующую подготовку. Нужно сказать, что в этом случае вы всех перехитрили. При поездке БУЛГАНИНА и ХРУЩЕВА ясно видно, что это пропагандистская поездка. Вы легко можете добиться того, чтобы английское правительство запретило демонстрации.

Источник: Каким образом?

“МАКСИМОВ”: Устройте несколько провокаций.

Источник: Что вы имеете в виду?

“МАКСИМОВ”: Несколько провокационных выступлений, а затем потребовать у правительства запрещения?

Источник: Разрешите вам заметить, что вы очень плохого мнения о советской разведке. В нашей работе такими методами, как провокация, мы не пользуемся.

Дальше “МАКСИМОВ” сказал, что он получил от БЕНДЕРА уже три письма и пообещал в первом же письме своем к нам сообщить адрес БЕНДЕРА. Причем у БЕНДЕРА два адреса. Первый, на который идут деловые письма, а второй — на который он просил посылать частные письма. В письме “МАКСИМОВ” укажет, который из них частный адрес.

Далее источник перешел к вопросу о связях УРДП с американской разведкой в частности с “Американским комитетом” и его руководителем НЕЙЧЕМ. “МАКСИМОВ” сделал непонимающее лицо. Тогда источник сказал: “Давайте возьмем конкретно ВОСКОБОЙНИК — НЕЙЧ”.

“МАКСИМОВ”: Сам ВОСКОБОЙНИК фигура небольшая и к разведке он не имеет никакого отношения.

Источник: Но позвольте. Вся финансовая поддержка УРДП идет по линии НЕЙЧ — ВОСКОБОЙНИК.

“МАКСИМОВ”: Ого. Вы, оказывается, все знаете.

Источник: Что все, не могу сказать, но очень многое.

“МАКСИМОВ”: Я сам тоже хорошо знаком с НЕЙЧЕМ. Несмотря на эту связь ВОСКОБОЙНИКА с НЕЙЧЕМ, ВОСКОБОЙНИК не имеет никакого отношения к разведке, я это знаю точно. Я знаю людей, которые связаны с американской разведкой, но я сообщу вам это в письме».

Источник: Как там у вас обстоят дела в руководстве в УРДП в связи с болезнью Ивана Павловича и с возможной кандидатурой на его пост?

“МАКСИМОВ”: Пока так как было раньше. Самая вероятная кандидатура на этот пост — это ГРИШКО. Если БАГРЯНЫЙ уйдет с поста, то ЦК немедленно из Европы перейдет за Океан. Вопрос об этом уже несколько раз подымался, но из-за того, что здесь БАГРЯНЫЙ — он и оставался неразрешенным. Я лично не очень в восторге от БАГРЯНОГО, как организатора и писателя, но в эмигрантских кругах он пользуется очень большим авторитетом.

Источник: Как его здоровье вообще? Он все еще в Сен-Блазене?

“МАКСИМОВ”: Да. Врачи сказали прямо, что вылечить его вам мы не вылечим, но поддерживать можем.

Источник: Какие вообще отношения между членами ЦК?

“МАКСИМОВ”: Я как член ЦК очень хорошо эти отношения знаю, но я вам на этот вопрос отвечу в письме.

Дальше источник обратил внимание “МАКСИМОВА” на то, что со времени его связи с советской разведкой, последний перестал печатать свои статьи. Не вызовет ли это подозрения среди руководителей УРДП? Возможно, что “МАКСИМОВУ” нужно будет время от

времени печатать дальше свои статьи и это будет расцениваться не как собственная инициатива “МАКСИМОВА”, а как задание от советской разведки с целью сохранения его позиций в УРДП и ЦК.

“МАКСИМОВ”: А потом эти статьи вы будете тыкать мне в морду?

Источник возразил, что раз это будет заданием разведки, то ему нечего бояться за последствия, что бояться ему за последствия его 10-летней деятельности нечего, так как, сотрудничая с советской разведкой, он полностью себя оправдывает, и по приезде на Родину ему никто не будет упоминать о его прошлом.

“МАКСИМОВ” ответил, что он и сам уже думал о своих статьях в газете и может даже показать два письма от радиостанции “Свободная Европа”, в которых ему предлагалось выступить, но он оба раза отказался. “МАКСИМОВ” согласился, что время от времени ему нужно будет выступать на страницах газеты “Украинские Вести” со своими статьями.

“МАКСИМОВ” выразил такую мысль, что если бы ему сказали, что за свою антисоветскую деятельность он получит по возвращению в Союз такое-то наказание, он конечно вернулся бы. Когда же источник ему сказал, что никакого наказания (тюремного) он не понесет, “МАКСИМОВ” не поверил.

Источник передал “МАКСИМОВУ” реактив для проявления тайнописи и объяснил, как им пользоваться. “МАКСИМОВ” попросил, чтобы сначала написал письмо источник, в котором указал бы, что он благополучно переехал границу и сообщил бы о судьбе другого письма к нему, т. е. когда оно было написано и было ли оно заказным. Если письмо было заказное, то он предъявит почте претензию. Когда источник сказал, что “МАКСИМОВ” не должен волноваться по поводу этого письма, “МАКСИМОВ” ответил: “Вы боитесь только этих, а я боюсь и этих и тех”.

Источник сказал, что “МАКСИМОВУ” нечего бояться. Если источник и будет задержан, то он ничего о “МАКСИМОВЕ” не скажет, на что последний ответил: “Они вас допросят и вы все скажете, хотя на Западе допрашивать не умеют”.

В конце беседы источник передал “МАКСИМОВУ” деньги. Последний взял их с некоторым колебанием и спросил как он должен понимать то, что мы даем ему денег. Один раз он уже получил от АДЛЬФА. Он не хотел бы, чтобы мы думали, что за эти деньги мы его купили.

Источник ответил, что понупать мы его не собираемся, у нас люди работают на совесть, а деньги ему потребуются на расходы при выполнении наших заданий, как поездки на встречу, а также на поездку в Берлин, которая будет стоить довольно дорого.

Источник: Хотя вам достаточно иметь 100 марок, чтобы доехать до Берлина.

“МАКСИМОВ”: Это значит, что обратно я уже не вернусь.

Источник: Это значит, что в Берлине мы вас снабдим достаточным количеством денег, чтобы вы смогли вернуться обратно. Если есть возможность, то лучше будет, если вы возьмете сразу билет туда и обратно.

“МАКСИМОВ”: Это с вашей стороны очень дипломатический шаг.

Источник: Мы дипломатией тоже пользуемся. (Все это время “МАКСИМОВ” рассматривал деньги).

Источник: Деньги не фальшивые, можете не сомневаться. Вы можете их так держать или сразу же разменять. Это ваше личное дело, но я хочу вам еще раз напомнить, что вы имеете дело не с какой-то конторой, а солидной организацией. И такими вещами как фальшивые деньги, фальшивки и тому подобное, мы не занимаемся.

“МАКСИМОВ” очень смутился, спрятал деньги в карман, пробормотал: “Да, я знаю”. При передаче “МАКСИМОВУ” реактива источник вручил последнему также письмо, написанное тайнописью и сказал, что это письмо от нашего высшего начальства. “МАКСИМОВ” был очень удивлен, на что источник сказал, что связь с “МАКСИМОВЫМ” — это не частное дело самого источника. С этой историей ознакомлены большие люди и прежде чем что-нибудь предпринять, мы должны иметь разрешение сверху.

Этим заявлением “МАКСИМОВ” был очень удивлен. “МАКСИМОВ” также поинтересовался, если он встретится с женой в Западном Берлине, то приедет ли его жена в августе в Западную Германию.

Источник ответил, что возможно приедет.

Источник с “МАКСИМОВЫМ” договорились, что если по каким-то причинам письменная связь прекратится, то следующая встреча состоится в субботу в 15.00 16 мая в Мюнхене около театра на _____ (старое место). В случае, если к “МАКСИМОВУ” придет на встречу другой человек, то пароль остается старый — визитная карточка АДЛЬФА.

“МАКСИМОВ” предложил, чтобы по выходе из гасштетты каждый взял такси и разъехались в разные стороны. Но такси не оказалось и оба разошлись пешком. Расплатившись, причем каждый платил за себя, оба вышли на улицу.

“Вам в какую сторону?” — спросил “МАКСИМОВ”. “Мне все равно, но так, чтобы в противоположную к вашей”, — ответил источник.

“МАКСИМОВ” ответил, что в таком случае он идет в эту сторону, чтобы быстрее добраться до вокзала, так как он сегодня должен обратно возвратиться в Новый Ульм. Расставаясь, источник протянул “МАКСИМОВУ” руку, который ответил, но сказал: “Может это нехорошо, что я вам подаю руку?”. “Почему?” — спросил источник.

“Да просто так”, — ответил “МАКСИМОВ”. — По-моему, это самая обыкновенная вещь и ничего здесь плохого нет” — ответил источник и на этом расстался с “МАКСИМОВЫМ”.

На встречу “МАКСИМОВ” явился точно. Одет был в пальто желтого цвета, в шляпе с желтым портфелем. На месте встречи не стоял на одном месте, а прохаживался. Раза три посмотрел на часы. Когда к нему подошел источник, он растерялся, но после первых же слов успокоился и вел себя вполне нормально. По пути в гасштетту он ни разу не оглянулся на людей, которые заходили в гасштетту и находились там, он не обращал внимания. Разговаривал очень громко, так что пришлось его предупреждать. Вопросы задавал прямо, держал же себя слишком самоуверенно. О себе высокого мнения. Очень часто подчеркивает, что он очень много знает, что много может дать данных советской разведке. Этим он старался убедить разведку, что нет смысла его убирать, похищать или компрометировать в печати. Уверен, что советская разведка задумала с ним что-то нехорошее и ждет с нашей стороны каких-то подвохов. В советскую действительность не верит, придерживается мнения, что по возвращении в Союз его обязательно посадят. О политических событиях рассуждает так, как это пишут в Западной реакционной прессе. В разговоре не называет фамилии, а говорит: “Мой знакомый”, “один из руководителей” и т. д.

По мнению источника, самое верное средство для его переубеждения — это встреча с женой, до этого он интересных данных давать не будет, а его слова: “Я отвечу на этот вопрос в письме” — это, вероятнее всего, отговорка.

Во время встречи с источником “МАКСИМОВ” очень спешил, мотивируя это тем, что ему нужно обратно возвратиться в Новый Ульм, он несколько раз порывался уйти, так что источнику пришлось просто заставлять его

сесть. Еще в самом начале он сказал, что мы, мол, поговорим 30-40 минут и разойдемся. Беседа продолжалась полтора часа и была очень беспорядочной. Источнику приходилось к каждому вопросу по несколько раз возвратиться. К вопросу о встрече “МАКСИМОВА” с женой источник возвращался четыре раза. “МАКСИМОВ” не проявлял вообще никакой инициативы и все эти детали пришлось выдумывать самому источнику. “МАКСИМОВ” заботился только о своей безопасности при встрече.

В процессе беседы источник поинтересовался также знакома ли “МАКСИМОВУ” фамилия САРАНТ. “МАКСИМОВ” ответил, что даже очень хорошо, он с ним знаком. Последний уже месяца два как не был в Мюнхене. В разговоре “МАКСИМОВ” сообщил, что УРДП и УГВР делают попытки договориться между собой. С этой целью 26 марта состоялась неофициальная встреча главарей УРДП и УГВР. На встрече присутствовали: ВОСКОБОЙНИК, сам “МАКСИМОВ”, РЕБЕТ, КОРДЮК и другие. Эта встреча не привела к положительным результатам. Следующая встреча должна состояться 16-го апреля, на которую приглашен также “МАКСИМОВ”.

В беседе “МАКСИМОВ” упомянул о какой-то женщине. Эта женщина побывала в качестве туристки во время футбольного матча СССР — Западная Германия в Союзе. Вернувшись, она побывала в редакции, рассказывала о своей поездке. Она прекрасно владеет русским языком, бросалась деньгами направо и налево. “МАКСИМОВ” сказал, что это наверняка агент какой-то разведки. Если, мол, нашей, то мы должны ее знать. Больше он не сказал ничего. Источник интересовался, как лучше писать “МАКСИМОВУ” письма. Он ответил, что писать на редакцию, причем заказное. Письма посылать из Западной Германии. Из Западного Берлина нежелательно.

Побыв в Мюнхене до 9-го числа, источник 9-го в 7.55 утра уехал поездом в Лейпциг. На границе никаких осложнений не было. 10-го апреля источник возвратился в Берлин».

В конце сентября 1954 года заместитель председателя КГБ Украины генерал-майор Н.Т. Мороз направил запрос в ГДР с целью выяснить дальнейшую судьбу Богдана Сташинского.

«КГБ при СМ УССР в 1954 году выведен в Германию агент-вербовщик “ТАРАС”, который по настоящее время используется по украинской линии отделом товарища ПРОВАКОВА.

За указанный период “ТАРАС” несколько раз приезжал на Украину в отпуск, однако никакой информации и отзывов о его работе от Вас к нам не поступало.

Вместе с тем со слов приезжающих из ГДР оперработников нам известно, что “ТАРАС” по работе характеризуется положительно.

Прошу Вашего указания выслать нам подробную характеристику на “ТАРАСА” с указанием его личных качеств в условиях заграничной работы.

Кроме того, эти материалы будут являться основанием при решении вопросов о поощрении агента и оказании материальной помощи его родственникам».

На запрос коллеги среагировали оперативно. 3 октября 1958 года старший советник КГБ при СМ СССР генерал-майор Александр Коротков направил в Киев «характеристику на агента “ТАРАСА”». Вот что в ней сообщалось:

«Агент “ТАРАС” используется Аппаратом Старшего Советника КГБ при СМ СССР в ГДР с ноября 1954 года по настоящее время.

За этот период показал себя с положительной стороны, как дисциплинированный, исполнительный и любящий нашу работу агент.

Первоначально /1955-56 г.г./ “ТАРАС” использовался нами в качестве связника к выведенному в Западную Германию в 1953 году агенту КГБ при СМ СССР “НАДИЙЧИНУ”. С этой работой “ТАРАС” справился хорошо. Он правильно передавал “НАДИЙЧИНУ” все наши указания и точно информировал нас о полученной от него информации. С участием “ТАРАСА” агент “НАДИЙЧИН” был выведен в ГДР.

В 1956-57 г.г. “ТАРАС” использовался в качестве вербовщика по делу “МАКСИМОВА”. В этой работе проявил себя также с положительной стороны.

В 1957 году, после того как “ТАРАС” хорошо ознакомился с обстановкой на Западе и приобрел необходимый опыт в агентурной работе в условиях Западной Германии, он успешно провел одно серьезное мероприятие, за которое был поощрен КГБ при СМ СССР /3000 рублей/ и Старшим Советником КГБ при СМ СССР в ГДР /3000 марок ГДР/.

В настоящее время “ТАРАС” работает по делу “КОНСУЛ”.

Одновременно с выполнением заданий по указанным выше объектам “ТАРАСУ” поручался ряд других серьезных заданий по Западной Германии /установки, подбор тайников и закладка в них указаний, денег, средств связи для агентуры Центра и нашего Аппарата, проведение наружного наблюдения за встречами других наших агентов.

Все эти задания выполнялись “ТАРАСОМ” хорошо и способствовали его росту как разведчика.

За серьезное и добросовестное отношение к работе, в феврале 1958 г. в качестве поощрения “ТАРАСУ” была увеличена сумма ежемесячно выплачиваемого ему содержания на 100 марок ГДР.

В личной, жизни “ТАРАС” ведет себя скромно. Честен и чистоплотен. Не болтлив. Правдиво и своевременно информирует о своих личных делах, что дает нам

возможность влиять на него в нужном нам направлении».

А вот как завершилась заграникомандировка Богдана Сташинского. В начале мая 1960 года он оформил законный брак с немкой Ингой Поль и выехал с ней в Москву «для прохождения подготовки по линии Спецуправления ПГУ». Планировалось, что в столице СССР «Тарас» и его жена пробудут 1,5-2 года и будут проживать на временно предоставленной жилплощади под фамилиями Крылов Александр и Крылова Инга. Была определена и зарплата для «Тараса» — 2,5 тыс. рублей в месяц.

Впрочем, предпринимаемых чекистами мер для конспирации деятельности агента оказалось явно недостаточно.

«А у вас ус отклеился»

Этой ставшей крылатой фразой из фильма «Бриллиантовая рука» можно охарактеризовать то, что выяснилось осенью 1961 года. Многие односельчане Богдана Сташинского были уверены не только в том, что он связан с КГБ, но в том, что он выполняет секретные задания этого ведомства за границей. 29 ноября 1961 года начальник УКГБ по Львовской области утвердил «План оперативных мероприятий по делу “Т” («Тараса». — *Примеч. авт.*)».

Вот что сообщалось в данном документе:

«По имеющимся данным американские разведывательные органы готовят новые провокации с использованием украинских националистов для проведения на территории Западных областей Украины, в частности, во Львовской области, активных антисоветских действий, направленных против советского и партийного актива».

Возможно, ЦРУ и мечтала организовать серию таких провокаций, но вот с исполнителями возникла бы большая проблема. Изготовить антисоветские листовки или лозунг соответствующего содержания на заборе или стене здания написать — это возможно, а вот что-то более серьезное — нет.

«Имеются данные о том, что украинские националисты могут осуществить также теракты против членов семьи “Т”, проживающей в селе Борщевичи Ново-Ярычевского района, Львовской области и во Львове».

Ну, это еще менее вероятно. Добровольно пойти на заведомо резонансное дело, а это значит, что преступника будет искать не только милиция, но и КГБ, на это желающих бы не нашлось. А вот дальше очень любопытная информация.

«Проверкой через агентуру и возможности райаппарата установлено, что после ликвидации банды “КАРМЕЛЮКА”, в состав которой входил “Т”, его стали подозревать в сотрудничестве с нашими органами. Основанием для этих подозрений послужили следующие факты: “Т” единственный участник из банды “КАРМЕЛЮКА”, который не был репрессирован и продолжал периодически появляться в селе; родственники “Т”, активно сотрудничавшие с бандами УПА, не были высланы из Львовской области; родственники “Т” не могли объяснить окружению, где и кем он работает, тогда как он находился на территории области.

Кроме того, в селе широко известно о том, что “Т” находился за границей, так как он в течение 1957–1959 г.г. приезжал в село в иностранной одежде, а в июне 1960 года был в течение недели в селе с женой немкой, не владевшей русским языком.

По заявлению ст. оперуполномоченного Ново-Ярычевского райаппарата, в 1952 году одним из жителей села в Польшу было направлено письмо с сообщением о сотрудничестве “Т” с нами. Фамилий отправителей и получателей оперработник не помнит».

Далее в «Плане» были подробно расписаны действия, которые было необходимо выполнить. Начиная от организации наблюдения за родственниками «Тараса» — с целью «предотвращения различных проявлений со стороны украинских националистов» путем установления доверительных отношений с соседями по месту жительства и коллегами по месту работы и заканчивая предотвращением въезда бывших участников банды «Кармелюка» на территорию Львовской области.

Ограничения на перемещения были введены не только для бывших «бандитов» из числа местных жителей. Так, было предписано «установить строгий

контроль за всеми лицами, приезжающими из-за границы в Борщевичи и близлежащие села, выезжающими за границу из этих сел, а также за другими лицами, проявляющими интерес к этому селу с целью предотвращения утечки сведений о «ТАРАСЕ» и его родственниках за границу». Отдельно указывалось, что лица, въезжающие «в Львовскую область по частным визам из стран народной демократии», должны быть подвергнуты тщательной проверке.

Также были предприняты меры по недопущению утечки любой информации о родственниках «Тараса». Так, если кто-нибудь попытался получить информацию об этих людях в адресном столе, то он тут же оказывался под наблюдением КГБ.

Справедливости ради отметим, что перечисленные выше меры, в т. ч. и установление негласного наблюдения со стороны соседей и коллег, в первую очередь были направлены не на защиту родственников «Тараса», а для предотвращения утечки любой информации на Запад. В отношении родственников Сташинского были предприняты достаточно жесткие меры. Например, всю корреспонденцию родственников «ТАРАСА», а также всех жителей села Борщевичи, соседних сел и Ново-Ярычева предписывалось подвергнуть строгому контролю силами ОТО (оперативно-технический отдел) УКГБ. Говоря другими словами, вся почтовая переписка подвергалась перлюстрации.

Для облегчения решения задачи наблюдения за родителями «ТАРАСА» планировалось попробовать временно переселить их из деревни во Львов, где планировалось поселить на квартире Ирины — сестры «Тараса». Как было сказано в документе: «проведение этого мероприятия создает возможность для принятия дополнительных мер по усилению наблюдения за ними». К тому предписывалось «установить литерную технику

(прослушку) на квартире Ирины и в доме, где жили родители «ТАРАСА»».

Последующие события подтвердили правильность предпринятых чекистами мер. В конце ноября 1961 года сотрудники КГБ выяснили, что «Тарас»: «В 1959 году он выезжал (так в тексте документа) в село и рассказал отцу о награждении его орденом, о чем могут знать и другие односельчане.

Жителям села также может быть известно, что в настоящее время «Т» проживает в Москве вместе со своей женой.

Отец регулярно получал от наших сотрудников деньги и знал о том, что «Т» связан с нами...»

О чем сообщили западные СМИ

Сразу же после того, как информация о явке с повинной Богдана Сташинского попала в западные СМИ, враги СССР предприняли несколько попыток использовать этот факт в пропагандистских целях.

Эффект от многочисленных публикаций оказался минимальным. «Тараса» не получилось изобразить человеком, который «выбрал свободу и отказался выполнять преступный приказ КГБ». И дело не только в том, что он сначала совершил двойное убийство, а только затем сдался властям ФРГ. Причем не сразу. Дело в его биографии. Как-то не очень подходила она для человека, который решил выступить против «тоталитарного режима».

Убийца на тайной службе Москвы

22 ноября 1961 года начальник ПГУ КГБ СССР Прокопий Савчук получил набор «переводов статей из западногерманских газет». Подборка имела литеру «К» (вручить лично адресату) и гриф «Совершенно секретно». Что же в ней было такого важного и секретного?

Подробное и достаточно достоверное изложение истории убийств Льва Ребета и Степана Бандеры, которых не знали украинские чекисты. Дело в том, что «Тарас» регулярно отчитывался о проведенных операциях только перед московским и находящимся в ГДР начальством. Законы конспирации никто не отменял. Да и не нужно было знать гражданам СССР о том, как ликвидируются «враги советской власти».

Что же интересного сумели узнать западногерманские репортеры?

СТАТЬЯ В ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ГАЗЕТЕ «БЦЕТ» ОТ 18 НОЯБРЯ 1961 ГОДА:

«ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО С ПОМОЩЬЮ ПИСТОЛЕТА, ЗАРЯЖЕННОГО ЯДОМ

Карлсруэ, 18 ноября (БЦет) — Сенсационное признание в Карлсруэ. 30-летний советский гражданин Богдан Николаевич СТАШИНСКИЙ утверждает, что он в 1957 и 1959 годах по заданию Москвы в Мюнхене по политическим мотивам совершил два убийства с помощью двухствольного пистолета, начиненного цианистым калием. Федеральный суд начал предварительное расследование. Срок судебного разбирательства: весна 1962 года.

Сенсационное признание в совершении убийства — инициатор Москва. Убийца: “Лучше в тюрьму, чем на кладбище”.

Такого еще не бывало в истории политических убийств: человек, совершивший два убийства, награждается своими хозяевами высоким орденом. Но потом он бежит с опасностью для жизни — непосредственно и добровольно в руки власти, которая теперь его осудит. Невероятно, но факт. Вчера федеральная прокуратура в Карлсруэ подтвердила: Богдан Николаевич СТАШИНСКИЙ, родившийся 4 ноября 1931 года под Львовом, советский гражданин, находится с 1 сентября под стражей. Он признал, что убил с использованием яда в 1957 году в Мюнхене писателя Льва РЕБЕТА, а двумя годами позже — лидера украинских националистов Степана БАНДЕРУ.

Четыре года назад; видный эмигрантский писатель Лев РЕБЕТ 12 октября 1957 года был найден мертвым на лестнице дома на Мюнхенской площади Карлсплац. Причина смерти неизвестна. Предположительно — разрыв сердца.

Два года назад: известный лидер украинских националистов Степан БАНДЕРА 15 октября 1959 года найден без сознания на первом этаже своего дома в Мюнхене. В больнице он умер. Только при вскрытии было установлено: яд — цианистый калий.

Никаких доказательств совершения убийства нет. Но тем не менее об этом говорят повсюду. В конце концов мюнхенская полиция предполагает самоубийство — таким образом дело прекращается.

Травой поросли оба убийства. Но любопытно: СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии. — *Примеч. ред.*) снова и снова вспоминает убийство БАНДЕРЫ. Как зачинщики друг за другом обвиняются сами украинские эмигранты, затем бывший федеральный министр ОБЕРЛЕНДЕР (Теодор Оберлендер — немецкий ультраконсервативный политический деятель, нацистский офицер и министр ФРГ по делам

беженцев. — *Примеч. ред.*) и, наконец, даже руководитель федеральной разведки ГЕЛЕН.

Однако затем начинается сенсационное раскрытие преступления. Так, как коммунисты себе не представляли: в июле 1961 года через секторальную границу в Берлине бежит супружеская чета. Она — жительница Восточного Берлина, он — советский гражданин. Они отдают себе в распоряжение властей.

30-летний СТАШИНСКИЙ подводит черту. Беспощадно для самого себя. Он утверждает, что совершил убийства как убежденный коммунист. Вот его заявление:

С 1951 года он находился на службе у советской тайной полиции. Обычная карьера: вначале мелкие дела. Направление работы: организация украинских националистов в Мюнхене. Летом 1956 года последовал отзыв в Москву.

Ожидало “большое задание”. Советы познакомили своего человека с пистолетом — шприцем, представлявшим собой наполненный ядом двойной цилиндр. СТАШИНСКИЙ изучает действие оружия на собаках... Полный успех. Все подопытные животные погибают через несколько минут.

Дальнейшее можно рассказать быстро: СТАШИНСКИЙ возвращается в Мюнхен. Покушение на Льва РЕБЕТА совершается удачно. Весь заряд цианистого калия распыскивается ему в лицо. Спустя два года, после месяцев терпеливого выжидания и подкарауливания своей жертвы, удастся также и убийство Степана БАНДЕРЫ.

Советская разведка убивает сразу двух зайцев: оба ненавистных и опасных противника уничтожены. Пропагандистская ложь о том, что здесь действовали якобы “немецкие убийцы”, должна полностью деморализовать эмигрантские группы.

Но СТАШИНСКИЙ возвращается обратно в Советский Союз. Шелепин, в то время руководитель советской разведки, избранный на XXII партийном съезде секретарем ПК КПСС, лично вручает ему орден “Красное знамя”.

СТАШИНСКИЙ, ставший теперь “крупным асом” советской секретной службы, получает даже разрешение жениться на немке, жительнице Восточного Берлина. Но затем у него пробуждается недоверие. Он чувствует, что за ним наблюдают. Медленно созревает в нем намерение; покончить с этим, пока не поздно. Лучше в западногерманскую тюрьму, чем на советское кладбище. И тогда он бежит запутанными путями в Западный Берлин.

Полное признание налицо. Сделано добровольно. И тем не менее мельницы немецкой юстиции вращаются медленно. Для нее еще ничего не доказано. И признания могут быть ложными. Идет предварительное расследование. Федеральному суду не приходится завидовать; должны быть выяснены темные закулисные стороны джунглей деятельности советских агентов. “БЦет” узнала вчера из Карлсруэ; до весны 1962 года едва ли можно рассчитывать на открытие процесса».

* * *

А вот перевод другой публикации.

ЗАПАДНОГЕРМАНСКАЯ ГАЗЕТА «МЮНХНЕР МЕРКУР»,
18/19 НОЯБРЯ 1961 ГОДА:

«Убийство БАНДЕРЫ по заданию Москвы

Убийство путем отравления, совершенное советским агентом в Мюнхене, раскрыто. Убийца арестован.

Мюнхен. Убийца украинского политического эмигранта Стефана БАПДЕРЫ явился с повинной. Бежавший на Запад 30-летний советский гражданин

Богдан Николаевич СТАШИНСКИЙ признал, что он 15 октября 1959 года отравил в Мюнхене БАНДЕРУ.

Согласно подтверждениям, полученным в пятницу из надежных источников, СТАШИНСКИЙ с 1951 года работал на советскую службу безопасности. Он показал, что московским центром ему была дано задание совершить убийство, а в качестве оружия вручен “пистолет-шприц”, заряжаемый ампулами с ядом.

Еще в 1956 и 1957 годах СТАШИНСКИЙ по заданию советской службы государственной безопасности работал в Мюнхене и его окрестностях. В это время тоже с помощью пистолета с ядом им был убит находившийся в Мюнхене в эмиграции украинский писатель профессор доктор Лев РЕБЕТ. В качестве причины смерти РЕБЕТА предполагался сердечный приступ, у Бандеры в начале подозревали самоубийство путем отравления.

В пятницу вечером федеральная прокуратура подтвердила факт задержания убийцы. С 1 сентября он содержится в предварительном заключении в немецких следственных органах. СТАШИНСКИЙ признал, что убил БАНДЕРУ и РЕБЕТА как “врагов государства» и “вредителей» по приказу и из коммунистических убеждений.

Вместе со своей женой-немкой он бежал в Западную Германию, так как ему стало ясно, что ему как лицу, посвященному в преступления, опасно оставаться в Советском Союзе. Еще недавно орган СЕПГ советской зоны — газета “Нейес Дойчланд» утверждала, что убийцей БАНДЕРЫ является его бывший уполномоченный по финансовым вопросам МИСЬКИВ. Это человек умер в 1960 году».

В газете «Мюнхнер Меркур» за 18/19 ноября 1961 года на 3-й странице опубликована также следующая статья:

«Яд из пистолета убивает Стефана БАНДЕРУ

Завеса над тайной убийства лидера украинских националистов приподнимается в результате перехода убийцы.

От нашего сотрудника Пауля Оскара УРСА:

Мюнхен. На протяжении нескольких лет ничего не было слышно о таинственных обстоятельствах смерти вождя украинских националистов Стефана БАНДЕРЫ, называвшего себя писателем Стефаном Попелем. Неожиданно рассеивается туман, окутывавший эту жертву.

В четверг, 15 октября 1959 года около 13 часов жители дома № 7 на Брейтмейерштрассе в Мюнхене услышали крик на лестничной клетке. Тяжелое тело скатилось по лестнице вниз. Несколько позднее Стефан БАНДЕРА был найден внизу около лестницы, лежащий лицом вниз с раздробленным черепом. Лишь позднее стало известно, что он был руководителем “Организации украинских националистов” (ОУН), уважаемым человеком в своем кругу, руководителем самой сильной эмигрантской группы. Мюнхен вновь был охвачен беспокойством, случалось уже не раз, что взрывы бомб гремели в воздухе (последний в 1955 году, когда было совершено убийство руководителя словацких эмигрантов МАТУША ЧЕРНАКА). Полиция работает лихорадочно. Сначала в качестве причины смерти сочли пролом черепа вследствие падения с лестницы — у БАНДЕРЫ было больное сердце. Затем в желудке был обнаружен цианистый калий. Возникает вопрос: сам ли БАНДЕРА принял яд? Или яд был подмешан ему в пищу? Этот вопрос не удалось решить. То есть; каждый решает его по-своему. Украинские эмигранты опубликовали в связи с похоронами коммюнике, в котором говорится: “Все предположения на тот счет, что Стефан БАНДЕРА покончил жизнь самоубийством, бессмысленны и лишены всяких оснований”. В начале ноября в одном газетном сообщении можно было прочесть:

“Единственное, что было с уверенностью установлено мюнхенской комиссией по расследованию убийств: на лидера украинских эмигрантов никакого покушения не совершалось. Он покончил жизнь самоубийством”. На этом все и остается в течение двух лет.

На БАНДЕРУ, теперь это можно сказать, было совершено покушение, хотя полиция и утверждала обратное. Это убийство не было бы раскрыто никогда, если бы сам убийца не отдал себя под защиту Запада. Теперь известно, как произошло убийство и почему оно произошло. Это небольшой эпизод из тайной борьбы разведок. Тем самым приподнята завеса только над краем тайны. Но уже одно это является доказательством того, что Москва не останавливается ни перед чем, если какое-либо лицо начинает становиться неугодным или опасным для нее, безразлично, где оно находится.

БАНДЕРА не был первым украинским лидером, которому пришлось расстаться с жизнью. Еще в 1926 году в Париже на улице был застрелен украинский гетман Симон ПЕТЛЮРА, а в 1938 году в Роттердаме жертвой взрыва бомбы пал являвшийся в то время руководителем ОУН полковник КОНОВАЛЕЦ. В случае с БАНДЕРОЙ советская служба государственной безопасности воспользовалась услугами тридцатилетнего советского гражданина, украинца по национальности Богдана Николаевича СТАШИНСКОГО, который недавно сделал признание в неизвестной немецкой следственной тюрьме. СТАШИНСКИЙ работал на советскую службу госбезопасности с 1951 года. Еще в 1956–1957 годах он работал в Мюнхене и его окрестностях под различными вымышленными немецкими именами. 12 октября 1957 года по заданию службы государственной безопасности он убил в подъезде дома на площади Йарсплац в Мюнхене украинца Льва РЕБЕТА, также являвшегося одним из руководителей ОУН. Орудием убийства у него был тогда

“пистолет с ядом”, имевший только один цилиндр с наполненной ядом ампулой. Двумя годами позже с помощью “улучшенного” инструмента, на этот раз двухствольного “пистолета-шприца”, он убил БАНДЕРУ.

Вывод о том, что это убийство рассматривалось московской службой безопасности как важное, вытекает не только из того, что СТАШИНСКИЙ в начале декабря 1959 года получил в Москве орден Красного Знамени из рук являвшегося тогда шефом советской службы государственной безопасности Александра ШЕЛЕПИНА, ставшего после XXII-го съезда партии секретарем Центрального Комитета по вопросам безопасности. Ему сверх того была оказана редкая милость, которой ранее он не мог добиться, несмотря на просьбы перед своим начальством в Кардсхорсте и Москве. СТАШИНСКИЙ был помолвлен с молодой немкой из Восточного Берлина и попросил теперь разрешения жениться на ней. К большому удивлению его начальников, которые предлагали ему жениться на одной из сотрудниц службы госбезопасности, ШЕЛЕПИН удовлетворил его просьбу.

Еще в 1960 году ему было категорически запрещено выезжать из МОСКВЫ и Советского Союза. Основанием для этого были подслушанные разговоры, которые вела его молодая жена, по-видимому, критически относившаяся к советской действительности. Благодаря этому он стал подозрительным для органов службы государственной безопасности.

Лишь теперь молодой русский объяснил все своей жене-немке и признался ей в совершенных им двух убийствах. Только в этот момент он, по-видимому, осознал неправомерность своих деяний.

Во всяком случае, с этого времени оба начали прилагать все силы к тому, чтобы вернуться в Восточный Берлин и при возможности бежать оттуда. После многих безуспешных попыток жена СТАШИНСКОГО получила

разрешение выехать в Восточный Берлин, чтобы родить там весной 1960 года ожидавшегося ею ребенка.

Ее муж тогда вынужден был остаться в Москве.

Однако когда он получил известие о том, что его родившийся в Берлине сын неожиданно умер, вышестоящие органы разрешили ему выехать в Восточный Берлин на похороны ребенка. Несмотря на слежку со стороны службы госбезопасности, ему удалось за день до погребения бежать вместе с женой в Западный Берлин неизвестным пока общественности путем — так, во всяком случае, явствует из наших информации. Он сделал это из боязни быть уничтоженным как лицо, посвященное в преступление и совершившее его, несмотря на то, что в Западной Германии его тоже ожидает наказание. В результате этого бегства раскрыто одно из самых таинственных убийств послевоенного времени. Однако остается невыясненным вопрос, сколько еще таких сташинских действует в Федеративной республике по заданию Москвы...

Западногерманское телеграфное агентство ДПА передало 18 ноября с.г. из Мюнхена следующее сообщение:

“Делегаты Украинского Национального совета эмигрантского парламента считают признание мнимого убийцы БАНДЕРЫ СТАШИНСКОГО загадочным. Национальный совет, который заседает в настоящее время в составе делегатов из Западной Европы, Южной Америки и США в Мюнхене, не знал до пятницы ничего о том, что убийца БАНДЕРЫ объявился сам в Федеративной Республике.

В кругах Украинского Национального совета считают необходимым провести тщательное исследование правдивости высказываний мнимого убийцы. Прежде всего, следует выяснить вопрос, что побудило этого человека явиться в Федеральную Республику и

предстать здесь перед судом. Полагают также, что оба убитых не могли принять безответно выстрелы из пистолета с ядом. В этом направлении также необходимо произвести тщательное расследование”.

Справка: Агентство ДПА имеет в виду УНРАДУ, сессия, которой должна была состояться 17 ноября 1961 года».

Жертва коварных чекистов

Любопытно, что первая большая статья посвященная Сташинскому, появилась в западной прессе лишь 22 апреля 1962 года в немецкой газете «Крист унд вельт». Разумеется, и до этого выходили посвященные «Тарасу» публикации, но преимущественно в газетах, издаваемых украинскими эмигрантами. Даже радиостанция «Голос Америки», которая одной из первых рассказала в октябре 1961 года подлинную историю убийств Ребета и Бандеры, сделала это на украинском языке. В Москве внимательно отслеживали все публикации. И как только в одной из немецких газет появилась статья, посвященная «Тарасу», то ее тотчас перевели на русский язык и направили для ознакомления начальнику ПГУ КГБ СССР Прокопию Савчуку и начальнику 9-го отдела (эмиграция) ПГУ КГБ СССР Георгию Ищенко.

Вот текст перевода (оформление и стилистика документа сохранены):

«КАК СТАНОВЯТСЯ ШПИОНОМ И УБИЙЦЕЙ

Советская разведка убила в Мюнхене украинцев

БАНДЕРУ и РЕБЕТА

На этой странице мы публикуем репортаж, который во всех подробностях описывает анатомию двух убийств политических противников Советского Союза, приказ на совершение которых исходил от советской секретной службы в Москве. Богдан СТАШИНСКИЙ, убийца украинских эмигрантов Стефана БАНДЕРЫ и Лео РЕБЕТА в 1961 году бежал на Запад и в подробном признании

разъяснил до мельчайших деталей обстоятельства, при которых были совершены оба преступления. Если бы он не заговорил, то убийства, совершенные при помощи сенсационного секретного оружия, вошли бы в историю юриспруденции как “совершенные по форме преступления”. О том, что предстоящий процесс против СТАШИНСКОГО заставляет Советы нервничать, свидетельствует тот факт, что они хотят представить своего первоклассного шпиона — как это делалось на пресс-конференциях в Восточном Берлине, как сотрудника западногерманской разведки. Кроме того, продолжают утверждать, что БАНДЕРА был убит людьми ГЕЛЕНА, потому что к нему якобы стал проявлять интерес Бонн. Но ввести в заблуждение не удастся: бегство СТАШИНСКОГО означает самый крупный провал для московской разведки.

В конце лета 1950 года недалеко от Львова, когда-то это был польский, теперь советско-украинский город, в поезде ехал без билета студент педагогического института Богдан СТАШИНСКИЙ, которому тогда было неполных 19 лет. Контролер задерживает его и передает в транспортную милицию. Этот небольшой проступок, скорее мальчишеская шалость, чем уголовное преступление, оказался роковым для молодого украинца, так как в результате этого он в конце концов стал двойным убийцей.

Начало было совершенно безобидным

Через несколько дней после этого инцидента СТАШИНСКОГО вызвали в транспортную милицию. Фамилия капитана, который его допрашивал, была СЫТНИКОВСКИЙ. Студент приготовил различные оправдания для того, чтобы представить безбилетный проезд как сущий пустяк. Но допрашивающий офицер

как будто бы и не интересуется собственно этим делом. СТАШИНСКИЙ еще не знает, что капитан не относится к железной дороге, которой он нанес ущерб, а является офицером московского министерства государственной безопасности, сокращенно МГБ. Он расспрашивает студента так, как будто бы жизнь семьи представляется ему более важной, чем тот проступок, из-за которого его вызвали.

Богдан СТАШИНСКИЙ является сыном крестьянина из Борщевце под Львовом. Его отец Николай и мать Павлина хотели, чтобы их единственный сын, которого хвалили все учителя, добился “лучшего” для себя.

Период учебы маленького Богдана в народной школе пришелся на период неурядиц и войны между 1938 и 1945 годами. Сначала он учился в польской школе в Борщевце. Наряду со своим родным украинским языком он изучал польский. Учитель рассказывал об освободительной борьбе поляков против Красной армии. Неожиданно осенью 1939 года пришли советские солдаты в его родное село.

Хотя политофицер разъяснял крестьянам, что теперь все будет так, как нужно и все будут жить хорошо, что все украинцы объединились теперь в Советской Украине, однако “освобожденные” с самого начала встретили коммунистический режим с недоверием.

Они слишком много слышали о том, как плохо живется крестьянам в Советском Союзе, чтобы с воодушевлением приветствовать вступление Красной армии.

Для Богдана изменилась учебная программа в школе. Учитель рассказывал о благах коммунизма. Однако дети замечали, что родители недружелюбно отзывались о новом режиме. Но прежде чем украинские националисты смогли мобилизовать свою ненависть против советов для организации сопротивления

оккупантам, красноармейцы бежали, и вступили немцы. Это был июль 1941 года.

Старшие мечтали теперь о великой единой и свободной Украине, а у Богдана опять изменилась школьная программа. Теперь он учил немецкий язык. Два года спустя немцы бежали через Борщевце, и советы пришли снова. Школьные программа снова изменились. Но Богдан остался хорошим учеником. В 1945 году у него появилась возможность учиться в средней школе во Львове. Когда в 1948 году он сдавал выпускные экзамены, он показал блестящие знания немецкого языка. С осени 1948 года крестьянский сын стал студентом математического факультета педагогического института. Его целью было стать учителем средней школы в Западной Украине. Однако через два года он сидел в служебном кабинете капитана СЫТНИКОВСКОГО. Рассказав офицеру о своей семье, он мог идти, причем ни о каком наказании за безбилетный проезд речи не было. “Мы очень скоро увидимся снова”, — сказал капитан.

СТАШИНСКИЙ снова должен был явиться. Теперь речь шла о жизни в Борщевце. СЫТНИКОВСКИЙ заговорил, вначале совершенно случайно, о деятельности украинского движения сопротивления ОУН. Эта “Организация украинских националистов” причиняла в те время много хлопот советам в Западной Украине.

Шантаж и испытание

“Мы знаем, что члены Вашей семьи поддерживают связь с оуновскими террористами”, — сказал капитан МГБ, но тут же добавил: “Своим участием в борьбе против ОУН Вы сможете оградить Вашу семью от мероприятий по чистке, которые будут проводиться и в

Борщевце”. СТАШИНСКИЙ был свидетелем многих насильственных актов участников сопротивления. Он не был согласен с методами ОУН. После нескольких бесед с офицером студент дал обязательство сотрудничать с МГБ. Он получил кличку и полностью оказался в сетях московской секретной службы. В 1951 году он оставил учебу и получил первое задание как агент, Богдан СТАШИНСКИЙ должен был пройти испытание под надзором своих инструкторов в Западной Украине. Повелители из МГБ хотели как следует испытать молодого агента. Ему предложили вступить в группу сопротивления и узнать, кто является убийцей Ярослава ГАЛАНА, убитого в 1949 году в результате политического заговора. Убийство Львовского писателя было организовано ОУН. Идеологически подготовленный молодой человек не испытывал колебаний. С холодным расчетом, что отвечало его характеру, он приступил к делу. Вскоре он уже мог доложить своим повелителям: “Убийцу зовут Стефан СТАХУР”.

С доверчивостью СТАХУР разоблачил сам себя, когда призвался своему “другу-единомышленнику” СТАШИНСКОМУ о совершенном акте. Однако секретной службе нужна была еще помощь нового предателя, прежде чем через месяца удалось арестовать убийцу. Советы казнили его...»

Прервем цитирование документа. Писатель Ярослав Галан был убит 24 октября 1949 года в своем рабочем кабинете в квартире на улице Гвардейской во Львове в результате покушения (он получил 11 ударов гуцульским топором). Убийство писателя было совершено украинским националистом, студентом Лесотехнического института Михаилом Стахуром из ОУН вскоре после выхода в свет антиклерикальной сатиры Галана «Плюю на Папу!», бывшей ответом на отлучение Галана от церкви папой Пием XII. В действительности папа не отлучал атеиста Галана от церкви. Будущий

председатель КГБ Владимир Семичастный, который принимал непосредственное участие в расследовании убийства (тогда занимал пост председателя ЦК ЛКСМ Украины), вспоминал:

«Как раз перед новым 1950 годом во Львове убили топором прямо в домашнем кресле Ярослава Галана. Хрущев многих направил тогда в столицу Западной Украины: своего второго секретаря Мельникова, председателя КГБ, министра внутренних дел, секретаря партии по идеологии и меня как первого секретаря ЦК ЛКСМУ: “Ищите, кто совершил!”. Мы даже новый год встречали во Львове, но в конечном итоге убийцу нашли по подсказке лейтенанта-чекиста: всех студентов сельхозинститута, отсутствовавших на занятиях в день убийства, показали домработнице Галана, которая опознала третьекурсника, якобы приходившего к писателю за консультацией».

Вновь вернемся к документу.

«Теперь для СТАШИНСКОГО не было дороги назад. Он остался на службе МГБ, которая позже была переименована в КГБ (Комитет государственной безопасности). До 1952 года он шпионил за движением сопротивления в районе Львова. Проверочные испытания он выдержал. Теперь ему можно было доверять, и летом 1952 года начальство послало его в Киев, где ему предстояло пройти трудную школу советского шпиона. Обучение длилось два года. Все это время его готовили — он это ясно видел — для использования в Западной Германии. Поскольку он мог говорить на немецком языке только со славянским акцентом, его превратили в Киеве в немецкого колониста из Польши. За одну ночь он стал на год старше. Он получил личные данные некоего Йозефа ЛЕМАНА, род. 4 ноября 1930 года в Луковек в Польше. Советская разведка очень точна с такими “превращениями”. “ЛЕМАН” еще в 1954 году должен был

поехать в Польшу, чтобы там очень подробно познакомиться со всеми местами, которые согласно легенде играли какую-то роль в жизни Йозефа ЛЕЙАНА. Советские и польские офицеры секретных служб сопровождали его во время изучения им своего “прошлого”. Вместе с вручением фальшивых документов началась карьера шпиона СТАШИНСКОГО, он же ЛЕМАН.

В октябре 1954 года двадцатитрехлетний прибыл на границу во Франкфурте-на-Одере. Здесь его встретил будущий его руководитель по имени Сергей Александрович, а по фамилии, очевидно, ДЕМОН.

Вместе с ним он поехал в советский закрытый городок Карлсхорст под Берлином. Здесь агент получил последнюю отшлифовку. Его шеф Сергей сопровождал его в поездке в Баутцен и в Дрезден, которые тоже играли роль в его легенде. В полицей-президиуме Дрездена он получил паспорт для лиц без гражданства и водительские права на имя ЛЕМАНА.

Поскольку украинец СТАШИНСКИЙ, если не считать, что ребенком он видел немецких солдат, никогда не сталкивался с немцами, он должен был, согласно указаниям, пробыть несколько недель в Лейпциге, Хемнице, Эрфурте и в других городах зоны, чтобы познакомиться с образом жизни немцев. Целям этой акклиматизации служила также его работа в акционерном обществе “Висмут АГ” в Цвикау. С первого апреля до конца августа 1955 года здесь в качестве штамповщика работал Йозеф ЛЕМАН.

Прежде чем окончательно поселиться в Восточном Берлине, ему было разрешено провести отпуск в Киеве. Он поехал туда с советским паспортом на имя АНТОНОВИЧ-КРЫЛОВ.

В январе 1956 года КГБ смог уже послать своего Йозефа ЛЕМАНА с советским заграничным паспортом в Мюнхен. Там он должен был “посетить” одного коллегу, который сидел в издательстве антисоветской газеты

“Украинский самостийник”. Это был украинец Иван БИСАХА, который работал шпионом в пользу КГБ под кличкой “Надийчин”.

Прилежный Иосиф ЛЕМАН

До ноября 1956 года он часто встречался с БИСАХА, передавал ему задания из Карлсхорста, давал деньги и принимал от него материалы, которые он привозил Сергею в чемодане с двойным дном.

БИСАХА чувствовал себя в Мюнхене очень неуверенно, настаивал на отозвании его и поэтому, когда СТАШИНСКИЙ-ЛЕМАН хотел уговорить его похитить главного редактора “Украинского самостийника” Лео РЕБЕТА, он не согласился. Когда агент БИСАХА в октябре действительно был на короткое время арестован мюнхенской полицией по подозрению в ведении разведывательной деятельности, СТАШИНСКИЙ вручил ему межзональный пропуск с необходимой въездной визой и преследуемый агент незадолго до своего нового ареста отбыл в Восточный Берлин.

Когда весной 1956 года он хотел завербовать к сотрудничеству с КГБ проживавшего в Мюнхене украинского эмигранта МАКСЫМОВА (так в документе), он обещал ему, в случае, если он даст обязательство, организовать встречу в Западном Берлине с его женой, проживавшей еще в Советском Союзе.

МАКСЫМОВ должен был узнать, планируют ли украинские эмигранты какие-нибудь демонстрации или даже покушения в связи с визитом ХРУЩЕВА и БУЛГАНИНА в Лондон. Но прежде всего он должен был выяснить, какие связи существуют между ОУН, с одной стороны, и американской и немецкой разведками, с другой.

В мае 1958 года он поехал в Роттердам и принял участие в торжествах, посвященных памяти полковника КОНОВАЛЕЦ, который пал жертвой покушения, будучи руководителем украинских эмигрантов. Он сфотографировал участников торжества, среди которых находился и шеф ОУН Стефан БАНДЕРА.

Прилежный шпион “Йозеф ЛЕМАН” выполнял также много мелких поручений в Федеративной республике. Он делал записи о скоплениях американских войск и через “мертвые почтовые ящики” снабжал своих незнакомых “коллег” деньгами и указаниями. Правда, ему не удалось достать учебную программу одной американской разведшколы в Обершшергау.

Первое крупное задание ждало его в 1957 году. Весной он был нацелен на профессора Лео РЕБЕТА, проживавшего в Мюнхене. Этого украинца Сергей охарактеризовал как главного теоретика проживающих в Германии славянских эмигрантов. Когда СТАШИНСКИЙ стал заниматься РЕБЕТОМ и приступил к изучению его образа жизни в Мюнхене, он еще не знал, что ему предстояло.

“Йозефу ЛЕМАНУ” снова пришлось превращаться. СТАШИНСКИЙ получал западногерманский паспорт на имя Зигфрида ТРЭГЕРА, проживающего в Эссене-Хаарцовфе, род. 29 августа 1930 года в Ребрюкке под Потсдамом. Чтобы войти в свою новую роль, ему пришлось изучать местность в районе Эссена-Хаарцопфа.

Затем шпион поселился в одной гостинице в Мюнхене, из окон которой он мог наблюдать, в какое время РЕБЕТ находился у себя в бюро. Он следовал за ним также от Карлсплаца до его квартиры по Оккадатштрассе. Эта “разведка” продолжалась до лета 1957 года.

Наконец, в Карлсхорсте приехавший из Москвы служащий познакомил его с секретным оружием КГБ,

относительно которого Сергей его с гордостью заверил, что оно не раз уже успешно применялось.

Действие смертоносного пистолета

Это был пистолет-шприц. Он выглядел как безобидная трубка. Механизм его то прост. Внутри находилась ампула с прозрачным, как вода, ядом, — это была синильная кислота, заряд пороха и боек.

Нажим на пружину воспламенял порох и разбивал ампулу. Яд в виде газового облака, выстреливаемый в человека на расстоянии 40–50 см, действовал смертельно, не оставляя на убитом никаких ран. У человека, вдохнувшего яд, сужались кровеносные сосуды, и смерть наступала примерно так же, как при сердечном инфаркте. Врач не мог, однако, установить убийство. Изобрела советская разведка это отличное смертоносное оружие.

Когда СТАШИНСКОМУ показали в Карлсхорсте и объяснили действие этого оружия, ему стало ясно, что это оружие он должен будет применить для убийства РЕБЕТА. В лесу агент смог испытать действие этого тайного оружия на собаке. Оружие подействовало так, как и было предусмотрено. Он заметил при этом, что в отношении звука выстрела мог быть спокоен. Он был едва слышен.

Не исключено, что лицо, совершающее покушение, может тоже вдохнуть яд, стреляя из пистолета-шприца. Учитывая это обстоятельство, его проинструктировали относительно его собственной безопасности. Он должен был перед выстрелом принять противоядную таблетку, а сразу же после выстрела разбить ампулу и вдохнуть содержащийся в ней газ. Речь идет о натриутиосульфате и амилнитрите, использующихся в качестве

профилактики и при лечении отравлений синильной кислотой.

7 и 8 октября 1957 года в Карлсхорсте Сергей инструктировал СТАШИНСКОГО относительно убийства в Мюнхене. Он получил оружие, противоядные таблетки и ампулу, которая должна его защитить. Пистолет-шприц был замаскирован как “провиант”, а именно как консервированные сосиски.

Первоначально было запланировано передать СТАШИНСКОМУ оружие в ФРГ, через одного советского дипломата. Однако за этой “встречей” могла быть устроена слежка, поэтому подобный вариант показался слишком опасным.

У агента были с собой следующие документы: удостоверение личности на фамилию Зигфрида ТРЭГЕРА и паспорт на старую фамилию Иосифа ЛЕМАНА. Наличными деньгами он взял из Карлохорста ровно 1.000 марок. 9 октября 1957 года агент вылетел на самолете французской авиакомпании из Берлина в Мюнхен. На Изаре он устроился в отеле “Штахус” из тех соображений, что отель был расположен недалеко от места работы РЕБЕТА, Кардеплац 8, где агент собирался совершить убийство.

В течение двух дней СТАШИНСКИЙ ждет безуспешно свою жертву. И только 12 октября он увидел, как РЕБЕТ, примерно в 10 часов, сошел с трамвая у отеля “Штахус”. Убийца побежал в подъезд здания 18 на Карлсплац и стал ждать на бельэтаже.

Вскоре он услышал, как кто-то открыл дверь подъезда. Он узнал РЕБЕТА. Сняв оружие с предохранителя, он пошел медленно по лестнице навстречу РЕБЕТУ. Пистолет он спрятал в газету. Когда РЕБЕТ поравнялся с ним с левой стороны, СТАШИНСКИЙ выстрелил. Примерно с расстояния 40 см он попал в лицо своей жертвы. Струя яда была направлена на открытый от испуга рот. Никого кроме них двоих на

лестничной клетке не было. Глухой выстрел прозвучал никем не услышанный.

Убийца заметил еще, как пораженный пошатнулся и упал. Тогда он схватил противоядную ампулу, вдохнул газ, который должен был защитить его от яда, и так же поспешно, как и пришел сюда, покинул место преступления.

Он вышел в сад во дворе дома и бросил пистолет-шприц в ручей Кегельмюльбах. На обратном пути в отель ему пришлось пройти мимо дома № 8 на Карлсплац. Он заметил полицейскую радиомашину и толпу любопытных. Теперь ему окончательно стало ясно: как и было приказано, он выполнил московское задание.

Придя в отель, он упаковал чемодан, уничтожил, согласно указанию, паспорт на фамилию ЛЕМАН и поехал на дневном поезде во Франкфурт-на-Майне. Он нисколько не боялся, что его смогут найти. В отеле "КОНТИНЕНТАЛЬ", недалеко от главного вокзала, он заполнил формуляр на фамилию ТРЭГЕРА.

На следующий день, 13 октября, он вылетел на самолете панамериканской авиакомпания с аэродрома Рейн-Майн в Берлин-Темпельгоф. Прямо с аэродрома он отправился в Восточный Берлин.

На следующий день он стоял перед своим довольно улыбающимся шефом в Карлсхорсте и устно докладывал Сергею о выполнении задания. В этот же день он написал протокол о ходе выполнения задания. Протокол, правда, был написан шифром.

Лео РЕБЕТА нашли мертвым на месте преступления около 10.40. Два дня спустя его труп был вскрыт. Был установлен сильный атероматоз венечных артерий с большим сужением.

Так как никаких следов насилия на трупе не было обнаружено, прозектор пришел к выводу, что РЕБЕТ умер своей смертью в результате сердечной недостаточности. Станным показался, правда,

прозектору тот факт, что общее состояние здоровья «покойного» не давало никаких оснований для отказа работы сердца. Действие пистолета-шприца не оставило никаких следов ни на лице, ни в желудке трупа. Изобретатели секретного оружия, которым был убит РЕБЕТ, могли быть довольны.

Богдан СТАШИНСКИЙ, казалось, теперь созрел для большого удара, который приготовила московская разведка для движения украинских эмигрантов в Германии. Теоретик Лео РЕБЕТ был мертв. Теперь должна была пасть оперативная голова ОУН, Стефан БАНДЕРА. Украинский предводитель был опасным человеком для Кремля. Пока он был жив, советы боялись, что он разожжет на Украине огонь подпольного движения. Как рассказывают, бандеровцы проходили от Богемского леса до своей родины и возвращались обратно, не замеченные своими преследователями, целыми и невредимыми.

У хладнокровного убийцы сдали нервы

Почти целый год КГБ “берет” СТАШИНСКОГО. Только ранней осенью 1958 года Сергей приказал ему заняться в Западном Берлине книгами Стефана ПОПЕЛЯ. То, что под этой фамилией скрывался легендарный Стефан БАНДЕРА, ему еще не было известно. Вскоре шеф ему сказал, что он снова должен будет сменить свою фамилию. Было ясно, что его ожидает новое большое задание. Теперь ему выдали паспорт на фамилию “Ганса БУДЕЙТА”, 1927 года рождения в Касселе, проживающего в Дортмунде на Кнаппенвег, 69.

Снова пришлось агенту ехать в Дортмунд и изучать местность своего мнимого места жительства.

На этот раз московские хозяева долго готовили новое покушение. Только в январе 1959 года “Ганс

БУДЕЙТ” получил задание ознакомиться в Мюнхене с жизненными привычками Стефана БАНДЕРЫ. Всего несколько дней потребовалось СТАШИНСКОМУ для того, чтобы выяснить место жительства БАНДЕРЫ, он же ПОПЕЛЬ. Увидев украинского вожака перед домом № 7 на Крейттмейерштрассе, и, запомнив его внешность, он вылетел в Берлин и доложил Сергею о результатах своих наблюдений. Насколько новое задание было важно для Кремля, СТАШИНСКИЙ заключил из того, что в апреле 1959 года его вызвали в Москву. В Москве его принял руководящим сотрудник “Комитета государственной безопасности” (КГБ) Георгий Авсентьевич. Он сказал СТАШИНСКОМУ, что он должен буклет убрать БАНДЕРУ таким же образом, как и РЕБЕТА.

СТАШИНСКИЙ заметил, что БАНДЕРА чувствует проявляемый к нему КГБ интерес и поэтому всегда окружает себя телохранителями. Авсентьевич рассеял, однако, сомнения агента, сказав ему, что для этого покушения имеется теперь усовершенствованный двухствольный пистолет-шприц. Если один выстрел не удастся, можно стрелять второй раз. СТАШИНСКИЙ согласился выполнить приказ.

После этого в честь “Мюнхенского героя”, убийцы РЕБЕТА, в здании московского КГБ в присутствии Аксентьевича было распито шампанское. Пили за намеченное убийство БАНДЕРЫ.

10 мая 1959 года СТАШИНСКИЙ вылетел в Мюнхен. Он знал, что ему предстоит выполнить самое трудное задание. Однако, вскоре по прибытии ему представилась благоприятная возможность для убийства БАНДЕРЫ. Однажды днем он увидел, как шеф ОУН, будучи один в машине, заехал в гараж дома № 7 на Крейттмейерштрассе. Случай казался подходящим. Однако агенту, который уже не раз доказывал, что он человек холодного расчета, отказали на этот раз нервы. Было ли это возбуждение оттого, что он оказался лицом

к лицу с человеком, легендарная слава которого нагоняла страх даже в Кремле? Короче говоря, он отказался от замысла и в припадке страха уничтожил даже оружие.

В последующие дни он безуспешно пытался проникнуть в дом Бандеры с помощью подобранных ключей. Бородки двух ключей при этом сломались. Позже их обнаружила полиция в замке. В первый раз агенту пришлось вернуться в Карлсхорст с пустыми руками. Он не решается рассказать правду о случившемся. Он говорит, что ему пришлось отказаться от замысла, так как в самый неподходящий момент неожиданно появилось третье лицо.

Сергей тоже считал, что СТАШИНСКИЙ должен совершить покушение на лестничной клетке. Ему было изготовлено четыре новых ключа по чертежам агента. И снова “Ганс БУДЕЙТ” летит в Мюнхен. Уже был октябрь. До Франкфурта он летит на самолете панамериканской авиакомпании. В Рейнско-Майнском аэропорту он делает пересадку на самолет немецкой Люфтганзы. 14 октября он заполняет формуляр в отеле “Хотель Зальцбург” в Мюнхене.

На следующий день он уже заметил, что машина БАНДЕРЫ стоит перед его бюро на Деппеяйнштрассе, 67. Примерно в 12 часов из дома вышел шеф ОУН, сел вместе с женщиной в машину и поехал. Хотя агент и не надеялся встретить БАНДЕРУ дома на Крейттмейерштрассе, 7, он все же сел в трамвай и поехал туда. Агент был поражен, когда около 13 часов он увидел приближающуюся к дому машину, в которой БАНДЕРА сидел один. Убийца сразу же вошел в дом. За это время он успел подпилить ключ, который подходил бы к замку двери.

Убийство БАНДЕРЫ

СТАШИНСКИЙ снял оружие с предохранителя, поднялся по лестнице и хотел ждать свою жертву в бельэтаже, однако ему помешали. По лестнице спускалась какая-то женщина. Агент пропустил ее, повернувшись лицом к лифту. Когда женщина вышла из дома, в дверь вошел БАНДЕРА. СТАШИНСКИЙ медленно пошел навстречу ему. БАНДЕРА все еще возился с дверным замком. Убийца соблюдал спокойствие. Он наклонился, чтобы якобы завязать шнурок ботинка, пока БАНДЕРА не закрыл домашнюю дверь. Держа в правой руке пистолет-шприц, завернутый в газету, он даже обменялся несколькими словами с БАНДЕРОЙ, прежде чем в упор распылить в лицо шефа ОУН ампулы с ядом. Поспешно раздавив свою противоядную ампулу, он, не оборачиваясь, вышел из дома. Он снова забросил оружие в ручей Кёгель-мюльбах и в этот же день, 15 октября, выехал во Франкфурт. В отеле “Висбаден” он снял номер, как некий господин “КОВАЛЬСКИЙ”. На следующее утро он сидел в самолете, а через несколько часов докладывал об успешном выполнении задания в центре разведки, в Карлсхорсте.

Полиция перед загадкой

Через несколько минут после покушения жильцы дома нашли умирающего БАНДЕРУ. Вскрытие трупа дало основание на этот раз предполагать, что речь идет об отравлении цианистым калием. СТАШИНСКИЙ не слишком умело стрелял из секретного оружия. Так как он одновременно выстрелил из двух стволов и пистолет, по-видимому, слишком близко поднес к лицу, то в рот БАНДЕРЫ, по-видимому, попал не только газ, но и несколько капель синильной кислоты.

Среди общественности задавали вопрос, не покончил ли жизнь самоубийством руководитель ОУН. К

этому не было никаких причин.

Было ли совершено покушение? Его друзья предполагали это. Но полиция была перед загадкой. В ноябре месяце на одном банкете, который состоялся на территории запретной зоны в Карлсхорсте, чествовали “героя Мюнхена”. Один генерал заявил СТАШИНСКОМУ, что он награжден самой высшей советской наградой — боевым Орденом “Красного знамени”. Украинец, который у себя на родине хотел стать учителем математики в средней школе, теперь стал героем. Правда, эту особую награду он получил в результате совершения им двух убийств, но он до сего момента был убежден в том, что эти преступления были необходимы для государства.

В начале декабря 1959 года в Москве он получил еще одну награду. АКСЕНТЬЕВИЧ представил его бывшему председателю КГБ Александру Николаевичу ШЕЛЕПИНУ. ШЕЛЕПИН выразил ему благодарность за его поступок и вручил ему грамоту за подписью бывшего президента ВОРОШИЛОВА.

ШЕЛЕПИН еще раз попросил его детально проинформировать о совершении покушения. СТАШИНСКИЙ воспользовался хорошим настроением собравшихся высокопоставленных лиц, для того чтобы высказать свою личную просьбу. Он попросил разрешения жениться на немке Инге ПОЛЬ, являющейся гражданкой ГДР. Ему разрешили жениться на ней. Одновременно он узнал, что он будет использован для выполнения дальнейших заданий разведки.

Эти задания, вне всякого сомнения, он должен выполнять скоро на территории Западной Германии. Одна преподавательница давала ему уроки по немецкой литературе, истории и географии. Чтобы в будущем длительное время работать на территории ФРГ, он должен иметь постоянную профессию. Готовился он к

выполнению более важного задания, чем убийство БАНДЕРЫ.

С 1959 года постоянным местом жительства СТАШИНСКОГО являлась Москва. Здесь в апреле 1960 года он женился на Инге ПОЛЬ, скрыв свое настоящее имя. С Ингой ПОЛЬ он познакомился в Восточном Берлине. Он представился ей как сотрудник Управления внутригерманской и внешней торговли (ДИА).

В марте 1961 года во время пребывания у своих родственников в Берлине — Дальгов Инга родила сына. В августе месяце ребенок заболел и умер от воспаления легких. СТАШИНСКОМУ было разрешено выехать в Берлин на похороны сына. К ужасу своих начальников 12 августа 1961 года квалифицированный агент вместе со своей женой сбежал в Западный Берлин и явился в одно американское учреждение.

Его передали в руки немецких органов юстиции. В скором будущем Богдан СТАШИНСКИЙ должен предстать перед федеральной судебной палатой в Карлсруэ. Он обвиняется в совершении двух убийств и в шпионаже против ФРГ.

Почему сбежал агент на Запад? В последние месяцы перед его побегом его начальники вели себя сдержанно и занимали выжидательную позицию. Неужели он впал в немилость также из-за женитьбы на немке? СТАШИНСКИЙ мог себе представить, что это могло означать для него, как человека, которому известны важные секретные данные. На процессе будет выявлено: предпочитал ли он живым сидеть в тюрьме на Западе или лежать мертвым на кладбище на Востоке».

Вместо заключения

История убийства Степана Бандеры агентом-боевиком советских органов госбезопасности какая-то «неправильная». Убить противника советской власти, который фактически на момент покушения не представлял реальной угрозы для СССР. И привлечь для выполнения этой миссии другого аутсайдера, правда, в сфере нелегальной разведки.

Неправильно выбранное время ликвидации. Нужно было делать это еще до начала Великой Отечественной войны, а не спустя почти 15 лет после ее окончания. Ведь в конце пятидесятых годов радикальные западноукраинские националисты не представляли реальной угрозы для советской власти. Разумеется, они никуда не исчезли (кто-то вернулся из заключения, кто-то из молодежи увлекся этими идеями), но дальше «посиделок на кухне» они никак не проявляли себя. Ну, разве что кто-то листовки с антисоветскими текстами изготовит.

Во-вторых, на роль исполнителя выбрали не того человека. Богдан Сташинский не был идейным противником западноукраинских националистов. Как и их сторонником, которого «коварные чекисты» заставили воевать против близких ему по идеологии людей. Он всю жизнь плыл по течению, подчиняясь чужой воле. Сначала попал под влияние отца и сестер, затем местных западноукраинских националистов и примкнул к бандеровцам. После того как чекисты завербовали его, начал выполнять их задания. Сначала работал лениво, но после серьезного разговора с сотрудниками МГБ проявил инициативу и разработал план ликвидации банды. Понимая, что обратной дороги уже нет, начал участвовать в деятельности спецгруппы

МГБ. Когда ему предложили пройти подготовку для работы за рубежом в качестве спецагента — он согласился. А что ему еще оставалось делать? Вернуться обратно в институт и после окончания учебы трудиться учителем в сельской школе? Да и кураторы из госбезопасности настаивали. А потом была встреча с Ингой Польш. И он попал под ее влияние.

В отличие от своего коллеги — капитана госбезопасности Николая Хохлова, который написал воспоминания о своей жизни «Право на совесть», которые были изданы в 1957 году на Западе, а в России — только в 2017 году^[92], Богдан Сташинский не пытался сочинить мемуары. Да и о чем интересном он мог в них рассказать? О том, как сражался с бандеровцами? Западнему читателю это не интересно. О том, как выполнял задания советской разведки в ФРГ? Там было много рутины (с позиции читателя). Выше мы процитировали отчет об одной из встреч с агентом. А самое главное — там не было внятного для западного читателя объяснения, почему Богдан Сташинский убил Степана Бандеру и причины, из-за которых он ушел на Запад.

А вот у Николая Хохлова мотивы его поступков прослеживаются достаточно четко и однозначно. Летом 1940 года он окончил школу, мечтал быть актером и «делать кино». И начал двигаться по пути достижения этой цели. Спустя год его жизнь радикально изменилась. В сентябре 1941 года он был завербован сотрудниками 2-го отдела НКВД, возглавляемого Павлом Судоплатовым, и стал одним из ликвидаторов с Лубянки. Он продолжал лицедействовать, изображая врагов советской власти, немецких офицеров и иностранцев. Вот только малейшая ошибка могла стоить ему жизни. А режиссировал он не кинокартины или спектакли, а убийства врагов СССР, принимая активное участие в своих «постановках»... Постепенно к нему пришло

понимание того, что нужно уйти со сцены театра «тайной войны», где он был «звездой».

А кем был Богдан Сташинский? Всего лишь исполнителем чужой воли, который по приказу Лубянки привел в исполнение смертный приговор, который Москва вынесла Степану Бандере.

notes

СНОСКИ

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — Київ, 2005 — С. 439; *Веденеев Д.В., Биструхин Г.С.* Меч і тризуб. Розвідка і контррозвідка руху Українських націоналістів та УПА. 1920-1945. — Київ, 2006. — С. 335.

Веденеев Д.В., Биструхін Г.С. Двобій без компромісів. Протидію спецподрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945–1980-ті роки. Київ, 2007. — С. 51.

Малыгин А.В. Украина: Соборность и регионализм.
Симферополь. 2005. — С. 37.

Бузина О. Тайна авторства «Истории Русов» // Киевские ведомости. 2002. 17 августа.

Санников Г.З. Операция «Рейд», или история одной любви. М., 2007. — С. 408.

Чуев С. Украинский легион. М., 2006 — С. 7.

Чуев С. Украинский легион. М., 2006 — С. 11-20.

Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. — С. 310-321.

Бондаренко К. История, которую мы не знаем или не хотим знать? // Зеркало недели. 2002. 29 марта — 5 апреля, № 12 (387).

Бондаренко К. — Указ. соч.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... —
С. 114-115.

Вейгман С. Авангард революции // Столичные новости. 2004. 24 февраля — 1 марта, № 7(298); *Веденеев Д.В., Биструхин Г.С.* Меч і тризуб... — С. 112.

Динамовцы в боях за родину. Книга вторая. М., 1979. — С. 282; *Лебедь В.* Отряд имени Богдана Хмельницкого // Динамовцы в боях за Родину: сб. М., 1975. С. 45-55.

Лебедь В. На острие // Динамовцы в боях за родину: сб. Книга вторая. М., 1979. — С. 19-33.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.; М., 2001. — С. 371-372.

Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. — С. 35–36.

Докладная записка В.Н. Меркулова И.В. Сталину о деятельности украинских эмигрантских организаций за кордоном. 6 апреля 1941 года. Цит. по Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — М., 2012. С. 231-234.

Докладная записка В.Н. Меркулова И.В. Сталину о деятельности украинских эмигрантских организаций за кордоном. 6 апреля 1941 года. Цит. по Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — М., 2012. С. 243-247.

Протокол допроса члена ОУН Кутковца И.Т. о деятельности ОУН-Бандеры на Западной Украине в 1939–1943 годах и создании УПА. 1 февраля 1944 года. Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 2: 1944–1945. — М., 2012. С. 8–15.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 139.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — Київ, 2005. — С. 20.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 140.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 21.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 141.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 23.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — СС. 22.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 136.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 136.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 23.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 23.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С.
145-146.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 23.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 24-25.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 61.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 146.

Докладная записка зам. начальника следственной части ГУГБ СССР Б.В. Родоса И.А. Серову о результатах операции по вскрытию польского и украинского контрреволюционного подполья в Львовской области. 29 апреля 1940 года. Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. С. 110-112.

Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — М., 2012. С. 102-108.

Докладная записка зам. начальника следственной части ГУГБ СССР Б.В. Родоса И.А. Серову о результатах операции по вскрытию польского и украинского контрреволюционного подполья в Львовской области. — С. 110-112.

Спецсообщение НКВД УССР № 4500/СН в ЦК КП(б) Украины о работе агента 5-го отдела УГБ НКВД УССР «Украинца». 5 декабря 1940 года. Цит. по: *Сергічук В.* Український здви́г: Волинь. 1939–1956. Київ, 2005. — С. 35–38.

Показания офицера «Абверкоманды 202» Зигфрида Мюллера. 19 сентября 1946 года. Цит. по: *Дюков А. Второстепенный враг. М., 2008. — С. 110-114.*

Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов н/Д: Феникс, 1999. — С. 113-114.

Показания бывшего начальника отдела Абвера Берлинского округа полковника Эрвина Штольце, 29 мая 1945 года. Цит. по: *Дюков А.* Второстепенный враг. — С. 121-125.

Чередниченко В.П. Анатомия предательства. Киев, 1983. — С. 47-50.

Дивизия СС-Галичина. Киев, 2007. — С. 8-9.

Дивизия СС-Галичина. Киев, 2007. — С. 11, 13.

Дивизия СС-Галичина. — С. 19-22.

Дивизия СС-Галичина. Киев, 2007 —. С. 9.

Дивизия СС-Галичина. — .С. 27-28.

Гриневич В., Гриневич Л., Якимович Б. Історія українського війська (1917-1995). Львов, 1995. С. — 746-747.

Дюков А. Второстепенный враг. — С. 51-52.

Запорожец М. Холокост по оуновски // Столичные новости. 2007 год. 25 сентября — 1 октября.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941-1945. М., 2005 — С. 258-262.

Акт провозглашения Украинского независимого государства. 30 июня 1941 года. Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — С. 340-341.

Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — С. 345-346.

Сообщение Отдела IVA Реферата 1 С начальника Полиции безопасности и СД № 11 о событиях на оккупированной территории СССР. 3 июля 1941 года. // цит. по Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — С. 356-357.

Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — С. 350-355.

Сообщения Отдела IVA Реферата 1 СС начальника Полиции безопасности и СД о событиях на оккупированной территории СССР. 7 июля 1941 года. Цит. по Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939-1943. — С. 362-363.

Музичук С., Марчук І. Українська Повстанча Армія.
Ровно, 2006. — С. 10.

Музичук С., Марчук І. Українська Повстанча Армія.
Ровно, 2006. — С. 10.

Музичук С., Марчук І. — Указ. соч. С. VIII.

Создана в Дистрикт Галиция в июле-августе 1943 года для противодействия рейду Ковпака.

Веденеев Д. Известные учителя Че Гевары и Вьетконга // В мире спецслужб. 2006. январь-февраль, № 1(13).

Бурдс Д. Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М.; Нью-Йорк, 2006. — С. 54.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 61.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 377.

Дмитрук В.Г. Вони боролися за волю України (Участь ОУН і УПА у національно-визвольній боротьбі українського народу в 1941-1956 рр. за матеріалами Волині та Полісся). Том III. Луцк, 2007. — С. 173.

Показания В.Н. Дьячук-Чижевского о его разговоре со Степаном Бандерой в августе 1945 года в г. Мюнхене. 28 января 1946 года. Цит. по: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 2: 1944-1945. — С. 839-842.

Росов О. Миф о «переодетых энкавэдэшниках» // Свобода слова 2000. 2007. 9 сентября. № 45 (389).

Докладная записка об использовании специальных агентурно-боевых групп по ликвидации подполья ОУН и его вооруженных банд в западных областях Украинской ССР. 30 ноября 1947 года. Цит. по: *Дмитрук В.Г.* Вони боролися за волю України... — Т. III. — С. 322-386.

Музичук С., Марчук І. Указ. соч. — С. 27-28.

Бурдс Д. Указ. соч. — С. 72.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 335.

Росов О. Указ. соч.

Росов О. Указ. соч.

Веденеев Д., Шевченко С. Последний бункер // Кіевський телеграфъ. 2001. 6-12 августа.

Бурдс Д. — Указ. соч. С. 48-50.

Бурдс Д. — Указ. соч. С. 50.

Росов О. Указ. соч.

Бурдс Д. — Указ. соч. С. 87; Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 377.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 379.

Повідомлення про організацію та результати роботи спеціальних груп для боротьби з оунівським бандитизмом у західних областях України. 26 июля 1945 года. Цит. по: *Дмитрук В.Г.* Вони боролися за волю України... — Т. III. — С. 307-310.

Веденеев Д.В., Биструхин Г.С. Меч і тризуб... — С. 343.

Шевченко С., Веденеев Д. «Сова» призывала к примирению... Исторический этюд по документам госархива СБУ // Зеркало недели. 2000. 15-21 июля, № 28(301).

Шевченко С., Веденеев Д. «Сова» призывала к примирению... Исторический этюд по документам госархива СБУ // Зеркало недели. 2000. 15-21 июля, № 28(301).

Шевченко С., Веденеев Д. «Сова» призывала к примирению... Исторический этюд по документам госархива СБУ // Зеркало недели. 2000. 15-21 июля, № 28(301).

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 439; *Веденеев Д.В., Биструхин Г.С.* Меч і тризуб... — С. 335.

Веденеев Д.В., Биструхін Г.С. Двобій без
компромісів... — С. 51.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 439; *Веденеев Д.В., Биструхин Г.С.* Меч і тризуб... — С. 335.

Цит. по: *Жирнов Е.* «Дядей в органах КГБ немало, а умения нащупать врага еще не всегда хватает» // Коммерсантъ Власть. 2012. № 40.

Веденеев Д., Быструхин И. Поединок без компромиссов. С. 473–474.

Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія. — С. 379.

Хохлов Н. Ликвидатор с Лубянки. Выполняя приказы Павла Судоплатова. М., 2017.